

Том 12
№ 1 2021

Март

A stylized world map in shades of blue serves as the background for the journal cover. The map is centered on the Atlantic Ocean, showing the continents of North America, South America, Europe, Africa, Asia, and Australia. The map is composed of various shades of blue, with darker blue for landmasses and lighter blue for oceans.

Модернизация Инновации Развитие

Modernization. Innovation. Research

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.1

ISSN 2079-4665 (Print)
ISSN 2411-796X (Online)

Модернизация Инновации Развитие

Том 12
№ 1
2021

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.1

ISSN 2079-4665 (Print)
ISSN 2411-796X (Online)

Modernization Innovation Research

Vol. 12
No. 1
2021

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ООО Издательский Дом «Наука»
109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519

НАУЧНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

Институт народнохозяйственного прогнозирования
Российской Академии Наук (ИНП РАН)
117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519
Телефон: +7 (499) 271-6724

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER

Publishing House "Science"
Office 519, Dinamovskaya str., 1a,
109044, Moscow, Russian Federation

SCIENTIFIC SUPPORT

Institute of Economic Forecasting (IEF RAS)
47, Nakhimovsky prospect, 117418, Moscow,
Russian Federation

EDITORS OFFICE ADDRESS

Office 519, Dinamovskaya str., 1a, 109044, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 (499) 271-6724

e-mail: info@idnayka.ru, article@idnayka.ru
<http://www.mir-nayka.com>

«МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)»

Научный рецензируемый журнал

Научный журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» публикует научные материалы как теоретического, так и эмпирического характера по всем направлениям экономической науки. На страницах журнала рассматриваются проблемы социально-экономического развития России и ее регионов, варианты текущих, среднесрочных и долгосрочных прогнозов народного хозяйства и секторов экономики, вопросы структурно-инвестиционной, социальной и внешнеэкономической политики, экономические стратегии, процессы глобализации, модернизация в отраслях народного хозяйства.

Научное сопровождение журнала: Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук (ИНП РАН).

Журнал издается при поддержке Факультета менеджмента и международного сотрудничества Института управления и регионального развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» рекомендован **ВАК Минобрнауки России** для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Журнал включен в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**. Полнотекстовые версии статей, публикуемых в журнале, доступны на сайте Научной электронной библиотеки **eLIBRARY.RU** (<http://elibrary.ru>).

В настоящее время журнал присутствует и индексируется в более чем в 15 российских и международных наукометрических базах данных и специализированных ресурсах.

Журнал является членом Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ),

Международной ассоциации по связям издателей (Publishers International Linking Association, Inc. – PILA)

Журнал придерживается лицензии **«Creative Commons Attribution 4.0 License»**.

Все материалы журнала доступны бесплатно для пользователей.

<http://www.mir-nayka.com>

МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)

Журнал издается с января 2010 года

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77-38695 от 21 января 2010 г.

Свидетельство о перерегистрации ПИ № ФС 77-75692 от 08 мая 2019 г.

Выходит 1 раз в квартал

Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» 65042

Журнал рекомендован ВАК Минобрнауки России для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ООО Издательский Дом «Наука»

Генеральный директор: С. Ш. Евдокимова

Шеф-редактор: А. А. Гусаренко

Подписано в печать: 31.03.2021.

Дата выхода в свет: 08.04.2021.

Электронная версия журнала:

<http://www.mir-nayka.com>; <http://www.elibrary.ru>

Формат: 70 x 108 1/16. Усл. печ. л. 8,05.

Тираж: 100 экз. Свободная цена.

При цитировании ссылка на журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» обязательна.

Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции.

Попечитель журнала

Сенин А. С. – доктор экономических наук, профессор, декан Факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Double-blind peer-reviewed scholarly journal

The journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)" publishes both theoretical and empirical Research in all spheres of Economic. The journal deals with the problems of socio-economic development of Russia and its regions, short-, medium- and long-term forecasts of economic development and its sectors, the issues of structural investment, social, financial and foreign policies, economic strategies, the processes of globalization and modernization in the sectors of National economy.

The scientific support of journal: the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (IEF RAS).

The journal is published with the financial support of the Department of Marketing and International Cooperation of the Institute of Management and Regional Development of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

The journal is included in the list of peer-reviewed journals established by the Highest Certification Commission (HCC) of Russian Federation [Vysshaya attestatsionnaya komissiya (VAK) Rossijskoj Federatsii].

All articles of the journal are publicly available – on the websites of the journal and the Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>). The journal is included in Russian Index of Scientific Citations (http://elibrary.ru/project_risc.asp).

The journal is present and indexed in more than 15 Russian and International science-based databases and specialized resources.

All materials of the journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)" are published by using the license **Creative Commons Attribution 4.0 License**, allowing loading and distributing works on the assumption of indicating the authorship. The works may not be changed in any way or used for commercial interests.

<http://www.mir-nayka.com>

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Published since January 2010

Registration Certificate ПИ № ФС77-38695 of January 21, 2010
by the Ministry of Press, Broadcasting and Mass Communications of the Russian Federation

Re-Registration Certificate ПИ № ФС77-75692, May 08, 2019

Publication frequency: quarterly

Subscription index in catalogue of agencies "Rospechat" 65042

The journal is recommended by VAK (the Higher Attestation Commission) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish scientific works encompassing the basic matters of theses for advanced academic degrees

The journal is indexed and archived in Russian Index of Scientific Citations

Publishing House "Science"

Director General: Svetlana Sh. Evdokimova

Executive Editor: Anna A. Goussarenko

Date of publishing: 31.03.2021.

Signed for printing: 08.04.2021.

Scientific electronic library: <http://www.elibrary.ru>

Online: <http://www.mir-nayka.com>,

<http://www.idnayka.ru>

Sheet size: 70 x 108 1/16. Conventional printed sheets 8.05.

Free price.

This publication may not be reproduced in any form without permission.

Trustee of the Journal

Aleksandr S. SENIN – Dr.Sci. (Economics), Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

КОМКОВ Николай Иванович, заведующий лабораторией организационно-экономических проблем управления научно-техническим развитием, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 25655112100, komkov_ni@mail.ru (Москва, Россия)

Зам. главного редактора

ЖУКОВ Евгений Алексеевич, почетный профессор, Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), доктор экономических наук, evgenii.zhukov@mail.ru (Москва, Россия)

МИШИН Юрий Владимирович, профессор кафедры математических методов в экономике и управлении Государственного Университета Управления (ГУУ), доктор экономических наук, профессор, myv1@rambler.ru (Москва, Россия)

ИВАЩЕНКО Наталия Павловна, заместитель декана экономического факультета, заведующий кафедрой экономики инноваций, МГУ им. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 35111334600, nivashenko@mail.ru (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

АКАЕВ Аскар Акаевич, Иностраннный член РАН (Кыргызстан), главный научный сотрудник, Институт математических исследований сложных систем МГУ им. Ломоносова, доктор технических наук, профессор, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Москва, Россия)

АЛФЕРОВ Валерий Николаевич, доцент департамента управления бизнесом Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент, expertavn@bk.ru (Москва, Россия)

БАЙТЕНОВА Лаура Маратовна, Университет Нархоз, образовательная программа «Информационные системы и статистика», доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 55428546500, laura.baitenova@narhoz.kz (Алматы, Казахстан)

БУРКАЛЬЦЕВА Диана Дмитриевна, профессор кафедры финансов и кредита, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57191192862, di_a@mail.ru (Симферополь, Россия)

БУРУКИНА Ольга Алексеевна, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, старший исследователь Университета Вааса, кандидат филологических наук, доцент, магистр юриспруденции, магистр менеджмента, obur@mail.ru (Москва, Российская Федерация; Вааса, Финляндия)

ВЕУГЕР Ян, профессор блокчейн, ведущий профессор Института блокчейн, Университет прикладных наук Саксион, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5881-5403>, j.veuger@saxion.nl (Энсхеде, Нидерланды)

ДИДЕНКО Николай Иванович, заведующий научно-исследовательской лаборатории «Системная динамика», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56105001600, didenko.nikolay@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

ДМИТРИЕВСКИЙ Анатолий Николаевич, академик РАН, научный руководитель, Институт проблем нефти и газа РАН (ИПНГ РАН), доктор геолого-минералогических наук, профессор, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Москва, Россия)

ИЗМАЙЛОВА Марина Алексеевна, профессор департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57189310428, m.a.izmailova@mail.ru (Москва, Россия)

КАТУЛЬСКИЙ Евгений Данилович, главный научный сотрудник ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Scopus ID: 57194697861, sh-darina@yandex.ru (Москва, Россия)

КОСИНЬСКИ Эрык, факультет права и управления, кафедра государственного экономического права, Университет имени Адама Мицкевича в Познани, доктор юриспруденции, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2899-5228>, erykk@amu.edu.pl (Познань, Польша)

МИДЖЛИ Джеральд, профессор системного мышления, Университет Халла, факультет бизнеса, законодательства и политики, Центр системных исследований, Scopus ID: 8849715000, GRMidgley@hull.ac.uk (Халл, Великобритания)

ПАЛАТКИН Иван Викторович, директор Пензенского казачьего института технологий (филиал) ФГБОУ ВПО «МГУТУ имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета)», доктор экономических наук, профессор, ivpalatkin@bk.ru (Пенза, Россия)

ПИСАРЕВА Ольга Михайловна, заведующий кафедрой математических методов в экономике и управлении, директор Института информационных систем, Государственный Университет Управления (ГУУ), кандидат экономических наук, доцент, o.m.pisareva@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

САФИУЛЛИН Азат Рашитович, заведующий кафедрой проектного менеджмента и оценки бизнеса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 55982236800, safiullin.ar@gmail.com, azat.safiullin@tatar.ru (Казань, Россия)

СМИРНОВА Ольга Олеговна, эксперт национальной части Делового Совета Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 56719162500, 7823091@bk.ru (Москва, Россия)

ФЕДОРОВА Ирина Юрьевна, профессор департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 55968559500, fedorovaiu1@gmail.com (Москва, Россия)

ЩЕПЕТОВА Светлана Евгеньевна, первый заместитель заведующего кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57207470919, SEShchetova@fa.ru (Москва, Россия)

ЭПУРЕ Мануэла, доктор экономических наук, проректор университета Spiru Haret, директор Центра НИР университета Spiru Haret, merpure@yahoo.com (Бухарест, Румыния)

Ответственный секретарь

ГУРОВА Ирина Михайловна, ведущий специалист отдела НИР и издательской деятельности, Факультет маркетинга и международного сотрудничества ИУРР РАНХиГС, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7361-3543>, i-m-g@yandex.ru (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Nikolai I. KOMKOV, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4109-9433>, Scopus ID: 25655112100, komkov_ni@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Deputy editor-in-chief

Evgenii A. ZHUKOV, Dr.Sci. (Econ.), Moscow International Higher Business School MIRBIS, evgenii.zhukov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Yurii V. MISHIN, Dr.Sci. (Econ.), Professor, State University of Management, myv1@rambler.ru (Moscow, Russian Federation)

Nataliya P. IVASHCHENKO, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 35111334600, nivashenko@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Members of Editorial Board

Askar A. AKAEV, Dr.Sci. (Eng.), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan), Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valerii N. ALFEROV, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Researcher ID: L-4129-2018, expertavn@bk.ru (Moscow, Russian Federation)

Laura M. BAITENOVA, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Narxoz University, Head of the educational program "Information systems and statistics", Scopus ID: 55428546500, laura.baitenova@narxoz.kz (Almaty, Kazakhstan)

Diana D. BURKALTSEVA, Dr.Sci. (Econ.), Assoc. Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation), Scopus ID: 57191192862, di_a@mail.ru (Simferopol, Russian Federation)

Ol'ga A. BURUKINA, Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation), University of Vaasa (Vaasa, Finland), obur@mail.ru

Jan VEUGER, Professor Blockchain, Leading professor Saxion Blockchain Institute, Saxion University of Applied Sciences, Schools of Finance & Accounting, School of Creative Technology, School of Governance, Law and Urban Development, Hospitality Business School and School of Commerce & Entrepreneurship, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5881-5403>, j.veuger@saxion.nl (Enschede, Netherlands)

Nikolai I. DIDENKO, Dr.Sci. (Econ.), Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Scopus ID: 56105001600, didenko.nikolay@mail.ru (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Anatoly N. DMITRIEVSKY, Academician, Dr.Sci. (G.-M.), Professor, Russian Academy of Sciences Oil and Gas Research Institute, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Moscow, Russian Federation)

Marina A. IZMAILOVA, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 57189310428, m.a.izmailova@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Evgeniy D. KATUL'SKIY, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Federal State Institution All-Russian scientific-research institute for labour protection and economics under the Ministry for Public Health and Social Development, sh-darina@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

Eryk KOSIŃSKI, Doctor of Law, Chair of Public Economic Law, Faculty of Law and Administration of the Adam Mickiewicz University in Poznan, Poznan University of Technology, erykk@amu.edu.pl (Poznan, Poland)

Gerald MIDGLEY, Professor of Systems Thinking, University of Hull, Faculty of Business, Law and Politics Centre for Systems Studies, Scopus ID: 8849715000, GRMidgley@hull.ac.uk (Hull, UK)

Ivan V. PALATKIN, Dr.Sci. (Econ.), K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University) (Penza branch), ivpalatkin@bk.ru (Penza, Russian Federation)

Olga M. PISAREVA, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., State University of Management, Scopus ID: 57200260200, o.m.pisareva@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Azat R. SAFIULLIN, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Kazan Federal University, Scopus ID: 55982236800, safiullin.ar@gmail.com, azat.safiullin@tatar.ru (Kazan, Russian Federation)

Olga O. SMIRNOVA, Dr.Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Business Council of the Shanghai Cooperation Organization, Scopus ID: 56719162500, 7823091@bk.ru (Moscow, Russian Federation)

Irina Yu. FEDOROVA, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 55968559500, fedorovaiu1@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Svetlana E. SHCHEPETOVA, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 57207470919, SEShchepetova@fa.ru (Moscow, Russian Federation)

Manuela EPURE, PhD in Marketing, Prof. of Marketing Research, Department of Economic Sciences, Spiru Haret University (USH), mepure@yahoo.com (Bucharest, Romania)

Executive Secretary

Irina M. GUROVA, Cand. Sci. (Econ.), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7361-3543>, i-m-g@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕРНИЗАЦИЯ

Щербаков Г. А.

Влияние и последствия пандемии COVID-19: социально-экономическое измерение 8

Бондарева Н. Н.

Современные подходы к развитию Арктики с учетом потенциала синергии
в условиях новых рисков и вызовов 23

ИННОВАЦИИ

Федорова И. Ю., Пипия Ю. С.

Организация системы государственных закупок в Японии и возможности опыта их применения
в России 34

РАЗВИТИЕ

Юзеф Х. А.

Финансовый механизм развития исламского бизнеса в Российской Федерации 56

Батов Г. Х., Хутова Л. А., Шогенов Т. М.

Слаборазвитый регион: императивы реиндустриализации (на примере
Северо-Кавказского федерального округа) 71

Редита Неша, Робиани Бернадетт, Анна Юлианита

Факторы неравенства доходов в провинции Бангка Белитунг (Индонезия) 83

Информация для авторов и читателей (на рус. яз.) 91

Информация для авторов и читателей (на англ. яз.) 92

CONTENTS

MODERNIZATION

Shcherbakov G. A.	
Impact and Consequences of the COVID-19 Pandemic: Socio-Economic Dimension	8
Bondareva N. N.	
Modern Approaches to Arctic Development in View of Synergy Potential in the New Risks and Challenges Environment	23

INNOVATION

Fedorova I. Yu., Pipiya Yu. S.	
Organization of the Public Procurement System in Japan and the Possibilities of Experience of their Application in Russia	34

RESEARCH

Youssef H. A.	
Financial Mechanism for the Development of Islamic Business in the Russian Federation	56
Batov G. H., Khutova L. A., Shogenov T. M.	
An Underdeveloped Region: the Imperatives of Reindustrialization (on the example of the North Caucasian Federal District)	71
Redita Nesha, Robiani Bernadette, Anna Yulianita	
The Determinants of Income Inequality in Bangka Belitung Province	83
Information for Authors and Readers of the Journal (In Russian)	91
Information for Authors and Readers of the Journal (In English)	92

УДК 330.341.1

JEL: B19, B29, O33

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22

Оригинальная статья

Влияние и последствия пандемии COVID-19: социально-экономическое измерение

Геннадий Анатольевич Щербаков¹
¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
125993, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49

E-mail: g.shcherbakov@mail.ru

Аннотация

Цель. Активное развитие пандемии коронавируса и мероприятия по противодействию ей со стороны национальных властей и международных организаций уже сейчас оказали влияние на восприятие окружающей действительности жителями планеты. Понятия «карантин», «самоизоляция» и «социальная дистанция» вошли в повседневный лексикон людей, проживающих в различных, зачастую весьма непохожих регионах, со своей историей, культурой, традициями, конфессиональной принадлежностью. Поражает скорость, с которой меняются условия проживания, привычки и модели поведения по всему миру. Возникает естественное желание разобраться: все происходящее – это временное явление, преодоление которого вернет нашу жизнь в прежнее русло, или же трансформации, происходящие в сознании общества, носят долговременный характер, и человечество находится в процессе формирования качественно новых параметров существования, в настоящее время еще не вполне воспринимаемых, но в скором времени способных стать «новой нормальностью». Основной задачей исследования является проведение качественного анализа изменений в социально-экономической сфере, связанных с распространением в мире пандемии COVID-19, с целью выявления социальных, экономических и институциональных процессов, способных оказать существенное влияние на жизнь общества в долгосрочной перспективе.

Метод или методология проведения работы. При подготовке статьи использовался комплекс методов практического анализа и теоретического исследования, среди которых: логический, системный и абстрактный методы.

Результаты работы. В рамках проведенного исследования решена основная задача настоящей работы – проведение качественного анализа трансформаций в социально-экономической сфере, связанных с распространением в мире пандемии COVID-19. На основе фактологической и статистической информации выявлены особенности нынешней ситуации, а также определены процессы и тенденции развития, способные привести к фундаментальным, долговременным изменениям в социально-экономической жизни общества.

Выводы. Влияние пандемии коронавируса преодолело границы исключительно медико-биологического восприятия указанного явления и все более приобретает экономическое и социально-гуманитарное измерение. Глубина и острота трансформаций, происходящих в социально-экономической сфере, дают основания заявлять о долгосрочном характере последствий пандемии коронавируса в общественном развитии.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, экономический кризис, рецессия, пандемия COVID-19, долгосрочный экономический цикл

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Щербаков Г. А. Влияние и последствия пандемии COVID-19: социально-экономическое измерение // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 1. С. 8–22

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22>

© Щербаков Г. А., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

Impact and Consequences of the COVID-19 Pandemic: Socio-Economic Dimension

Gennady A. Shcherbakov¹

¹ Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
49, Leningradsky avenue, Moscow, Russia Federation, 125993

E-mail: g.shcherbakov@mail.ru

Abstract

Purpose: the active development of the coronavirus pandemic and measures to counter it by national authorities and international organizations have already influenced the perception of reality by the inhabitants of the planet. There is a natural desire to understand: everything that is happening is a temporary phenomenon, the overcoming of which will return our life to its former course, or the transformations taking place in society are of a long-term nature, and humanity is in the process of forming qualitatively new parameters of existence, which can become a "new normality". The main objective of the study is to conduct a qualitative analysis of changes in the socio-economic sphere associated with the spread of the COVID-19 pandemic in the world. The goal is to identify social, economic and institutional processes that can influence the life of society.

Methods: a set of methods of practical analysis and theoretical research was used, including: logical, system and abstract methods.

Results: the study solves the main task of this work - to conduct a qualitative analysis of the transformations in the socio-economic sphere associated with the spread of the COVID-19 pandemic in the world. On the basis of factual and statistical information, the features of the current situation are identified, as well as the processes and trends of development that can lead to fundamental, long-term changes in the socio-economic life of society.

Conclusions and Relevance: a qualitative analysis of the impact of COVID-19 on the social and economic spheres of society shows that the impact of the coronavirus pandemic has crossed the boundaries of the exclusive medical and biological perception of this phenomenon and is increasingly acquiring an economic and socio-humanitarian dimension.

Keywords: socio-economic development, economic crisis, recession, COVID-19 pandemic, long-term economic cycle

Conflict of Interest. The Author declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Shcherbakov G. A. Impact and Consequences of the COVID-19 Pandemic: Socio-Economic Dimension. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitiie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2021; 12(1):8–22. (In Russ.)

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22>

© Shcherbakov G. A., 2021

Введение

Чуть более года отделяет человечество от декабря 2019 г., когда в китайском городе Ухань провинции Хубэй была впервые зафиксирована вспышка неизвестной болезни, получившей название COVID-19. Уже 30 января 2020 г. – после ее распространения на территорию более двух десятков стран, включая США, Канаду, Францию, Германию, Англию, Австралию, Таиланд, Японию, Южную Корею и др. – она была признана, по методологии Всемирной организации здравоохранения, «чрезвычайной ситуацией международного масштаба»¹. Исключительность подобной квалификации нового вируса подтверждает тот факт, что за период, прошедший с принятия в 2005 г. Международных медико-санитарных правил (разработанных после вспышки в 2002–2003 гг. атипичной пневмонии), ВОЗ лишь

4 раза применяла подобную оценку в отношении трансграничного характера развития болезней: H1N1 (свиной грипп) – в 2009 г., полиомиелит – в 2014 г., лихорадка Эбола в 2014 и 2018 гг., лихорадка Зика – в 2015–2016 гг.

11 марта 2020 г. ВОЗ квалифицировала распространение COVID-19 как пандемию. За короткий период медицинские термины «2019-nCoV», «SARS-CoV-2», «COVID-19» вошли в повседневную лексику населения 219 стран и территорий мира², охваченных еще недавно неизвестным вирусом.

Обзор литературы и исследований. Проблемы, связанные с распространением COVID-19, вызывают заметный интерес научного сообщества. В многочисленных исследованиях рассматриваются различные аспекты влияния пандемии на жизнь

¹ ВОЗ объявила вспышку коронавируса ЧС международного значения / Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/693442>

² Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

общества. Указанные исследования опираются на солидный, оперативно обновляемый массив данных по распространению пандемии коронавируса в отдельных странах и в мире, формируемый в настоящий момент практически всеми крупными международными, правительственными и научными организациями. Как правило, результаты представлены в формате научных или публицистических статей, в которых рассматриваются те или иные вопросы, связанные с COVID-19 (см., например, [1; 2; 3]). Ряд периодических изданий даже выделил специальный раздел в своих изданиях, посвященный проблемам пандемии коронавируса. НИУ ВШЭ летом 2020 г. на еженедельной основе выпускал отдельный «Аналитический бюллетень об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире», содержащий актуальную информацию по заявленной проблематике³. Следует отметить, что крупных научных работ, в формате авторских или коллективных монографий, очень немного (см., например, [4; 5; 6; 7; 8]), что, вероятно, объясняется новизной проблемы. В большинстве случаев речь идет о немногочисленных обзорах международных организаций или финансовых институтов о развитии экономики в пандемический период⁴. В этой связи следует упомянуть книгу К. Шваба и Т. Маллере «COVID-19: Великая перезагрузка» [9], вызвавшую сразу после ее опубликования на сайте Всемирного экономического форума не только значительный интерес, но и волну критики. Монография представляет собой неожиданный симбиоз либеральных подходов К. Шваба и левых идей его соавтора Т. Маллере, и является на сегодняшний день, наверное, единственной крупной работой, поставившей целью анализ текущих событий, проецированный на будущий период развития общества.

Материалы и методы. Настоящая статья является результатом исследования событий, происходивших в социальной и экономической сферах общественной жизни с января 2020 г. по настоящее время, а также выявления тенденций, способных сформировать устойчивый вектор развития обще-

ства на долгосрочный период. При анализе текущей ситуации осуществлялась интеграция концептуальных подходов к осознанию влияния пандемии COVID-19, активно использовались методы анализа статистических данных и макроэкономического моделирования. Эмпирическая база представлена комплексом тематических материалов, публикуемых в периодических научных изданиях.

Актуальность исследуемой проблематики обусловлена обстоятельством, что в настоящее время мир переживает вторую волну пандемии коронавируса, прошедшую свой пик в январе 2021 г. Летнее (2020 г.) снижение темпов роста числа инфицированных не закрепилось в виде постепенного и окончательного преодоления COVID-19, и сейчас в мире количество зараженных за весь период развития пандемии превысило 131 млн, из которых около 23 млн человек находятся в активной фазе развития болезни. Россия, несмотря на все официальные заявления об успехах отечественной медицины в борьбе с коронавирусом, находится на 5-м месте в мире по числу зараженных (4,6 млн человек), уступая лишь США (31,4 млн), Бразилии (13,1 млн), Индии (12,5 млн) и Франции (4,8 млн). Она опередила по этому показателю даже Англию (4,4 млн)⁵, в декабре 2020 г. объявившую об обнаруженном в стране новом, более опасном штамме коронавируса B.1.525.

Число жертв пандемии COVID-19 в мире уже превысило отметку в 2,8 млн человек, что составляет 3% всех так называемых «закрытых случаев» (сумма выздоровевших и умерших от болезни пациентов). По этому показателю в пятерку «лидеров» входят: США (568,5 тыс. человек), Бразилия (330,2 тыс.), Мексика (203,9 тыс.), Индия (164,7 тыс.) и Великобритания (126,9 тыс.). Россию со 100,1 тыс. погибших граждан (7-е место) от пяти наиболее пострадавших государств отделяет Италия (110,7 тыс.)⁶, ситуация в которой весной 2020 г. в российских СМИ представлялась как катастрофическая и потребовавшая направления корпуса российских военных медиков для помощи стране в борьбе с коронавирусом.

³ Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. № 9 (10.07.2020). 119 с. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/377993642.pdf> (дата обращения: 10.03.2021)

² Global Economic Effects of COVID-19 / Congressional Research Centre. Wash., 2021. 140 p. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46270>; How COVID-19 is changing the world: a statistical perspective / The Committee for the Coordination of Statistical Activities. NY: CCSA, 2020. 77 p. URL: https://unstats.un.org/unsd/ccsa/documents/covid19-report-ccsa_vol2.pdf; Оценка последствий эпидемии для экономики России через призму межотраслевого баланса / Центральный банк Российской Федерации. М.: ЦБ РФ. 2020. 17 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/112062/analytic_note_202008_dip.pdf; Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность / Счетная палата Российской Федерации. М., 2020. 37 с. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf> (дата обращения: 09.01.2021)

⁵ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

⁶ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

На фоне развития пандемии коронавируса на самых различных экспертных уровнях звучат эмоциональные заявления: «мир никогда не будет прежним», «наша жизнь поделится на «до» и «после» коронавируса», «после коронавируса мы все будем жить в другом мире» и проч. Для людей, переживших личную трагедию, связанную с COVID-19, мир, действительно, уже не станет прежним. Что же касается общества в целом, то оно достаточно быстро после окончания пандемии вернется к обычному течению дел, и невосполнимые потери от вируса SARS-Cov-2 скроются в сухих статистических показателях, по которым человечество будет сравнивать COVID-19 с предыдущими и последующими эпидемиологическими потрясениями.

Человечество уже не раз проходило подобные бедствия, и в этой связи примечательна историческая аналогия, заимствованная из письма Н.В. Гоголя Жуковскому (1836 г.): «Мое намерение было провести зиму в Италии. Но в Италии бушевала холера страшным образом; карантин покрывал ее как саранча. Я встречал только бежавших оттуда итальянцев, которые от страха в масках проезжали свою землю»⁷. Аналогичная ситуация происходила с пандемией азиатского гриппа в 1957–1958 гг., гонконгского гриппа в 1968–1969 гг., лихорадкой Эбола в 2014–2016 гг. (коэффициент смертности которой составляет около 50%) и др.

Другая особенность восприятия текущего кризиса проявляется в заявлениях типа «никогда прежде...», которые объясняются психологической особенностью воспринимать текущие проблемы более остро, чем проблемы, случившиеся ранее или, тем более, произошедшие с другими людьми. Так, например, К. Шваб и Т. Маллере в своем манифесте «COVID-19: Великая перезагрузка» пишут: «Мировая экономика еще никогда не совершала столь внезапную и жесткую посадку. Никогда прежде кто-либо из живущих сегодня людей не был свидетелем экономического коллапса, природа и темпы которого имели бы такие драматичные и далеко идущие последствия» [9]. В этой связи возникает закономерный вопрос: а как же Великая депрессия, в течение длительного периода удерживавшая мировое хозяйство в состоянии угнетенности? Или разве можно сравнить урон, понесенный от нынешней пандемии, с чумой 1346–1353 гг., унесшей жизни 60% населения Европы? Или как быть с испанским гриппом, поразившим в 1918–1920 гг.

почти треть населения планеты и унесшим жизни, по минимальным оценкам, более 17 млн человек?

Таким образом, человечество нечто подобное уже проходило, и мир останется прежним: беспечным и, скорее всего, опять неподготовленным к новым угрозам.

Одновременно не следует преуменьшать тяжесть и драматизм нынешней ситуации, и уже сейчас полезно сделать некоторые, обращенные в будущее, выводы. Основной из них заключается в том, что последствия пандемии коронавируса вышли за границы исключительно медико-биологического восприятия указанного явления и все более приобретают экономическое и социально-гуманитарное измерение. Указанный тезис базируется на следующих фактах.

Результаты исследования

Экономическое измерение

Первое. Пандемия стала «спусковым крючком» к очередному мировому экономическому кризису, который, по мнению экспертов, способен по глубине и разрушительной мощи превзойти Великую депрессию 1929–1933 гг. [10].

Еще в начале первой волны пандемии директор-распорядитель МВФ К. Георгиева сообщала о более 90 странах, обратившихся в фонд за экстренным финансированием в связи с распространением COVID-19. «По формирующимся рынкам и развивающимся экономикам нанесен мощный удар, – заявляла глава МВФ. – У них зачастую меньше ресурсов для самозащиты в условиях этого двойного кризиса: в сфере здравоохранения и экономики»⁸.

Без сомнения, глобальное хозяйство к этому моменту было перегружено серьезными дисбалансами, о чем все чаще в последнее время стали говорить в научном сообществе. О неизбежности крупного потрясения мировой экономики на рубеже второго и третьего десятилетий нынешнего века заявлял (по крайней мере, с 2015 г.) и автор данной статьи⁹. Данный тезис подтверждается тем фактом, что уже в 4-м квартале 2019 г. (то есть еще до начала пандемии COVID-19) многие страновые экономики пребывали в зоне отрицательного роста (Италия: -0,2%, Япония: -1,0%, Мексика: -0,8%, Аргентина: -0,3%, Чили: -2,3%, ЮАР: -0,6%, Саудовская Аравия: -0,7%) или находились на близком

⁷ URL: <https://news.rambler.ru/other/43837913-gogol-pushkin-shevchenko-i-erenburg-kto-i-kak-pisal-pro-koronavirus>

⁸ Глава МВФ заявила, что мировая экономика вошла в период спада / ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8158585>

⁹ См., напр.: Щербakov Г. А. Системные экономические кризисы в долгосрочной динамике мирового хозяйственного развития. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 156–159.

к нулевому значению роста ВВП (Австрия: 0,2%, Франция: 0,8%, Финляндия: 0,8%, Германия: 0,4%, Швеция: 0,6%, Россия: 0,3%)¹⁰. Мировая экономика была готова к кризису, и его причиной могло стать любое негативное событие, даже неэкономического свойства. Вместе с тем, стремительное скатывание мировой экономики в кризис произошло в 1-м квартале 2020 г. на фоне сообщений о разворачивающейся болезни. В связи с этим можно считать историческим фактом, что «триггером» нынешних экономических пертурбаций стала пандемия COVID-19.

Эпидемии и пандемии, приводившие к выбыванию огромных масс трудоспособного населения из хозяйственного оборота, неоднократно становились в экономической истории вступительным актом к серьезным экономическим катаклизмам, протекавшим, как правило, в форме финансовых потрясений. Однако здесь, действительно, можно утверждать, что никогда ранее (начиная, как минимум, с индустриального периода развития общества) событие подобного рода не становилось причиной столь глобального потрясения. Пандемия COVID-19 выступила катализатором мощных процессов, которые развиваются в русле социально-экономических трансформаций, происходящих каждые 50–60 лет на сломе долгосрочных экономических циклов, и запустила очередной мировой экономический кризис (далее – «коронавирусная рецессия»).

Уже в 1-м квартале 2020 г. практически все национальные экономики демонстрировали отрицательный рост. Последующий период 2020 г. не улучшил ситуацию, и итоги года представляются удручающими. Согласно данным ООН, спад в мировом хозяйстве составил в 2020 г. 4,3%. Коронавирусная рецессия нанесла по мировой экономике более мощный удар, чем мировой экономический кризис 2008–2009 гг., когда глобальный ВВП сократился на 1,7%.

Наибольшие потери пришлось на развитые страны, где ограничительные меры были введены в первую очередь. ВВП развитых государств потерял в 2020 г. 5,6%. Экономика стран G20, на долю которых приходится около 80% мирового производства, сократилась на 4,1%. Из числа стран-участниц G20 только Китай и Турция смогли в 2020 г. сохранить положительный рост ВВП. Информация о динамике ВВП стран Европы в 2019–2020 гг. (к соответствующему периоду предыдущего года) представлена в табл. 1. «Мировая торговля товарами и услугами, по оценкам ООН, снизилась на 7,6% в 2020 г. Экспорт туризма сократился на 70%, в результате чего туристическая отрасль потеряла около 1,1 трлн долларов. В большей степени пострадали развивающиеся страны Карибского бассейна, чья экономика ориентирована на туристический сектор»¹¹.

Таблица 1

Динамика ВВП стран Европы в 2019–2020 гг. (к соответствующему периоду предыдущего года)

Table 1

Dynamics of European countries GDP in 2019–2020 (to the corresponding period of the previous year)

Страна / год	2019	2020	Страна / год	2019	2020	Страна / год	2019	2020
ЕС (27 стран)	1,6	-6,2	Испания	2,0	-11,0	Румыния	4,1	-3,9
Еврозона	1,3	-6,6	Италия	0,3	-8,9	Сербия	4,2	-1,0
Австрия	1,4	-6,6	Кипр	3,1	-5,1	Словакия	2,3	-5,2
Бельгия	1,7	-6,4	Латвия	2,0	-3,6	Словения	3,2	-5,5
Болгария	3,7	-4,2	Литва	4,3	-0,8	Турция	0,9	1,8
Англия	1,4	н/д	Люксембург	2,3	-1,3	Финляндия	1,3	-2,8
Венгрия	4,6	-5,0	Мальта	5,5	-7,0	Франция	1,5	-8,1
Германия	0,6	-4,9	Нидерланды	1,7	-3,8	Хорватия	2,9	-8,4
Греция	1,9	-8,2	Норвегия	0,9	-0,8	Чехия	2,3	-5,6
Дания	2,8	-3,3	Польша	4,5	-2,7	Швейцария	1,1	-2,9
Ирландия	5,6	3,4	Португалия	2,5	-7,6	Швеция	1,4	-2,8
Исландия	2,6	-6,6	Россия	2,0	-3,1	Эстония	5,0	-2,9

Составлено автором по материалам: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>; Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> (Россия).

Compiled by the author based: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>; Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> (for Russia).

¹⁰ OECD. Main Aggregates. Gross domestic product (GDP). URL: <https://stats.oecd.org>

¹¹ В ООН подвели экономические итоги 2020 года / ТАСС. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/10634307>

Во 2-м квартале 2020 г., который в большинстве государств отмечен введением жестких ограничительных мер, мировое хозяйство испытало наиболее ощутимый урон (см. табл. 2). ВВП России снизился по сравнению со 2-м кварталом предыдущего года на 5,6%, ВВП США – на 9,1%, а ВВП Евросоюза – на 13,9%, что стало рекордным падением для европейской экономики с 1995 г. Наиболее тяжелый удар пришелся на экономику Испании, потерявшую 22,1%, и Великобритании (-21,7%). По сравнению с ними Швеция, не вводя-

шая жесткого карантина, прошла этот сложный этап кризиса относительно легко – ее экономика во 2-м квартале 2020 г. показала снижение лишь на 7,7%. Впрочем, соседняя Финляндия, пошедшая по пути жестких ограничений, понесла еще меньший урон – 6,3%¹². Экономические потери коррелируют в данном случае с разворачиванием пандемии в каждой из приведенных стран. В Великобритании к концу 2-го квартала 2020 г. заразилось 250,3 тыс. человек, из которых погибло 37,6 тыс., в Испании данные показатели составили

Таблица 2

Поквартальная динамика ВВП стран мира в 2020 г. (к соответствующему периоду 2019 г.)

Table 2

Quarterly dynamics of the world's countries GDP in 2020 (to the corresponding period of 2019)

Страна	2020 г. / квартал				Страна	2020 г. / квартал			
	Q1	Q2	Q3	Q4		Q1	Q2	Q3	Q4
G20	-1,6	-8,9	-2,2	-0,5	Колумбия	0,1	-15,6	-8,3	-3,5
G7	-1,3	-11,8	-4,1	-3,3	Р. Корея	1,4	-2,8	-1,1	-1,2
ОЭСР	-0,9	-11,6	-3,8	-3,1	Латвия	-1,2	-8,6	-2,8	-1,8
ОЭСР (Евр.)	-1,9	-14,1	-3,8	-4,1	Литва	2,5	-4,7	0,1	-1,0
Нафта	0,0	-10,3	-3,6	-2,7	Люксембург	1,3	-7,9	-0,0	1,4
Евросоюз	-2,7	-13,8	-4,1	-4,6	Мексика	-2,2	-18,6	-8,5	-4,5
Еврозона	-3,3	-14,6	-4,2	-4,9	Нидерланды	-0,4	-9,2	-2,5	-3,0
Австралия	1,4	-6,3	-3,7	-1,1	Н. Зеландия	0,1	-11,4	0,2	-0,9
Австрия	-3,6	-13,6	-3,8	-5,9	Норвегия	0,4	-4,4	-0,1	-1,1
Англия	-2,2	-21,0	-8,7	-7,8	Польша	1,9	-8,0	-1,8	-2,7
Аргентина	-4,6	-19,6	-10,1	..	Португалия	-2,2	-16,3	-5,7	-6,1
Бельгия	-2,0	-13,9	-4,3	-5,1	Россия	-0,1	-5,6	-3,3	..
Болгария	2,3	-8,6	-5,2	-3,8	Румыния	2,7	-10,0	-5,4	-1,8
Бразилия	-1,4	-10,9	-3,9	-1,2	С. Аравия	-1,2	-7,1	-5,1	-3,0
Венгрия	2,0	-13,4	-4,8	-4,1	Словакия	-3,8	-12,1	-2,3	-2,6
Германия	-2,2	-11,3	-4,0	-3,6	Словения	-3,3	-13,0	-3,0	-5,0
Греция	0,1	-13,8	-10,5	-7,9	США	0,3	-9,0	-2,8	-2,4
Дания	0,2	-7,5	-3,1	-2,6	Турция	4,6	-8,7	5,4	5,0
Израиль	0,7	-8,3	-1,0	-0,5	Финляндия	-0,6	-6,1	-2,7	-1,7
Индия	3,2	-24,1	-7,0	0,1	Франция	-5,6	-18,6	-3,7	-4,9
Индонезия	2,9	-5,4	-3,7	-2,1	Чехия	-1,8	-10,8	-4,9	-4,7
Ирландия	4,1	-2,7	8,9	-0,2	Чили	0,3	-13,7	-10,2	-0,1
Исландия	-4,7	-10,1	-6,0	-5,9	Швейцария	-0,6	-8,1	-1,6	-1,7
Испания	-4,2	-21,6	-9,0	-9,1	Швеция	0,1	-7,7	-2,2	-2,1
Италия	-5,8	-18,2	-5,2	-6,6	Эстония	0,2	-5,5	-3,5	-1,9
Канада	-0,3	-12,7	-5,3	-3,2	ЮАР	-0,2	-17,5	-5,9	-4,2
Китай	-6,8	3,2	4,9	6,5	Япония	-2,1	-10,3	-5,8	-1,3

Составлено автором по материалам: OECD. Main Aggregates. Gross domestic product (GDP). URL: <https://stats.oecd.org>.

Compiled by the author based: OECD. Main Aggregates. Gross domestic product (GDP). URL: <https://stats.oecd.org>.

¹² Апокалипсиса не случилось. Пандемия меняет финансовое поведение россиян // Коммерсантъ Деньги. 2020. № 23. С. 21. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4502917>

246,5 тыс. и 29,1 тыс., в Швеции – 39,3 тыс. и 4,7 тыс., а в Финляндии – 6,9 тыс. и 318 человек¹³.

Что касается промышленного производства, то меры сдерживания и связанное с ними снижение мобильности оказывали в 3-м и 4-м кварталах 2020 г. менее негативное воздействие на деловую активность, чем на ранних этапах пандемии. По этой причине, несмотря на отрицательные значения годового показателя промышленного выпуска, покварталь-

ные данные показывают, что, после всеобщего падения производственного выпуска во 2-м квартале 2020 г., предприятия и потребители адаптировались к изменениям условий труда и санитарных ограничений¹⁴, и показатель промышленного производства в 3-м квартале повсеместно принял положительное значение. Наиболее высокие результаты продемонстрировали Венгрия (29,8%), Италия (28,9%), Бразилия (22,3%) и Турция (30,2%)¹⁵ (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика промышленного производства в 2019–2020 гг. (к соответствующему периоду предыдущего года)

Table 3

Dynamics of industrial production in 2019–2020 (to the corresponding period of the previous year)

Страна / год	2019	2020	Страна / год	2019	2020	Страна / год	2019	2020
Россия*	3,4	-2,9	Ирландия	2,8	4,3	Словакия	0,5	-9,1
Австрия	0,4	..	Испания	0,7	-9,6	Словения	3,1	-5,1
Англия*	-1,1	-8,4	Италия	-1,1	-11,0	США	0,8	-6,9
Бельгия*	4,8	-3,5	Канада	-0,0	-8,1	Турция	-0,6	2,2
Бразилия	-1,1	-4,5	Р. Корея	0,3	-0,4	Финляндия	1,6	-2,9
Венгрия	5,4	-7,1	Люксембург	-3,1	-10,7	Франция	0,4	-10,5
Германия	-4,2	-9,8	Нидерланды	-0,8	-3,8	Чехия	-0,2	-7,2
Дания	2,7	-5,5	Норвегия	-4,4	7,4	Чили	0,9	-2,2
Израиль	3,9	2,3	Польша	4,2	-1,3	Швеция	2,2	-3,9
Индия	0,7	-11,1	Португалия	-2,2	-7,4	Япония	-2,6	-9,7

* индекс 2015 г. = 100.

Составлено автором по материалам: OECD. Key Short-Term. Economic Indicators. Industrial Production. URL: <https://stats.oecd.org>.

Compiled by the author based: OECD. Key Short-Term. Economic Indicators. Industrial Production. URL: <https://stats.oecd.org>.

Второе. Заметной особенностью «коронавирусной рецессии» стали скорость и одновременность скатывания в кризис основных участников мирового экономического сообщества. В.И. Ленин однажды сказал, что «бывают десятилетия, когда ничего не происходит, а бывают недели, когда десятилетия случаются»¹⁶. Пандемия COVID-19 и скатывание мировой экономики в коронавирусную рецессию представляют собой именно те события, которые ускоряют историю.

Что касается одновременности вхождения стран в кризис, то здесь обнаруживается следующее. Традиционная схема развития экономического кризиса имеет направление от ядра к периферии мировой экономической системы, при этом дан-

ный процесс имеет распределенный во времени характер. Еще К. Маркс отмечал, что «распространение кризисов по миру похоже на стрельбу, которую производит залпами один взвод за другим» [11, с. 296]. Как правило, «первый залп» происходит из передовой экономики, состояние которой критически важно для других суверенных участников внешнеэкономических отношений. Сейчас же, с учетом синхронности вхождения стран в рецессию (практически 1-й квартал 2020 г.), а также скорости протекания данного процесса, сложно определить экономические проблемы какой именно страны переросли в глобальную тенденцию. По этой причине в качестве источника кризиса или страны «первого залпа» можно идентифицировать только Китай, который выступил ис-

¹³ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

¹⁴ OECD Economic Outlook. Interim Report. March 2021 / OECD Publishing. С. 5. URL: <https://stats.oecd.org>

¹⁵ OECD. Key Short-Term Economic Indicators. Industrial Production. URL: <https://stats.oecd.org>

¹⁶ Micklethwait J., Wooldridge A. The Virus Should Wake Up the West / Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-04-13/coronavirus-pandemic-is-wake-up-call-to-reinvent-the-state> (дата обращения: 25.04.2020)

точником пандемии COVID-19, ставшей причиной коронавиральной рецессии.

Третье. Представленный факт, что в качестве источника развивающегося в мире экономического кризиса может рассматриваться Китай, корректно отражает доминирующие тренды в развитии мировой экономики. Устойчивая тенденция на эрозию однополярного мира, набирающая с начала XXI века силу в геополитической сфере, подкрепляется мощным процессом размывания геоэкономического ландшафта, сложившегося в своей основе к концу 1980-х гг. Так, еще в 2008 г. Дж. Сорос под впечатлением мирового кризиса 2008–2009 гг. предвещал утрату экономической мощи США и рост экономического влияния Китая: «Когда у нас накопились долги, они (Китай) сэкономили и накапливали богатство. Усиливается тенденция, что китайцам будет принадлежать большая часть мира, поскольку они переведут свои долларовые резервы и вклады в США в реальные активы. Это изменит соотношение сил. Сдвиг силы в сторону Азии произойдет в результате грехов Америки, совершенных за последние 25 лет»¹⁷.

Растущая экономическая мощь Китая, благоприятные перспективы хозяйственного роста Индии и целого ряда других стремительно развивающихся экономик дают основания утверждать, что мировое хозяйство находится в процессе формирования новой конфигурации центров экономического роста. Выход на авансцену мировой экономической системы новых индустриальных гигантов (Китай, Индия, Южная Корея и др.), где экономические процессы (с учетом удельного веса в мировом производстве, обеспеченности трудовыми ресурсами, динамики развития основных экономических показателей и др.) будут играть возрастающую роль в развитии мирового хозяйства, коренным образом меняет существующие представления о центрах влияния в современной экономической системе. Логично предположить, что на обозримом этапе деструктивные процессы в экономиках данных стран будут становиться исходными причинами будущих глобальных экономических потрясений. Косвенным подтверждением данному тезису могут служить кризисные события 2020–2021 гг.

Четвертое. Россия в наступившем мировом экономическом кризисе будет выступать как один из

очагов его развития – возможно, со своей спецификой, однако это не будет чисто российским экономическим явлением, как кризис 2015–2016 гг. Тем более, современное состояние российской экономики не позволяет ей выступать в качестве основного источника мирового кризиса, как это случилось в экономической истории один раз – в 1900–1903 гг., когда исходный импульс мирового кризиса был задан отечественным хозяйством.

Реальная ситуация вынуждает осторожно относиться к заявлениям о том, что отечественная экономика находится «на марше развития», и в этом движении еще «не достигла своего пика»¹⁸. Если рассматривать огромный экономический, научно-технический, творческий потенциал нашей страны, то можно согласиться, что Россия имеет все предпосылки для экспоненциального роста. Однако в текущем состоянии российской экономики, а также в уровне жизни населения страны (как основной цели и результате развития экономической системы) заявленная «пассионарность» прослеживается весьма нечетко.

По данным Росстата, индекс физического объема ВВП в 2020 г. относительно 2019 г. составил 96,9%, что означает падение валового внутреннего продукта на 3,1%. Наибольшее снижение наблюдалось в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (-11,4%), в транспортировке и хранении (-10,3%), в добыче полезных ископаемых (-10,2%). Обработывающие производства, строительство, сельское хозяйство, рыболовство продемонстрировали нулевой рост. Одновременно финансовая и страховая деятельность выросла в 2020 г. на 7,9%, и это при том, что в предыдущем году она демонстрировала рост в 12%¹⁹.

Федеральный бюджет 2020 г. был «закрит с дефицитом в 3,8% ВВП (4,1 трлн руб.). Относительно размера экономики это почти столько же, сколько было в кризисном 2016 г. (3,4%), и меньше показателя в 6% ВВП в тяжелые для бюджета 2009–2010 гг. Из-за снижения деловой активности и падения спроса на нефть в бюджет в 2020 г. поступило на 1,9 трлн руб. меньше, чем запланировано. Расходы, простимулированные коронакризисом, выросли в сравнении с планом сразу на 3,3 трлн руб. Пандемия заставила Минфин отойти от бюджетного правила, ранее внедренного ради сдерживания трат и накопления резервов»²⁰.

¹⁷ Gardels N. Soros erklärt China zum Gewinner der Finanzkrise / Die Welt. 2008. Oktober, 14. URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/article2576066/Soros-erklaert-China-zum-Gewinner-der-Finanzkrise.html> (дата обращения: 03.05.2018)

¹⁸ Россия находится на «марше развития» / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210214/rossiya-1597384980.html?in=t>

¹⁹ Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d02/18.htm

²⁰ Бюджет освоил коронакризис. Минфин подвел итоги ковидного года / Коммерсантъ. 2021. № 10, С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4654850>

Минэкономразвития РФ и находящийся в его ведении Росстат отразили, что Россия «прошла 2020-й год лучше, чем большинство других крупных экономик»²¹, а падение отечественной экономики (-3,1%) было ниже чем, например, у Германии (-4,9%). Можно добавить, что средний темп роста российского хозяйства в прошедшем десятилетии близок к аналогичному показателю Германии (см.

табл. 4). Однако, если сравнивать структуру национальных экономик и объемы валового внутреннего продукта (Россия – 1,69 трлн долл., Германия – 3,86 трлн долл., 2019 г.) вышеуказанные «успехи» страны, за шесть лет переместившейся по объему номинального ВВП с 8-го на 11-е место в мире, представляются сомнительными.

Таблица 4

Динамика индекса ВВП России и ФРГ в 2009–2020 гг.

Table 4

Dynamics of the GDP index of Russia and Germany in 2009–2020

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	-7,8	4,5	4,3	4,0	1,8	0,7	-2,0	0,2	1,8	2,8	2,0	-3,1
ФРГ	-5,7	4,2	3,9	0,4	0,4	2,2	1,5	2,2	2,6	1,3	0,6	-4,9

Составлено автором по материалам: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>; Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> (Россия).

Compiled by the author based: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>; Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> (for Russia).

Пятое. Влияние коронавирусной рецессии может иметь более длительные последствия для экономической активности, чем принято считать. Хотя быстрый и беспрецедентный коллапс производства, торговли и занятости может быть обращен вспять по мере ослабления пандемии, исторические данные свидетельствуют о том, что долгосрочные экономические последствия могут сохраняться в течение поколения или более. Данный тезис логично укладывается в базовые положения теории Н. Д. Кондратьева о больших циклах [12; 13; 14; 15; 16], если хозяйственную динамику рассматривать не только (как обычно происходит) в среднесрочном, но и в долгосрочном формате.

В новой работе Т. Йорды, С. Сингха и А. Тейлор [17] рассматриваются глобальные макроэкономические последствия 15 крупных пандемических событий в ряде европейских экономик, начиная с пандемии чумы 1346–1353 гг. и заканчивая эпидемией вируса H1N1 2009–2010 гг. Используя недавно опубликованные данные о доходности долгосрочных суверенных долгов, начиная с XIV-го века [18], авторы приходят к выводу о долгосрочных экономических последствиях пандемий для реальной процентной ставки в Европе. Описывая другой тип исторических событий, который также приводит к массовым человеческим жертвам – войны, авторы отмечают, что крупные вооруженные конфликты приводят как к большим человеческим

жертвам, так и к значительным потерям земли, сооружений, инфраструктуры и других традиционных форм капитала. В войнах относительная убыль капитала по отношению к труду склоняет процентную ставку вверх, в результате чего реальные процентные ставки остаются повышенными в течение 30–40 лет. В случае с пандемиями происходит потеря рабочей силы без параллельного разрушения капитала, что приводит к разбалансировке относительной отдачи от труда и капитала, усиленного ростом склонности к сбережениям лиц, выживших после пандемии (они могут просто захотеть восстановить свое богатство или быть более экономными из осторожности). По мере снижения отношения труда к капиталу естественная норма процента снижается (при росте реальной заработной платы) [19].

Институциональные сдвиги

Первое. Распространение вируса SARS-Cov-2 и меры, принимаемые национальными правительствами по его сдерживанию, практически закрыли все дискуссии о перспективах глобализации, еще недавно считавшейся магистральным направлением развития мирового хозяйства.

Фундаментальное достоинство глобализации должно, по мнению ее сторонников, заключаться в том, что она позволяет консолидировать усилия мирового сообщества перед угрозами и вызова-

²¹ Росстат: Экономика России потеряла 3,1% за 2020 год. URL: <https://rg.ru/2021/02/01/rosstat-ekonomika-rossii-poteria-31-za-2020-god.html>

ми, в том числе эпидемиями и пандемиями. Однако ничего подобного не произошло: в самом начале распространения COVID-19 атлантический альянс дал трещину по линии США – Западная Европа, а Евросоюз как надгосударственное образование «самоизолировался» от проблем своих членов, уступив место противозидемиологическим действиям национальных властей. Закрытие границ и национальный эгоизм стали новым вектором государственной политики там, где еще недавно высокомерно рассуждали о евроинтеграции, евроатлантическом единстве, мультикультурализме и толерантности. Смертельная угроза напрочь вымела далекую от реальной жизни идеологическую шелуху о спасающихся от дискриминации мигрантах с Ближнего Востока, о преследуемых гомофобами представителях ЛГБТ и проч. Также осталась без былого внимания юная активистка Грета Тунберг, чья забота о будущем планеты потускнела на фоне реальной опасности для существующего поколения. Страх перед пандемией коронавируса уничтожил все атрибуты, которые лишь недавно казались неотъемлемой частью реальности западного мира.

Второе. В условиях борьбы с пандемией и корона-вирусной рецессией укрепляется авторитет национальных властей. По словам авторов опубликованной в Bloomberg статьи Дж. Миклетуэйта и А. Вулдриджа: «Пандемия COVID-19 снова сделала (национальное – авт.) правительство важным. Не только снова могущественным (посмотрите на эти некогда влиятельные компании, просящие о помощи), но и снова жизненно необходимым: чрезвычайно важно, есть ли в вашей стране хорошее здравоохранение, компетентные управленцы и надежные финансы. Хорошее правительство – это разница между жизнью и смертью»²².

Меры, принимаемые правительствами различных стран, демонстрируют сложную структуру международного сотрудничества в борьбе с пандемией. Глобальная проблема требует глобального ответа (так как «микробы не признают границ» [10, с. 10]), и скоординированное международное реагирование является лучшим способом противостоять болезни. Тем не менее, политики выводят ресурсы из других стран, ограничивают или запрещают экспорт продовольствия и лекарств, накапливают необходимые запасы. Каждая из этих мер несет издержки для других стран и, в конечном счете, отсутствие сотрудничества ухудшает положение всех участников. Каждое правительство сталкивается с трудным выбором: какие ограничения

вводить и когда их ослаблять, куда будут тратиться деньги и как они будут собираться, какие национальные интересы могут быть ограничены в пользу международного сотрудничества и проч. Этот процесс может сопровождаться просчетами и злоупотреблениями, в связи с чем уместно привести рекомендацию директора-распорядителя МВФ К. Георгиевой: «Искаженные приоритеты расходов могут подорвать восстановление и долгосрочные усилия по содействию устойчивому росту или повышению производительности и уровня жизни. Наше послание правительствам ясно: делайте все, что в ваших силах, но убедитесь, что вы храните квитанции. Мы не хотим, чтобы подотчетность и прозрачность отошли на второй план» [10, с. 10].

Одновременно с укреплением значения национальных правительств возрастает критика в их адрес. «Нации сплываются и идут к процветанию, основываясь на убеждении в том, что их институты способны предвидеть катаклизм, ограничить сферу его воздействия и восстановить стабильность. Когда пандемия COVID-19 закончится, во многих странах общество будет воспринимать государственные институты как не справившиеся со своими базовыми задачами» (Г. Киссинджер [20]). Особенно актуально сказанное выше для богатых стран, граждане которых имеют все основания спросить: почему власть, располагая необходимыми ресурсами и инструментарием, действовала столь неэффективно? В таких случаях главным обвиняемым может стать социально-экономическая система в целом, показавшая неспособность гарантировать большинству граждан экономическое и социальное благополучие [9].

Третье. Пандемия коронавируса стала началом глобальной трансформации современного мира. Мировое сообщество ожидают большие изменения в скором времени, а также отдаленные последствия, которые пока сложно предугадать. Впрочем, одновременно пандемия открывает и новые возможности, в том числе путь к более гармоничному обществу [9].

Современный период отмечен активным построением новой институциональной структуры развития общества. Уже сейчас в борьбе с пандемией формируются новые институты, часть из которых естественным образом отомрет после достижения цели, другие останутся и составят основу «новой нормальности». Это представляет собой объективный процесс, к которому пандемия вируса SARS-Cov-2 имеет весьма опосредованное отно-

²² Micklethwait J., Wooldridge A. The Virus Should Wake Up the West / Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-04-13/coronavirus-pandemic-is-wake-up-call-to-reinvent-the-state> (дата обращения: 25.04.2020)

шение. Он разворачивается в период приближения общества к «институциональному порогу, обусловленному устареванием институционального каркаса мирового хозяйства, несоответствием организационных принципов и управляющих структур экономической жизни общества требованиям нового этапа долгосрочного экономического развития. Это происходит, когда процесс институциональных трансформаций, интенсифицирующийся в фазе спада, замедляется в период подъема и начинает отставать от социально-экономических изменений, осуществляющихся непрерывно, но особенно активно в период высоких темпов научно-технического развития»²³. «В подобных условиях институциональная среда становится неспособной соответствовать новым реалиям и постепенно превращается из генератора экономического роста в его тормоз» [21, с. 23-24].

Четвертое. Основоположник институционализма Т. Веблен понимал институт, прежде всего, как образ мышления, порождающий определенные системы ценностей, социальные нормы и стандарты поведения [21, с. 4], «а Д. Норт рассматривал их как созданные человеком правила игры (ограничительные рамки), которые регулируют взаимоотношения в обществе» [22, с. 17]. Пандемия COVID-19 ускорит изменение ряда глубоко укоренившихся норм. Указанное изменение будет обусловлено осознанием, что за пределами определенного уровня благосостояния (выражаемого, например, в ВВП на душу населения) благополучие связано не столько с потреблением материальных благ, сколько с доступностью нематериальных факторов (здравоохранение, социальная защита, обучение и проч.). Тогда «такие ценности, как уважительное отношение к окружающей среде, ответственное потребление, эмпатия и щедрость, могут со временем утвердиться в качестве новых социальных норм» [9].

Пятое. В связи с государственными противоэпидемиологическими мероприятиями некоторые наблюдатели говорят об «ограничительных мерах, не имеющих прецедентов в современной истории человечества» или «о тотальном сворачивании базовых прав и свобод», имея в виду, прежде всего, принуждение к карантинному режиму и ограничение перемещения граждан. Без сомнения, вводимые по всему миру карантин, самоизоляция, разрешительная система передвижения граждан – это меры, непосредственно влияющие на каче-

ство деловой среды. Они применимы исключительно в чрезвычайных обстоятельствах, к которым, несомненно, относится и опасность глобального распространения вируса SARS-Cov-2. Однако важно то, что государство впервые поставило эпидемиологическую безопасность общества и граждан выше интересов экономики и бизнеса.

Социальное измерение

Первое. Экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, ускорит во всем мире процесс дальнейшего расслоения в обществе, чреватого усилением социальной напряженности. В качестве примера можно привести Англию, где 10% богатейших жителей страны обладают совокупным богатством, равным накоплениям 50% наименее состоятельных подданных английской короны. «Эта ситуация отражается во многих странах ОЭСР, где неравенство в доходах и богатстве достигло или приблизилось к рекордным максимумам»²⁴.

Проблема здесь не в социальной несправедливости как таковой, а в том, что значительная часть населения планеты, пребывающая на «нижнем полюсе» распределения глобального общественного продукта, получает свою часть в объемах, позволяющих оставаться лишь в рамках биологически допустимых норм, без возможности обеспечить минимальные социальные потребности. Согласно данным ООН, «пандемия увеличила неравенство – в мире стало на 131 миллион больше людей, живущих в бедности»²⁵. Эта часть населения практически лишена возможности изменить положение не только для себя, но и для своих детей, что предопределяет мультипликацию испытываемых трудностей на каждое новое поколение. Бедность препятствует успешному развитию личности, определяет ограниченность доступа к ресурсам развития: высокооплачиваемой работе, качественным услугам образования и здравоохранения, возможности успешной социализации детей и молодежи. Низкий уровень доходов значительной части семей в сочетании с чрезмерной поляризацией доходов обуславливает социальный разлом в обществе, вызывает социальную напряженность, формирует кризисные процессы во внутриаполитической сфере.

Второе. Глобальной тенденцией в условиях развития первой волны пандемии коронавируса стал отход от экономического прагматизма в сторону гуманизации решений, принимаемых государ-

²³ Щербakov Г.А. Системные экономические кризисы в долгосрочной динамике мирового хозяйственного развития. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 121.

²⁴ URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/01/2020/5e22d45c9a7947ad7e9a4500>

²⁵ В ООН подвели экономические итоги 2020 года / ТАСС. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/10634307>

ственными властями (включая российские). Это представляет собой принципиальный сдвиг в принятии управленческих решений, несущий в себе потенциал кардинального преобразования всей системы отношений «государство – общество – человек». Национальные власти в ведущих государствах мира, возможно, впервые отказались от экономического эгоизма в интересах спасения жизней конкретных людей, что выразилось в достаточно сложных, но ответственных решениях по полной остановке видов экономической деятельности, где требуется совместное пребывание больших групп людей.

В управленческом подходе большинства национальных властей человеческий фактор занял приоритетную позицию, «подвинув» исключительно прагматический, базирующийся на приоритете экономической эффективности, подход к развитию общественных отношений. Уже сейчас можно отметить, что впервые благополучие общества стало измеряться не динамикой макроэкономических показателей – ростом ВВП, экспорта, производственного выпуска и проч., – а безопасностью граждан. Впервые за обезличенными штампами – «человеческий капитал», «трудовые ресурсы», «антропогенный фактор» и проч. – появился конкретный человек с его естественным желанием жить и стремлением выступать не субъектом, а объектом проводимой государственной политики.

Россия здесь не является исключением. В позитивном контексте можно рассматривать противоэпидемические действия российских властей: 1) не допустивших разрастания пандемии COVID-19 до уровня США, считавшихся чуть ли не эталоном мировой системы медицинского обеспечения; 2) не допустивших уровня смертности от SARS-CoV-2, сравнимого с критическими показателями считавшихся благополучными в медицинском отношении стран ЕС, Англии, США. По абсолютному количеству летальных случаев Россия, как указывалось выше, находится на 7-м месте среди стран, охваченных пандемией, но по данному показателю, исчисляемому на 1 млн жителей, она в конце пятого десятка стран мира. Это не лучший показатель, особенно если учитывать, что за сухой статистикой кроются жизни и судьбы конкретных людей. Однако ситуация в России лучше, чем в знаменитых уровнем системы здравоохранения Бельгии (7-е место по жертвам COVID-19), Великобритании (11-е место) или США (14-е место)²⁶.

До сих пор не утихают дискуссии о том, какая тактика борьбы с пандемией являлась оптимальной. Жесткий карантин, который, возможно, спасает больше жизней, но бьет по экономике и доходам людей, или мягкий подход – с рекомендательными, а не запретительными мерами, который наносит меньше вреда экономике, но грозит большим числом пострадавших. И если весной шведская модель вызвала шквал критики, то сейчас общественное мнение отчасти реабилитировало авторов шведского «либерального» подхода к борьбе с инфекцией. В середине сентября Европейский центр профилактики и контроля болезней сообщал, что за предыдущие 2 недели средний уровень новых заражений на 100 тыс. жителей в Швеции, не вводившей строгий карантин весной, составил 22,2. Это заметно ниже, чем во многих других европейских странах, которые вводили жесткие ограничительные меры, но в начале второй волны начали фиксировать рост новых заражений: в Испании 279 на 100 тыс., во Франции – 158,5, в Чехии – 118, в Бельгии – 77, в Великобритании – 59. Всего же, по подсчетам The Guardian, в 22-х из 31 европейской страны уровень новых заражений в начале второй волны пандемии был выше, чем в Швеции²⁷. Тем не менее, в настоящее время Швеция по числу заболевших на 1 млн жителей находится на 16-м месте, оставив позади все наиболее пострадавшие в период первой волны страны (Италия, Испания, Франция, Англия), за исключением США, занимающих 8-е место. Вместе с тем Беларусь, не вводившая противокоронавирусных ограничений, находится по данному показателю на 71-м месте, совсем рядом с Россией (76-е место)²⁸.

Третье. В экономико-политическом дискурсе вновь возникла такая мера антикризисной политики как «вертолетные деньги». Эта тема, долгое время (с введения в 1969 г. данного понятия М. Фридменом) считавшаяся некоторой «экзотикой», сегодня совершенно серьезно обсуждается на самых высоких уровнях государственного управления, и, более того, реализуется в ряде стран. Так, в США в марте 2020 г. в качестве меры стимулирования экономики и социальной поддержки населения в условиях пандемии COVID-19 было объявлено о прямых выплатах в размере 1,2 тыс. долл. взрослым гражданам (с годовым доходом до 75 тыс. долл.) и 0,5 тыс. долл. на каждого ребенка.

Несколько ранее, в рамках социальной политики в условиях кризиса существующей модели рас-

²⁶ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

²⁷ Апокалипсиса не случилось. Пандемия меняет финансовое поведение россиян // Коммерсантъ Деньги. 2020. № 23. С. 21. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4502917>.

²⁸ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

пределения общественного продукта, начала обсуждаться возможность введения безусловного базового дохода – меры, идущей вразрез с основополагающим принципом действующей системы капиталистического распределения по принципу владения основными факторами производства.

Четвертое. Российский опыт разработки вакцины от вируса COVID-19 продемонстрировал высокий уровень отечественной инженерной мысли. Ее создание показало, что при правильном целеполагании, необходимом ресурсном обеспечении, установлении приоритета государственных задач над частно-корпоративными интересами российская наука способна успешно решать проблемы глобального уровня и находится в указанном процессе на передовых позициях. По этой причине говорить об исчерпании потенциала научно-технического творчества и полной деградации системы отечественного высшего образования, как минимум, преждевременно. Представляется, что подобную систему приоритетов необходимо не только сохранить, но и возвести ее в ранг основных принципов формирования государственной экономической политики.

Вместе с тем, на фоне очевидных успехов достаточно явно выступили проблемы администрирования процессов в социальной сфере (в частности, доведения мер социальной поддержки до конечного получателя, свидетельством чему служит ситуация с выплатами медицинским работникам, работающим с больными SARS-Cov-2). Данное обстоятельство не позволяет считать положение дел в рассматриваемой области однозначно удовлетворительным, а дает лишь основание с оптимизмом оценивать складывающиеся тенденции.

Выводы

Мир уже живет в новой реальности, сформированной процессами, протекающими в последние десятилетия. Вне зависимости и задолго до пандемии COVID-19 мировое сообщество пережило крах глобальной системы, базирующейся на балансе сил и потенциалов СССР и США. Сейчас оно наблюдает завершающий акт крушения однополярного мира, прямо или косвенно «пристегнувшего» к политике продвижения своих интересов все основные международные организации. В погоне за ростом эффективности бизнеса Запад пропустил возрождение Китая, способного в будущем периоде составить жесткую конкуренцию США по всему миру, и не только в экономике. Мир наблюдает за идеологическим кризисом бреттон-вудских институтов, которые все более удаляются от уставных задач, прописанных при их учреждении, и сегодня своими «рекомендациями в обмен на помощь» исправно вгоняют суверенные государства в еще

большую зависимость от так называемого «вашигтонского консенсуса». Организация Объединенных Наций уже давно утратила роль универсальной переговорной площадки, помогающей великим странам решать мировые проблемы. Эта задача сейчас переместилась в многочисленные «форматы», проводимые в различных столицах, которые, впрочем, также не могут выступить примером эффективного решения какой либо из значимых мировых или региональных проблем.

Имеются вопросы к Всемирной организации здравоохранения, которая увлеклась спасением беднейших стран и пропустила глобальную эпидемию, охватившую большую часть мира. При этом под сомнение не ставится необходимость реализации программ ВОЗ в развивающихся государствах, речь идет лишь об эффективности организации, не предусмотревшей опасность возникновения масштабной эпидемии даже в странах-спонсорах своей деятельности. Подобные примеры можно приводить и далее.

Пандемия COVID-19 стала лишь явлением, обнажившим накопившиеся проблемы. В экономической сфере COVID-19 трансформировалась в коронавирусную рецессию, в социальной сфере проявила проблемы бедности, социальной справедливости, долгое время «задвигаемые» на второй план под предлогом приоритета рыночных механизмов в распределении общественного продукта. Пандемия продемонстрировала, что основу выхода из кризиса обеспечивает примат суверенных интересов и разумной доли национального эгоизма и что объектом антикризисных мероприятий является не «сплочение усилий по совместному противостоянию кризису», а спасение национального хозяйства с целью обеспечения социального благополучия населения. Антикризисная практика поставила под сомнение перспективы глобалистской модели развития общества, по крайней мере, в том виде, в каком она представлялась в доковидный период.

Выступая катализатором процессов, в более или менее явной форме известных и ранее, пандемия коронавируса обострила и интенсифицировала их реализацию. Глубина и острота трансформаций, происходящих в социально-экономической сфере, дает основания заявлять о долгосрочном характере последствий пандемии COVID-19 в общественном развитии.

Список литературы

1. McKibbin W.J., Fernando R. The global macroeconomic impacts of COVID-19: Seven scenarios // CAMA working paper. 2020. № 19. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3547729> (дата обращения: 27.01.2021)

2. *Ashraf B.N.* Economic impact of government interventions during the COVID-19 pandemic: International evidence from financial markets // *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2020. Vol. 27. P. 100371. <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2020.100371> (дата обращения: 21.01.2021)
3. *Дробот Е.В.* Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // *Экономические отношения*. 2020. Том 10. № 4. С. 937–960. <https://doi.org/10.18334/eo.10.4.111375>
4. *Cuomo A.* American Crisis: Leadership Lessons from the COVID-19 Pandemic. NY.: Crown Publishing Group, 2020. 320 p.
5. *Galloway S.* Post Corona: From Crisis to Opportunity. NY.: Portfolio, 2020. 256 p.
6. *Gans J.* Economics in the Age of COVID-19. Cambridge, MA: The MIT Press. 2020. 131 p.
7. *Ryan A. Bourne.* Economics in One Virus: An Introduction to Economic Reasoning through COVID-19. Wash.: Cato Institute, 2021. 304 p.
8. *Caro D.* Transforming Nations after the COVID-19 Pandemic / Management, Change, Strategy and Positive Leadership. Cham: Springer International Publishing. 2021. 244 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-61810-0>
9. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset / Forum Publishing. 282 p. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (дата обращения: 15.02.2021)
10. *Georgieva K.* Beyond the Crisis // *Finance & Development* / IMF. June 2020. № 2. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/turning-crisis-into-opportunity-kristalina-georgieva.htm> (дата обращения: 01.07.2020)
11. *Аникин А.В.* История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2009. 448 с.
12. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры // *Вопросы конъюнктуры*. Т. 1. Вып. 1. М.: Фин. изд-во НКФ СССР. 1925. С. 28–79. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009058340>
13. *Кондратьев Н.Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда: Обл. отделение гос. изд-ва, 1922. 258 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009113320>
14. *Forrester J.W.* The Kondratieff Cycle and Changing Economic Conditions. Cambridge, MA: MIT (MIT System Dynamics Group working paper), 1981. 377 p.
15. *Van Duijn J.J.* The Long Wave in Economic Life. London: Allen & Unwin, 1983. 239 p.
16. *Perez C.* Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Elgar, 2002. 481 p.
17. *Jorda T., Singh S., Taylor A.* Longer-Run Economic Consequences of Pandemics // *Federal Reserve Bank of San Francisco, Working Paper Series*. 2020. № 3. С. 1–16. <https://doi.org/10.3386/w26934>. URL: <https://www.nber.org/papers/w26934> (дата обращения: 29.08.2020)
18. *Schmelzing P.* Eight Centuries of Global Real Interest Rates, R-G, and the «Suprasecular» Decline, 1311–2018 // *SSRN Electronic Journal*. 2019. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3485734>. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/working-paper/2020/eight-centuries-of-global-real-interest-rates-r-g-and-the-suprasecular-decline-1311-2018> (дата обращения: 29.08.2020)
19. *Jorda T., Schularick M., Taylor A.* When Credit Bites Back // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2013. Vol. 45. Iss. s2.. P 3–28. <https://doi.org/10.1111/jmcb.12069>. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w17621/w17621.pdf (дата обращения: 29.08.2020)
20. *Kissinger H.* The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // *The WallStreet Journal*. 2020. 3 April. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (дата обращения: 11.10.2020)
21. *Овсиенко Ю.В.* Институты, институциональные изменения и их влияние на социально-экономическую динамику. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 142 с.
22. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.

Поступила в редакцию: 27.01.2021; одобрена: 25.02.2021; опубликована онлайн: 31.03.2021

Об авторе:

Щербаков Геннадий Анатольевич, профессор кафедры «Системный анализ в экономике», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, ГСП-3, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49), Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, **ORCID: 0000-0002-3298-1638**, g.shcherbakov@mail.ru

Автор прочитал одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. McKibbin W.J., Fernando R. The global macroeconomic impacts of COVID-19: Seven scenarios. *CAMA working paper*. 2020; 19. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3547729> (in Eng.)
2. Ashraf B.N. Economic impact of government interventions during the COVID-19 pandemic: International evidence from financial markets. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2020; (27): 100371. <https://doi.org/10.1016/j.ibef.2020.100371> (in Eng.)
3. Drobot E.V. Global economy in the context of the COVID-19 pandemic: results of 2020 and prospects for recovery. *Ekonomicheskie otnosheniya = Economic relations*. 2020; 10(4): 937–960. doi: 10.18334/eo.10.4.111375 (in Russ.)
4. Cuomo A. American Crisis: Leadership Lessons from the COVID-19 Pandemic. NY.: Crown Publishing Group, 2020. 320 p. (In Eng.)
5. Galloway S. Post Corona: From Crisis to Opportunity. NY.: Portfolio, 2020. 256 p. (In Eng.)
6. Gans J. Economics in the Age of COVID-19. Cambridge, MA: The MIT Press. 2020. 131 p. (In Eng.)
7. Ryan A. Bourne. Economics in One Virus: An Introduction to Economic Reasoning through COVID-19. Wash.: Cato Institute, 2021. 304 p. (In Eng.)
8. Caro D. Transforming Nations after the COVID-19 Pandemic / Management, Change, Strategy and Positive Leadership. Cham: Springer International Publishing. 2021. 244 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-61810-0> (In Eng.)
9. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset / Forum Publishing. 282 p. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (in Eng.)
10. Georgieva K. Beyond the Crisis // Finance & Development / IMF. June 2020; 2. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/turning-crisis-into-opportunity-kristalina-georgieva.htm> (in Eng.)
11. Anikin A.V. History of Financial shocks. The Russian crisis in the light of the world experience. Moscow: Olimp-Business, 2009. 448 p. (in Russ.)
12. Kondratyev N.D. Large Cycles of Market Conditions. *Voprosy konyunktury = Issues of Conjunction*. 1925; 1(1):28–79 (In Russ.)
13. Kondratyev N.D. World Economy and its Conjunctions during and after the War. Vologda: Regional department of state publishing house, 1922. 258 p. (In Russ.)
14. Forrester J.W. The Kondratieff Cycle and Changing Economic Conditions. Cambridge, MA: MIT (MIT System Dynamics Group working paper), 1981. 377 p. (In Eng.)
15. Van Duijn J. The Long Wave in Economic Life. London: Allen & Unwin, 1983. 239 p. (In Eng.)
16. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Elgar, 2002. 481 p. (In Eng.)
17. Jorda T., Singh S., Taylor A. Longer-Run Economic Consequences of Pandemics. *Federal Reserve Bank of San Francisco, Working Paper Series*. 2020; (3):1–16. doi: 10.3386/w26934. URL: <https://www.nber.org/papers/w26934> (in Eng.)
18. Schmelzing P. 2020. Eight Centuries of Global Real Interest Rates, R-G, and the «Suprasecular» Decline, 1311–2018. *SSRN Electronic Journal*. doi: 10.2139/ssrn.3485734. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/working-paper/2020/eight-centuries-of-global-real-interest-rates-r-g-and-the-suprasecular-decline-1311-2018> (in Eng.)
19. Jorda T., Schularick M., Taylor A. When Credit Bites Back. *Journal of Money, Credit and Banking*. 2013; 45(s2):3–28. doi: 10.1111/jmcb.12069. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w17621/w17621.pdf (in Eng.)
20. Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. *The WallStreet Journal*. 2020. 3 April. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (in Eng.)
21. Ovsienko Y.V. Institutes, institutional changes and their impact on socio-economic dynamics. Moscow: CEMI RAS, 2012. 142 p. (in Russ.)
22. North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Nachala, 1997. 180 p. (in Russ.)

Submitted 27.01.2021; revised 25.02.2021; published online 31.03.2021

About the author:

Gennady A. Shcherbakov, Professor of the Department «System Analysis in Economics», Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, **ORCID: 0000-0002-3298-1638**, g.shcherbakov@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 332.1

JEL: R1, O11, O33, O40

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.1.23-33

Original article

Modern Approaches to Arctic Development in View of Synergy Potential in the New Risks and Challenges Environment

Natalia N. Bondareva¹¹ Institute of Economic Forecasting, Moscow, Russian Federation

47, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418

E-mail: bonna2005@mail.ru

Abstract

Purpose of this article is to consider methodological and organizational approaches in managing the development of the Arctic zone of the Russian Federation as a complex system at various levels, from the project level to the global level, taking into account the synergy of the potential of the economic platform and the synergy of risks and threats.

Methods: the research presented in the article is based on the use of theoretical foundations of managing target processes for solving complex Arctic development problems, applying methods of system analysis, operations research and economic analysis of the development of complex systems from the view of synergy effects. Methods for analyzing the emergence of complex systems, the balance of dynamic integrity, evolutionary development and chaos management, and specific resistance activity were also used.

Results: consideration of the experience of the complex intensification of the Russian Arctic economic potential at different territorial levels through the system filling with better synergies management of the potential of private-state partnership is presented. It makes possible to identify both the results achieved and the current and future threats and challenges of the region. The author of the study disclosed the organizational and methodological problems of Arctic management, assessed the limitations for the full-scale launch of synergistic management models.

Conclusions and Relevance: the presented results of the analysis set the management vector for maximum synergistic activation of financial, logistical and intellectual resources to achieve sustainable, holistic and safe development of the Arctic. The proposed methodological approaches will minimize synergistic resistance of risks and threats to the current policy of the Russian Arctic competitiveness growth.

Keywords: synergy, "support" zones in the Arctic, anchor projects, negative, destructive synergy, targeted management, integrated approach, intelligent software, self-organization, self-development, large system, synergistic effect, ecology, ecosystem, social function of the state

Conflict of Interest. The Author declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Bondareva N. N. Modern Approaches to Arctic Development in View of Synergy Potential in the New Risks and Challenges Environment. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2021; 12(1):23–33. (In Eng.)

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.23-33>

© Bondareva N. N., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

Современные подходы к развитию Арктики с учетом потенциала синергии в условиях новых рисков и вызовов

Наталья Николаевна Бондарева¹¹ Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47

E-mail: bonna2005@mail.ru

Аннотация

Цель. Целью данной статьи является рассмотрение методологических и организационных подходов в управлении развитием Арктической зоны Российской Федерации как сложной системы на различных уровнях (от проектного уровня до глобального), с учетом синергии потенциала экономической платформы, с одной стороны, и синергии рисков и угроз, с другой.

Методология проведения работы. Представленное в статье исследование базируется на использовании теоретических основ управления целевыми процессами решения сложных проблем развития, применении методов системного анализа, исследования операций и экономического анализа развития сложных систем с точки зрения синергии эффектов. Также использованы методы анализа эмерджентности сложных систем, баланса динамической целостности, эволюционного развития и управления хаосом, специфической активности сопротивлений.

Результаты работы. Определение синергии рассматривается как результат консолидации и интеграции потенциалов, инструментов контроля качества и процессов. Вместе с тем, это явление трактуется как система методов организационного проектирования и взаимозависимой совместной деятельности нескольких факторов, объединенных в одно направление по созданию новой, измененной среды. Следует констатировать возрастающую роль и значение синергии в эффективном и инновационном управлении экономическим потенциалом Арктики. Выявлены относительно высокие риски международных конфликтов и конкуренции за перспективные доходы в ближайшие десять лет.

В настоящее время РФ обладает значительным потенциалом для достижения синергии при реализации арктических проектов на глобальном, национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях, на уровне «опорных арктических зон», а также на уровне якорных проектов и на микроуровне. В то же время следует иметь в виду, что новые условия негативной синергии могут появиться в любой момент при объединении угроз и рисков. Такие ситуации также могут создаваться и искусственным путем. Отсутствие избыточности предложения на рынке новых глобальных инноваций становится самым большим вызовом и угрозой для РФ в Арктике из-за санкционной геополитики некоторых стран.

Выводы. РФ обладает действительно необходимым синергетическим потенциалом – арктическим экономическим фундаментом, включающим в себя природные месторождения, национальные инновационные технологии, высококвалифицированный человеческий капитал, финансы и исторический опыт управления Арктикой. Эта база должна быть эффективно и оперативно вовлечена в разработку комплексной системы поддержки стандартизированных решений для арктических проектов. Необходимо рассматривать экологическую ответственность как неотъемлемую часть всех арктических национальных проектов. Кроме того, важно постоянно прогнозировать возможные угрозы как следствие недостаточного государственного контроля над деятельностью корпораций в Арктической зоне, а также угрозы природных и техногенных катастроф.

Ключевые слова: синергия, зоны «поддержки» в Арктике, якорные проекты, негативная синергия, деструктивная синергия, целевое управление, комплексный подход, интеллектуальное программное обеспечение, самоорганизация, саморазвитие, большая система, синергетический эффект, экология, экосистема, социальная функция государства

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бондарева Н. Н. Современные подходы к развитию Арктики с учетом потенциала синергии в условиях новых рисков и вызовов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 1. С. 23–33

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.23-33>

© Бондарева Н. Н., 2021

Introduction

The global threats and challenges increase the need for new management methods, projects with the synergistic potential in the Arctic. Arctic is a big and

relatively stable system facing the increase of unstable, unpredictable, and sometimes even uncontrolled internal and external factors of big changes. The consolidation of system effects of development and

degradation in different spheres can play very specific role depending on the system's nature, affordability and effectiveness of its management.

The consolidation of innovative activities of partners, the mutual integration of quality management, processes and resources tools create a new environment. It can support the open, sustainable development of the socio-economic system (hereinafter – the system) based on humanism and environment safety.

Consideration of synergy potential is important at all stages of the full life cycle (FLC). Threats and risks can be managed as a big environmental system too. In the unstable environment Arctic becomes a unique object of specific geopolitical competitive management. Being a complex dynamic system the Arctic produces the maximal effects due to its integrity and capability to acquire and join new elements, including human activity synergetic effects.

We suppose that the criteria of effectiveness of Russian Arctic management can be set and monitored within the state programs, global, national and regional programs' criteria, and also via corporative and public opinion investigations.

The Arctic economic potential is huge. According to the USA Geological Service up to 22% of world gas and oil deposits can be located under the Arctic Ocean. The total cost of all mineral deposits in Russian Arctic is above \$ 30 trillion of which only 5% is being mined. The length of the Northern Sea Route in Russia is 5.600 km. The huge potential of fishery and shelf mineral base gives advantages to the RF in gaining the leading position in the global economics. Above 2.5 million people live in the Russian Arctic region.

The RF national projects are aimed to speed up dramatically the Arctic development by 2030. New Arctic technologies, including ice-breaker fleet, underwater robots, and new materials in construction, new ecology-friendly mining technologies and drones become the effective part of the big Arctic system along with the natural resources, people and management. Currently this social and economic foundation system is quite stable in its evolution development. Nevertheless it faces definite threats and challenges, and must accumulate the potential to overcome possible future catastrophe. The reunion of the mentioned production driving forces meets face to face the reunion of new threats and risks, including climate change and regional geopolitical competition tension in Arctic. In such environment the Arctic resource base needs absolutely innovative management approaches and methods, including the best synergetic practice.

Literature Review

The terms "synergy" was introduced by Hermann Haken, the synergetic science founder, in 1977. But long before that definition Karl Marx in his "Capital" wrote about "a new power" that appears from the emergence of many forces, powers into a united one. Later, in 1912 the Russian scientist A.A. Bogdanov developed the tectological classification of activities-resistance. Since that time many scientists (I. Prigozhin, E.J. Applewhite, R.B. Fuller, S.P. Kapitsa, S.P. Kurdyumov, V.I. Arnold, D.S. Chernavsky, Yu.A. Danilov, B.B. Kadomtsev, V.P. Milovanov and other scientists) explored synergy in physics and society. Thus, Ilya Prigozhin introduced such terms as global attractor, local attractor, super-choice and other issues. As to H. Haken, he believed that synergetic is the theory of self-organization in the systems of different nature. Via and due to synergy the system can produce a new characteristic, feature lacking by a separate element. The synergetic economy or reflective management theory describes crisis and knowledge – based economy from the point of new philosophy of nonlinear world. So, modern scientists understand synergetic as an interdisciplinary direction.

In this research the author analyses the contradictions, balance of order and chaos in Arctic as a big complex system, and the important source of satisfying a big part of human demands. The Arctic zone is also seen as a big global marketplace with its own laws, risks, restrictions, and future potential.

The purpose of this article is to consider methodological and organizational approaches in managing the development of the Arctic zone of the Russian Federation as a complex system at various levels, from the project level to the global level, taking into account the synergy of the potential of the economic platform and the synergy of risks and threats. The definition of synergy is considered as the result of potentials' consolidation and integration, quality control tools, processes. It is also treated as a system of organizational design methods, and the interdependent joint activity of several factors rolled into one and in the direction creating a new, changed environment. We should state the growing role and importance of synergy in effective and innovative Arctic governance of the economic potential. We reveal relatively high risks of international conflicts and competition for the future benefits in the next ten years.

Currently the RF has got most of potential for achieving synergy in the implementation of Arctic projects at the global, national, regional, sector,

corporate levels, at the level of the “Arctic support zones”, anchor projects and micro level. At the same time it should be kept in mind that new terms for negative synergy may appear at any time when threats and risks start working together. They can also be created artificially. Absence of excess to new global innovations becomes the biggest challenge and threat for RF in Arctic due to the sanction-based geopolitics of some countries.

Nevertheless, the RF has got really sufficient synergetic potential – Arctic economic foundation, including: natural deposits, national innovative technologies, highly qualified human capital, finance and historically approved Arctic management. This base must be wisely and quickly involved into the development of an integrated support system of standardized solutions for Arctic projects. We must always consider the ecological responsibility as an integrated part of all Arctic national projects. Moreover, threats of insufficient RF government control over the corporations’ activity in Arctic zone along with threats of natural and technological disasters should be forecasted on daily basis.

Materials and Methods

The research presented in the article is based on the use of theoretical foundations of managing target processes for solving complex Arctic development problems, applying methods of system analysis, operations research and economic analysis of the development of complex systems from the view of synergy effects. Methods for analyzing the emergence of complex systems, the balance of dynamic integrity, evolutionary development and chaos management, and specific resistance activity were also used.

In the research we use open sources of information, governmental acts and corporate reports to get the full historical landscape of human impact and future plans in Arctic.

Results

The Importance and Role of Synergy in Arctic Governance

In general, synergy is defined as a system of organizational design methods, as the interdependent effects of several factors acting jointly in one direction, as a set of mechanisms for self-organization and self-development of systems. Synergy in any spheres, including the Arctic Zone of the Russian Federation (hereinafter referred to as AZ RF) as a macro-region being a huge part of the Russian economy system, creates the vivid multiplier benefits, reduces most costs, increases direct and indirect profits, forms

multiple transit effects, and minimizes (distributes, shares) risks.

The integrity potential is composed of several elements, including resources, interconnections, people, technologies, mutual support and the agreed, integrated behavior of all system elements. So, the economic base can remain just a separate base without the effective management and organization.

The importance of synergy consists in creation of extra new additional (added) expected quality, including its new social, environmental, political and other characteristics. The Arctic development synergetic management role is the important public social function and driving force of the Arctic potential development, since the synergistic social effect is the main result of the economic development of the region.

Also, synergy in targeted management techniques comprehensively, multi-dimensionally enhances the potential of most management processes and methods, including the potential of “expert brainstorming”. It launches a unique mechanism of development through the self-preservation and self-development of the Arctic as a large system, including innovative decision making on the old and new processes, contradictions, correspondences, added sustainability and new quality of the system.

Arctic Self-Development Potential

It should be noted that the synergistic effect is achieved by the method of complete or partial interaction, integrity, interpenetration of such elements of the system as: organization, management, self-government and self-organization, self-development. There is no doubt that synergy unites and repeatedly strengthens different parts of the whole system. Simultaneously, synergy allows to get rid of redundant, inefficient and non-perspective elements along with the creation of a new synergistic quality. We can trace positive and negative effects of the Arctic development. Thus, the vicious cycle manufacture can recycle 5 million tons of scrap metal accumulated in Russian Arctic during dozens of years of polar exploration. Scrap metals as raw materials can be included into the technogenic turnover after building the scrap metal recycling plant.

We believe that the Arctic system is capable of self-organization during periods of evolutionary and revolutionary changes. An aggressive external environment (including climate change, territorial conflicts, oil spills) increases the threat of Arctic potential’s degradation or loss. And it requires new social approaches and honest and open international cooperation.

It is also reasonable to assess the total potential of Arctic self-development. The independently organized (reorganized) system, as can be proved by the Arctic region itself, continues to develop on its own regardless of human influence. And every time the Arctic system produces its own scenario to survive and reply on each anti-Arctic human action. In a whole, system's self-organization is a process in which the forecasted (planned) system changes are caused or produced (created) by the external, internal forces and system's self-development aims. The influence of the external environment makes its huge role too.

Arctic System Evolution Stages

It is reasonable to point the evolution stages of the system, including:

- a) a stage of the key elements' stability loss (which directly determine the system);
- b) a stage of the whole system stability loss;
- c) a stage of the system instability;
- d) a stage of transition from instability to evolution or revolution stage;
- e) the system stability recovery and restoration.

It is also important to understand which stages of evolution the Arctic is going through now, and what management tools are more effective on this stage, and which ones it is needed to develop in five or ten years horizon. Anyway the tools must be based on synergy principles as the consolidation of capacities, including AI, to achieve the maximum result that exceeds the sum of individual efforts.

To add more, the positive synergy of cooperation, including intellectual synergy, is not always able to withstand the synergy of combined and rolled into one risks and threats as a powerful destructive force with directly or indirectly built-in challenges. Geopolitical stage of competition for Arctic is often a hidden economic game, and it is masked under the economic alliances, international organizations and sanctions.

Along with geopolitical and environmental challenges, the economy of the Russian Arctic faces threats of population outflows. Out of 2.5 million people living in the Russian Arctic 200,000 people intend to leave it due to the harsh climate, low quality of life, and life-time under-consumption of all types of social benefits. This example demonstrates the third stage of system instability. Without people the Arctic system can't survive as the national economy basement and international resource center in some projects. Creating incentives to work in harsh conditions is the RF direct social and even political function.

Achievement of Synergies at Different Levels of Potentials' Consolidation

The conducted analysis of the Arctic projects realization confirms the importance of synergy at all levels: geopolitical, national, regional, sector, company and micro-levels.

Synergy at the Geopolitical Level

The synergy of geopolitical efforts to mitigate risks and mobilize potential is carried out within the framework of the Russian chairmanship in the Arctic Council in 2021-2023. The active partnership with countries and companies which are the leaders in the field of scientific research, shipping, Arctic technologies is highly demanded. The experience of international synergy in Norway in the use of eco-systems management in marine areas and the Canadian-American pilot program (the Beaufort Sea ecosystem, Arctic Council for the Protection of the Arctic Marine Environment) are interesting.

Positive synergistic effects are evident in existing global and interstate Arctic governance mechanisms. It is really important to underline the role of the Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer, the Stockholm Convention on Persistent Organic Compounds, the Arctic Monitoring and Assessment Program, the UN Framework Convention on Climate Change, the Northern Forum, WTO agreements, the International Arctic Scientific Committee (IASC), as well as the International Council of Scientific Unions, the International Association of Classification Societies, the International Council for Marine Research and other global, regional and field projects. All they are of humanitarian, social and ecological character.

Synergy at the National Level

It should be also noted that at the national level, the realization of the "Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2020 year" is expected during the three time stages: the first stage (2020-2024), the second stage (2025-2030), and the third stage (2031-2035). Implementation will be conducted through the national program "Socio-Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation", the Northern Sea Route (NSR) Infrastructure Development Plan, regional, zonal and corporation programs.

It is appropriate to identify how strategic goals interact, interconnected, duplicate each other at all levels, what are contradictions among them. To analyze the mentioned above tasks and the current and future risks and challenges it is recommended to undertake the following actions:

1. To conduct audit of all strategic documents and activities at all levels;
2. To create a joint, consolidated register of programs and projects financed from budgets of all levels;
3. To carry out an environmental examination of the projects' results;
4. To make the unified register of capital construction facilities;
5. To compose a unified register of promising, perspective Arctic technologies (basic technologies) capable to become the technological transition drivers from the a stage "partial, point Arctic development" to a stage of "large-scale Arctic development";
6. To develop the integrated project management approach to the Arctic development with standard unified criteria for assessing the results and synergistic effects of Arctic programs.

It is believed that the proposed approach meets the tasks of the RF digitalization. Knowledge-intensiveness of Arctic development is really huge. Effective risk and challenge management will ensure Arctic safe and integrated development. It is highly needed to correct social imbalances, to increase the life expectancy and quality of life, to eliminate the old dwelling fund, to increase the number of population in Arctic up to 3 million people, to stimulate the social sphere and

infrastructure development (including budgeted air transportation), and to keep the safe environment. Today, Russian Arctic provides about 11% of the RF GDP, 82% of Russian gas production and above 12% of liquid hydrocarbons production. Despite the negative synergistic effect of risks, the value of the AZ is definitely growing at all levels. The national projects after revision include more really demanded activities including the total cleaning of Arctic from metal scrap and garbage by 2035.

Synergy at the Territorial Level

It should be noted that the principle of synergy is implemented into the new mechanism of territorial development, at the local level. It was introduced by the RF Ministry of Economic Development in 2016 (within the project of the so called "eight support zones"). Based on administrative – territorial division, the role of ports, the North Sea Route, and the resource base the Government expects to achieve the goal to convert oil and gas mining industry into a new intellectual breakthrough project able to intensify the popularity and affordability of the North Sea Route.

The format of the "support zones" is chosen to speed up the development of the Arctic macro region as a mega-project (large system) on the principle of mutual integration of competencies and resources at all levels and stages of planning, financing and realization, as well as analysis of synergistic effects in adjacent territories.

Table 1

Eight Support Zones of Russian Arctic

Таблица 1

Восемь опорных зон Российской Арктики

	Support Zone Name	Description of the Support Zone (Area)
1.	Arkhangelsk support zone	Advantageous geographical location, well-developed railway infrastructure and year-round port (from November to March operated only for ice class vessels or with icebreaking)
2.	Chukchi support zone	On its territory there is a number of system-forming transport infrastructure facilities in the eastern part of Russian Arctic.
3.	Kolskaya support area	Advantageous geographical location, non-freezing year-round ports, huge resources, relatively developed transport, energy, industrial, scientific and educational infrastructure characteristics of the support zone
4.	Nenets support zone	Potential for NSR development and mining
5.	North Yakut support zone in the Republic of Sakha (Yakutia)	The key object of the eastern part of the NSR is the strategic port of Tiksi.
6.	Taimyr-Turukhan support zone	It includes a mining and industrial complex in Krasnoyarsk region becoming a large agglomeration known as Norilsk industrial region.
7.	Vorkuta support zone	It includes the municipality of "Vorkuta" urban district in Komi Republic.
8.	Yamalo-Nenets support zone	It obtains high potential to provide stable cargo flow for the NSR ports.

Compiled by the author.

Составлено автором.

Synergy at the Corporate Level

It is believed that synergy is effective in the conditions of competitive business projects with a high corporate production culture. In Arctic high-risk nature conditions, synergistic effects can be achieved when implementing step-by-step tasks of increasing and replacing Arctic raw material base (taking into account environmental safety and the development of harmless technologies):

- 1) exploration and study of areas of the new raw material base;
- 2) development of these areas;
- 3) involving new oil and gas reserves in the industrial turnover;
- 4) exploration, production and involvement of hard-to-mine oil and gas reserves;
- 5) development of alternative energy ("green energy");
- 6) reduction of hydrocarbon raw material usage.

It is still believed that "green energy" is not capable to fully satisfy the global needs in relatively cheap energy. Ecology – friendly engineering is the perspective trend for the next decade. In Arctic the atomic ice-breakers will remain the best option for the next ten years.

One of the positive examples of mutual beneficial synergetic effects at the industry and company level is the technological cooperation between "Gazpromneft-Yamal" (it made four horizontal shafts) and "Messo-yakhaneftegaz" (with its unique "fishbone" technology in TAML-3). As a result, the intellectual synergy of two "GazpromNeft" assets in Yamal made it possible to find a high-tech solution for the project of hard-to-mine Arctic reserves.

So, high quality of production culture and management is an important condition for achieving synergy. Exchange of intellectual assets (selection of drilling equipment and methods, specialists drilling cross-training, joint expertise and partnership) is the basis of "Gazpromneft-Yamal" success. Internal synergy (inside the company-level) ensures the company's competitiveness to overcome most of complex risks. Thus, "Gazpromneft-Yamal" successfully drilled horizontal sections of more than 2,000 meters at the "Tazovskoye" field. Currently it is developing technological solutions for drilling deep oil deposits with a high coefficient of abnormal pressure.

To add more, the criteria for assessing the results of synergy must also include the new achieved level of safety, cost reduction, drilling speed increase,

and total profit. When copying somebody's proved success in the economy of scale, the effects will push up the new technology usage and force the whole market to grow. So Arctic is a highly growing technological market with its own laws.

The mentioned multiplicative corporate and sector synergistic effect in Arctic is not just a positive statistic fact, but also the proved successful methodology of the accelerated modernization of technologies that increases the national and global efficiency of Russian oil and gas production.

The specialists agree that the national projects are hard to realize solely on the private – state partnership base, without purely public (including municipality level) and military participation. Thus, only in 2020 the Russian Finance Monitoring Service (Rosfinmonitoring) disclosed and identified the violations in 6,000 national projects contractors at the amount of 500 billion Rubles. The total number of unscrupulous performers and contractors exceeds 20,000 projects. In Arctic conditions the cost of most contracts often exceeds the norms and standards due to lack of competition, proved management models standards and experience in some projects. Many pioneer projects are hard to implement and done for the first time in the history (for example, "Megafon" (Russia) and "Cinia" (Finland) communication project). So the cost of Arctic projects may dramatically vary due to their unique nature.

Synergy at the Project Level

It should be pointed out that synergy at the national and sector level can also be achieved via "anchor" projects, increased financing, budget privileges and corporate goal financing. As a part of private-state partnership program (ALROSA, Lukoil, Russian Railways, NOVATEK, Gazprom, and Norilsk Nickel) a list of 145 current and future Arctic projects is compiled. It includes 17 most significant projects (Yamal LNG, the Northern latitudinal passage, Murmansk transport hub, seaport in the village of Sabetta, Prirazlomnoye, etc.).

Negative Synergistic Effect of Risks and Challenges

Understanding the complexity of developing the clear and definite criteria for assessing synergistic effects in Arctic risks environment, it is believed that only a comprehensive, humanistic, social, environmentally friendly approach is applicable in the Arctic market. The transfer of the Arctic national potential into the hands of two or three big companies is fraught with the loss of Government's direct revenues and synergy effects. We state that the public participation in the private companies' successes in Arctic is underestimated. Technological disasters (in Norilsk, 2020) were eliminated directly

and indirectly at the expense of the national budget and at a high cost for the future generations. The paid fine will never completely restore the regional landscape. Understanding this, Novatek became a member of International Economic Council in 2021. Gazpromneft and Novatek will create a new JSC for Arctic projects. The deeper Arctic ecology safe exploration by the private companies should be controlled by the Russian Government after a comprehensive examination of the compliance of their technologies with the RF tasks and national interests.

Understanding the mutual influence of two equilibrium systems - the Arctic region and the world - it is important to comprehensively develop synergistic partnerships at all levels (joint salvation in the Arctic, scientific research, etc.). The transformation of the resource market is inevitable - the largest natural gas reserves are located in the Russian Arctic, and there are the largest oil reserves in the state of Alaska (USA). We also believe that synergy of international potentials in the Arctic development should not be aimed at intensifying the extraction of resources (the potential of future generations), but at protecting this unique global region, preserving the Arctic culture, developing scientific researches, fisheries and tourism. Russia enlarges the number of current and future partners in Arctic exploration, including new projects with China, Norway and Finland.

Considering the highest cost of Arctic development, the risks and costs of business in Arctic projects (private companies are historically relatively young government's partners) are assessed disproportionately to similar business indicators in Russia's central regions. These costs and risks combines together have a sharply negative synergistic effect. Risks can rapidly transform into really big challenges from local to global level. For survival, business is often simultaneously forced to compete for markets in Arctic, in other Russian markets and even globally. This market situation also increases risks.

In addition to the said above, in order to keep actively growing permanent professional Arctic community new methodology is needed. It may sound unrealistic, but people expect at least 3-10 times wages increase, and a new stimulating system of benefits and preferences. It is impossible to realize the exploration programs and national projects without professional human capital. The geopolitical and social function of the Russian Government in the Arctic should be focused on the development of the NSR, the reconstruction of the White Sea-Baltic Channel, the creation of a

cargo fleet, sanitary aviation, transport and other breaking through infrastructure projects (including Internet). Currently the professional education for Arctic needs does not meet all the Arctic market needs. Social and economic bonuses can become the best way to set the problem of intellectual capital growth in the Arctic region. All the essential elements in the Arctic big system, firstly people, must be prioritized in the federal and municipal programs.

Conclusion and Relevance

In conclusion, synergy in consolidating potential of science, management and business, social programs, public-private partnership is a unique joint methodological and philosophical mechanism to create a comprehensive support system of standardized solutions (technological, environmental, social). In being such it becomes the effective Arctic management instrument in the knowledge –based economy. Synergetic approach helps to conduct an audit of the Arctic raw materials base potential, risks of the external environment (dramatically hard climate), market needs and challenges, the interests of investors and beneficiaries of the Arctic. Levels of capacity consolidation include global, national, regional, business, project and other levels. So it is evident that synergy is achievable by smart synchronization, intellectual penetration and mutual reinforcement of potentials of different levels and at different levels in high cultural and philosophical environment. Synergy can be seen as an efficient civilization development instrument.

The mentioned above eight support zones are based on and focused on NSR seaports and filled with the first priority investment projects. The so called "Anchor Projects" will remain important and effective during the next decade. They will remain the zone support basic elements of the whole Arctic macro infrastructure system. All "linking" project potential instruments and common usage of Arctic infrastructures are forecasted to stay the effective mechanisms for achieving synergy in the Arctic. Project offices within those Arctic entities linked by a unified management system and infrastructure will be actively used as the effective tool of the integrated goal-based approach to the Arctic development as Russian macro-region and a unique large and dynamic system with macro-resources (NSR, hydrocarbons, etc.) of national importance.

We suppose that the "green energy" (wind plants) as highly ecological alternative energy, works perfectly in comfortable, non-emergency conditions. But traditional Arctic oil and gas will continue to save the

planet during the climate changes, freezing winters and transport collapses. Synergy of the interconnected global, national, regional and corporate risks will continue to grow in the next decade. To manage this process the synergy of global goodwill and responsible Arctic exploration can remain the most effective solution.

As to the synergy starting point, we suppose it must become a part of management philosophy and penetrate through the public and business mission in Arctic. It must motivate and fill up all current and future Arctic projects. We understand that the time expectations for synergetic effects vary depending on the complexity of projects and external forces. The effects can be achieved in 3 years (in case with new Arctic startups legislation which will increase the population due to new privileges), in 15 years (total cleaning up the Arctic using the imprisoned people) or in 30 years (after getting new geopolitical role as the owner and reliable operator of the Northern Sea Route). The legislative base and management system are the elements of the Arctic big system which can be transformed relatively quickly. The aim of Arctic legislation updating is to insure the synergetic effects birth after liquidation of governed part of risks, threats, and misunderstanding.

In conclusion, the Arctic system is dramatically different from the systems created by a man. The Arctic zone as a big system is quite stable. It is a self-complicated, self-renewed, self-growth organism, which accepts, emerges and integrates new elements (including negative synergetic effects of risks, threats as well as the positive synergetic effects of human management) in its existence and development model. People as a system's element can easily degrade in the harsh environment. Exploration of Arctic natural resources means consuming the Arctic. Cooperation, integrity, coexistence, restoration, protection aims must become the key criteria for all Arctic projects. People must learn the Arctic inner driving forces, its nature, rhythm, reactions, self-protection, self-survival, self-sorting forces and potential. They must understand how to survive in Arctic environment, which innovative technologies can become the philosophy between the Arctic and a man.

And finally, we should state that in the theory of dynamic chaos (a part of nonlinear sciences) there are the definite forecasting limits (forecasting horizons). The Arctic system is capable to evolution being far away from balance. Production of synergy effects from the effectively managed ensemble of optimal integrity of system elements remains the main goal of modern Arctic management.

References

1. Arnold V.I. Theory of Catastrophs. 3rd edition. Moscow: Nauka, 1990. 128 p. (In Russ.)
2. Balayan G.G. Zharikova G.G. Komkov N.I. The Information and Logical Model is Unique. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ.)
3. Bogdanov A.A. Essays on Organizational Science. Samara: State Publishing House, 1921. (In Russ.)
4. Chernavsky D.S. Synergetic and information. Dynamic Theory of Information. Ed. 5. (Series "Synergetics: from the past to the future", Issue 13). Moscow: URSS, 2017. 304 c. (In Russ.)
5. Hintsala H., Niemelä S., Tervonen P. Arctic potential – Could more structured view improve the understanding of Arctic business opportunities? *Polar Science*. 2016; 10(3):450-457. <https://doi.org/10.1016/j.polar.2016.07.001> (In Eng.)
6. Hintsala H., Niemelä S., Tervonen P. Is there an Arctic ecosystem emerging? Oulu region's perspective. *Int. J. Inf. Technol. Bus. Manag.* 2015; 15(1):21-27 (In Eng.)
7. Danilov Yu.A., Kadomtsev B.B. What is Synergy? Nonlinear Waves Self-Organization. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)
8. Fuller R.B., Applewhite E.J. Synergetic. Explorations in the Geometry of Thinking. Macmillan Publishing Co. Inc., 1975, 1979. (In Eng.)
9. Haken H. Synergetik. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 1982. (In Eng.)
10. Hacken G. Advanced Synergetics: Instability Hierarchies of Self-Organizing Systems and Devices. New York: Springer-Verlag, 1993. (In Eng.)
11. History and Synergy: Research Methodology / ed. S.Yu. Malkov, A.V. Korotaev. Moscow: KomBook, 2005. 185 p. (In Russ.)
12. Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetsky G.G. Synergetic and Future Forecasts. Ed. 3. (Series "Synergetics: from the past to the future"). Moscow: URSS, 2003. 283 c. (In Russ.)
13. Dufva M., Ahlqvist T. Knowledge creation dynamics in foresight: A knowledge typology and exploratory method to analyse foresight workshops. *Technological Forecasting and Social Change*. 2015; 94:251-268. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2014.10.007> (In Eng.)
14. Kurdyumov S.P. New Trends in the Scientific Worldview. *Cosmic worldview – new thinking of the XXI century*. 2004; 1(1):82–91 (In Russ.)
15. Lipina S.A., Smirnova O.O. The Above Projects in the Arctic Zone are Key Aspects of Modern Geopolitical Partnership. *European Science*. 2016; 3(13): 54–57 (In Russ.)
16. Marx K. Capital. Classics of History and Culture. Moscow: AST, 2019. 352 p. (In Russ.)

17. Milovanov V.P. Synergetic and Self-Organization: Social Psychology. Moscow: LIBROKOM, 2012. 178 p. (In Russ.)
18. Prigozhin I., Stengers I. Time, Chaos, Quant: Synergies from Past to Future. Moscow: Progress, 1994. 265 p. (In Russ.)
19. Prigozhin A.I. Disorganization: Causes, Types, Overcoming. Moscow: Alpina Business Books, 2007. 400 p. (In Russ.)
20. Prigozhin A.I. Organizations: Systems and People. Moscow: URSS. 2021. 240 p. (In Russ.)
21. Scheller M. The position of Man in Space. Selected Works. Moscow: Gnosis Publishing House, 1994. 490 p. (In Russ.)
22. Smirnova O.O., Lipina S.A., Kudryashova E.V., Krejdenko T.F., Bogdanova Yu.N. Creation of development zones in the Arctic: methodology and practice. *Arctic and North*. 2016; (25):148–157. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.148 (In Russ.)
23. Zhilin V.I. Synergistic Scientism: Critical Analysis of Philosophical and Methodological Foundations. Moscow: URSS: Krasand, 2010. 190 p. (In Russ.)
24. Komkov N.I., Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Analysis of the Main Factors of Innovative Development of the Arctic Regions of Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 2019; 30(1):22–27. DOI: 10.1134/S107570071901009X (In Eng.)
25. Leksin V.N., Porfiriev B.N. The Russian Arctic: The Logic and Paradoxes of Change. *Studies on Russian Economic Development*. 2019; 30(6):594–605. DOI: 10.1134/S1075700719060108 (In Eng.)
26. Bukhvald E.M. National projects in the strategic planning system in the Russian Federation. *Theory and practice of social development*. 2019; 2(132):50–54. <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.2.8> (In Russ.)
27. Ivanov O.B., Bucwald E.M. National Projects of Russia: Regional Dimension. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2019; (1):37–53. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10067> (In Russ.)
28. Komkov N.I., Sutyagin V.V., Volodina N.N. The need for a targeted approach to the development of the Arctic. In: Arctic Horizons of the 21st century. St. Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions, 2018. P. 54–66 (In Russ.)
29. Heleniak T. The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future by Laurence C. Smith. *Journal of Regional Science*. 2011; 51(4):856–857. https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2011.00740_11.x

Submitted 20.12.2020; revised 08.02.2021; published online 31.03.2021

About the author:

Natalia N. Bondareva, Junior Researcher, Institute of Economic Forecasting (47, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418), Moscow, Russian Federation, bonna2005@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

Список литературы

1. Арнольд В.И. Теория катастроф. 3-е издание. М.: Наука, 1990. 128 с.
2. Балаян Г.Г., Жарикова Г.Г., Комков Н.И. Информационно-логические модели. М.: Наука, 1978
3. Богданов А.А. Очерки организационной науки. Самара: Государственное издательство, 1921. URL: <http://www.uic.unn.ru:8103/pustyn/lib/bogdanov.ru.html>
4. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. Изд. 5. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему», № 13). М.: URSS, 2017. 304 с.
5. Hintsala H., Niemelä S., Tervonen P. Arctic potential – Could more structured view improve the understanding of Arctic business opportunities? // *Polar Science*. 2016. Vol. 10. Iss. 3. P. 450–457. <https://doi.org/10.1016/j.polar.2016.07.001> (In Eng.)
6. Данилов Ю.А. Кадомцев Б.Б. Что такое синергетика? Нелинейные волны. Самоорганизация. М.: Наука, 1983.
7. Fuller R.B., Applewhite E.J. Synergetic. Explorations in the Geometry of Thinking. Macmillan Publishing Co. Inc., 1975, 1979.
8. Хакен Г. Синергетика: пер. с англ. В. И. Емельянова; под ред. Ю.Л. Климонтовича, С.М. Осовца. М.: Мир, 1980. 404 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001008799>
9. Хакен Г. Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах: пер. с англ. Ю.А. Данилова; под ред. Ю.Л. Климонтовича. М.: Мир, 1985. 419 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001269741>
10. История и синергетика: методология исследования / отв. ред. С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. М.: КомКнига, 2005. 185 с.
11. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3 изд. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему»). М.: УРСС, 2003. 283 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002092647>

12. *Dufva M., Ahlqvist T.* Knowledge creation dynamics in foresight: A knowledge typology and exploratory method to analyse foresight workshops // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. № 94. P. 251–268. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2014.10.007> (In Eng.)
13. *Курдюмов С.П.* Новые тенденции в научном мировоззрении // *Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века*. 2004. Т. 1. № 1. С. 82–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19528451>
14. *Липина С.А., Смирнова О.О.* Проекты Арктической зоны – ключевые аспекты современного геополитического партнерства // *Европейская наука*. 2016. № 3(13). С. 54–57. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25690962>
15. *Маркс К.* Капитал. Классика истории и культуры. М.: АСТ, 2019. 352 с.
16. *Милованов В.П.* Синергетика и самоорганизация: социальная психология. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 178 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006527407>
17. *Пригожин И.Р., Стенгерс И.* Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. М.: Прогресс, 1994. 265 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001697766>
18. *Пригожин А.И.* Дезорганизация: причины, виды, преодоление. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 400 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003350312>
19. *Пригожин А.И.* Организации: системы и люди. М.: URSS. 2021. 240 с.
20. *Шеллер М.* Положение человека в космосе. Избранные работы. М.: изд-во «Гнозис», 1994. 490 с.
21. *Смирнова О.О., Липина С.А., Кудряшова Е.В., Крейденко Т.Ф., Богданова Ю.Н.* Формирование опорных зон в Арктике: методология и практика // *Арктика и Север*. 2016. № 25. С. 148–157. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.25.148. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27300457>
22. *Жилин В.И.* Синергетический сциентизм: критический анализ философско-методологических оснований. М.: URSS: Красанд, 2010. 190 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004892761>
23. *Комков Н.И., Цукерман В.А., Горячевская Е.С.* Анализ основных факторов инновационного развития регионов Арктической зоны РФ // *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 1(172). С. 33–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39215455>
24. *Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н.* Российская Арктика: логика и парадоксы перемен // *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 6(177). С. 4–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41362104>
25. *Бухвальд Е.М.* Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // *Теория и практика общественного развития*. 2019. № 2(132). С. 50–54. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.2.8>
26. *Иванов О.В., Бухвальд Е.М.* Национальные проекты России: региональное измерение // *ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика*. 2019. № 1. С. 37–53. DOI: <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10067>
27. *Комков Н.И., Сутягин В.В., Володина Н.Н.* Необходимость целевого подхода к освоению Арктики // В кн.: *Арктические горизонты 21 века*. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2018. С. 54–66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37258197&pff=1>
28. *Heleniak T.* The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future by Laurence C. Smith // *Journal of Regional Science*. 2011. Vol. 51. Iss. 4. P. 856–857. https://doi.org/10.1111/j.14679787.2011.00740_11.x

Поступила в редакцию: 20.12.2020; одобрена: 08.02.2021; опубликована онлайн: 31.03.2021

Об авторе:

Бондарева Наталья Николаевна, научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47), Москва, Российская Федерация, bonna2005@mail.ru

Автор прочитал одобрил окончательный вариант рукописи.

УДК 33.336.13

JEL: G18

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.1.34-55

Оригинальная статья

Организация системы государственных закупок в Японии и возможность применения опыта в России

Ирина Юрьевна Федорова¹, Юрий Сергеевич Пипия²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
125993, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49

E-mail: IYFedorova@fa.ru, you.s.pipiya@mail.ru

Аннотация

Цель статьи – раскрыть особенности организации японской системы государственных закупок и применимость положительного опыта для России. В рамках поставленной цели необходимо оценить механизм закупочной системы Японии, охарактеризовав ее организационную структуру и элементы, в том числе, сделать акцент на степени удовлетворения общественных потребностей и наиболее эффективных используемых инструментах; показать особенности функционирования и возможные пути перспективного развития; дать сравнительную характеристику закупочных систем Японии и России; предложить способы совершенствования российской закупочной системы, используя опыт Японии.

Метод или методология проведения работы. В ходе работы были использованы общенаучные и специальные методы исследования, включая статистический анализ, методы обработки аналитических данных, аналогий, научных обобщений и др.

Результаты работы. В результате анализа законодательных актов, на основе которых регулируются государственные закупки в Японии, а также осуществляемых в них изменений, авторами были рассмотрены качественные характеристики взаимосвязей участников закупочной системы и оценены перспективы развития, в том числе уделено особое внимание содержанию и иерархии нормативно-правовых актов, регулирующих сферу закупочной деятельности. Важным звеном авторского исследования является порядок организации закупок в ходе применения различных видов закупочных процедур, включая открытый, выборочный и лимитированный способы закупок. Сравнительный анализ закупочных систем Японии и Российской Федерации позволил определить сходства и различия в организации закупочного процесса.

Выводы. По итогам проведенного анализа обоснована правомочность исполнения государственного заказа через систему конкурентных закупок, применяемую в мировой практике, что легло в основу целевого подхода и определения перспективных направлений в развитии системы государственных закупок в Японии до 2030 г. Авторами выделены направления, успешно реализуемые в сфере государственных закупок Российской Федерации, которые свидетельствуют о позитивном развитии российской системы, созданной с учетом лучшего международного опыта, в том числе, японской практики. С целью совершенствования механизма взаимодействия участников в системе государственных закупок определены перспективные для развития направления и выявлены наиболее эффективные инструменты.

Ключевые слова: способы закупок, государственный заказчик, государственный контракт, исполнитель государственного контракта, контрактный офицер, цена контракта

Благодарность. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Федорова И. Ю. Пипия Ю. С. Организация системы государственных закупок в Японии и возможности опыта их применения в России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 1. С. 34–55

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.34-55>

© Федорова И. Ю. Пипия Ю. С., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Organization of the Public Procurement System in Japan and the Possibility of Applying Experience in Russia

Irina Yu. Fedorova¹, Yuri S. Pipiya²

^{1,2} Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

49, Leningradsky avenue, Moscow, Russia Federation, 125993

E-mail: IYFedorova@fa.ru, you.s.pipiya@mail.ru

Abstract

Purpose: is to identify the features of the organization of the Japanese public procurement system and the applicability of the positive experience for Russia. For this, it is necessary to study the organization of the public procurement system in Japan, highlighting the most effective elements and tools; to show the features of the functioning of the system and possible ways of future development; to give a comparative description of the procurement systems of Japan and Russia; to suggest ways to improve the Russian procurement system, using the experience of Japan.

Methods: during the work, general scientific and special research methods were used, including statistical analysis, processing of analytical data, analogies, scientific generalizations, etc.

Results: as a result of the analysis of changes in the legislative framework, on the basis of which public procurement in Japan is regulated, the authors examined the qualitative characteristics of the interconnections of the procurement system participants and assessed the development prospects, incl. Special attention is paid to the content and hierarchy of regulatory legal acts regulating the scope of procurement.

The important link of the author's research was the procedure for organizing procurement in the course of applying various types of procurement procedures, including open, selective and limited procurement methods. A comparative analysis of the procurement systems of Japan and the Russian Federation allowed us to determine the similarities and differences in the organization of the procurement process.

Conclusions and Relevance: as a result of the analysis the validity of the execution of the state order through the competitive procurement system used in world practice has been substantiated. This formed the basis of the targeted approach and the identification of promising directions in the development of the public procurement system in Japan until 2030. The authors highlight the areas that are successfully implemented in the field of public procurement in the Russian Federation. This indicates the positive development of the Russian system, which was created taking into account the best international experience, including Japanese practice. To improve the mechanism of interaction between participants and exchange of experience in the public procurement system, directions have been identified and the most effective tools have been identified.

Keywords: procurement methods, state customer, state contract, executor of state contract, contract officer, contract price

Acknowledgments. This article was prepared on the results of research carried out at the expense of budget funds for state assignment Finance University.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Fedorova I. Yu., Pipiya Yu. S. Organization of the Public Procurement System in Japan and the Possibilities of Experience of their Application in Russia. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2021; 12(1):34–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.34-55>

© Fedorova I. Yu., Pipiya Yu. S., 2021

Введение

Современная экономика и сфера государственных закупок, как ее неотъемлемая часть, подвержены стремительным изменениям. Смена хозяйственных укладов, переход к цифровому формату производства – все это оказывает существенное влияние на генезис и функционирование финансово-экономических механизмов, к числу которых, относится механизм осуществления государственных закупок.

Государственные закупки представляют собой институционально обособившуюся форму удовлетворения материальных потребностей публично-правовых образований, реализуемую непосредственно через участие государственных органов и учреждений в закупочной деятельности на конкурентных на-

чалах. Результаты развития экономики и общественных устоев в стране во многом зависят от успеха реализации государственного заказа и эффективности действующей закупочной системы. Элементы такой системы, их особенности и функциональная роль, по существу, законодательно закреплены на государственном уровне и должны способствовать развитию взаимоотношений участников закупок, которые во многом могут отличаться по странам. С целью достижения их наибольшей эффективности при реализации государственного заказа необходимо взаимнообразно изучать опыт организации государственных закупок в мировой практике и возможность использования лучших инструментов в отечественной практике. Для этого авторами проведено исследование закупочной системы в Японии,

являющейся одной из наиболее зрелых и эффективно организованных закупочных систем в мире, применяемой в условиях рыночных отношений.

Обзор литературы и исследований. В рамках рассматриваемой темы безусловный интерес представляют нормативные правовые акты, регулирующие организацию в системе государственных закупок Японии, в том числе:

- законодательные акты Национального Правительства Японии;
- указы и постановления Кабинета Министров и Министерства финансов Японии;
- акты уполномоченного органа в сфере закупок;
- местные законодательные акты;
- международные межправительственные договоры.

Указанные документы обеспечивают регулирование отношений между участниками закупок.

В отношении планирования и исполнения государственного заказа — многими авторами исследовались тенденции изменений отдельных функций и характеристик участников системы государственных закупок, чему посвящены научные труды О.В. Орусовой [1], Я.А. Суходолова [2], и др. В рамках тематики организации системы государственных закупок авторы в своих научных исследованиях, в частности, уделяют большое внимание обоснованию взаимосвязи бюджетного процесса на всех стадиях его исполнения и процесса закупочной деятельности в рамках осуществления государственного заказа [1].

Вопросы изучения функционирования системы государственных закупок в России и за рубежом, целесообразно, по мнению Т.О. Кузнецовой и Л.О. Гордейченко, рассматривать с учетом особенностей устройства самой системы государственных закупок и взаимодействия между органами государственной власти, поскольку именно они являются, в большинстве случаев, крупнейшими государственными заказчиками, обгоняя по объемам реализованных закупок социальные учреждения (школы, больницы и т. д.) и учреждения, не имеющие статуса государственных органов, но входящие в сектор государственного управления и выступающие в статусе государственных агентств и служб [3].

Анализ и изучение тенденций развития сферы государственных закупок в развитых странах позволяет сделать вывод о возможности применения в российской практике лучшего мирового опыта в организации и функционировании закупочных систем. Этому направлению в исследовании особенностей системы государственных закупок посвящены работы, например К.И. Макаевой, Е.С. Егориновой, А.С. Сангаджиевой, Б.Б. Даваевой, Э.Ц. Шанкчиевой, А.З. Бакаевой и М.Б. Бадминова [4] и др.

Интерес к исследованию тематики государственных закупок четко прослеживается и у зарубежных авторов. Предметом их научных интересов в данной сфере являются отраслевые особенности осуществления государственных закупок в областях медицины, образования и инвестиционного строительства. Среди иностранных авторов, уделивших внимание подобным проблемам в своих научных работах, можно отметить Х. Окавару, М. Фукушиму, Т. Китигаву, Т. Ито, И. Масутани, И. Саву [5], А. Раджа, А. Аграхари, С.К. Шриваставу [6] и др. Отдельное направление в исследовании государственных закупок у зарубежных ученых, связанное с ролью и значением электронных технологий в закупочной деятельности, представлено, например, в работах Т. Хаттори [7].

Перечень изученной литературы и характер содержащейся в ней информации позволяет сделать вывод об актуальности публикационных материалов для осуществления исследования по выбранной тематике.

Материалы и методы. В ходе проведения исследования, наряду с научными публикациями по теме работы, использовались нормативные правовые акты, справочные, аналитические и методические материалы японских, российских и других зарубежных и международных организаций. Фактографическая информация представлена данными Росстата, материалами Министерств финансов Японии и России, сведениями информационных систем Японии (JETRO) и российской ЕИС, а также международными нормативно-правовыми актами в сфере регулирования национальных закупочных систем. Изучение текущего состояния проблем и способов организации механизма взаимодействия участников закупок в Японии и России, проведение оценки их закупочной деятельности с учетом достижения необходимого уровня конкурентоспособности, справедливости и экономности, а также подготовка научно-практических рекомендаций для достижения целевых параметров базируются на применении методов логического, статистического и экспертного анализа. Это способствовало получению обоснованных результатов, позволило аргументировать выводы, повысить практическую значимость рекомендаций по совершенствованию научной методологии с точки зрения необходимости и направления развития системы государственных закупок в Японии и России на основе приоритетности целей и с учетом национального характера.

Результаты исследования

Нормативно-правовое регулирование

Нормативно-правовые акты, регулирующие сферу государственных закупок в Японии, разделены на три основные группы [8].

В первую входят нормативно-правовые акты Национального Правительства Японии, регламентирующие основные процедуры по осуществлению закупок. В частности, к ним относятся: закон № 35 от 1947 г. «О национальных счетах»¹, закрепляющий основные положения по осуществлению закупок как элемента расходов соответствующего бюджета; закон № 73 от 1948 г. «О национальной собственности»², регулирующий порядок и принципы отношений, возникающих в связи со сделками по приобретению имущества в рамках государственной контрактной системы; постановление № 165 от 1947 г. Кабинета Министров «О бюджете, аудите и бухгалтерском учете», в котором определены содержание, цели, задачи и полномочия органов контроля за сферой государственных закупок; Указ Министерства финансов Японии № 52 от 1962 г. «О правилах управления контрактами»³, содержащий положение о порядке управления процессом закупочной деятельности Центрального Правительства.

Во вторую группу следует отнести вышеуказанные нормативно-правовые акты, регулирующие закупки на местном уровне. К этой группе относятся, во-первых, закон № 67 от 1967 г. «О местной автономии»⁴, закрепляющий полномочия местных исполнительных органов власти по осуществлению отдельных полномочий в сфере государственных закупок, во-вторых, указ Правительства «Об исполнении закона «О местной автономии»⁵, являющийся отправной точкой установленных ранее полномочий в сфере закупок местных органов исполнительной власти.

В третью группу включены нормативно-правовые акты, регламентирующие процедуры проведения закупочной деятельности вне зависимости от уров-

ня власти и бюджета (финансового обеспечения), к которым относятся учреждения, осуществляющие закупки. В данной группе можно выделить: закон № 127 от 2000 г. «О содействии надлежащему исполнению торгов и заключению контрактов на общественные работы»⁶, закрепляющий порядок осуществления торгов по отдельным видам закупок услуг и работ; № 54 от 1947 г. «Антимонопольный закон»⁷, устанавливающий антимонопольное регулирование цен по товарам, работам и услугам, входящим в перечни закупок; закон № 256 от 1949 г. «О предотвращении задержек платежей по государственным контрактам»⁸, направленный на борьбу с рисками неисполнения обязательств бюджета по выполненным контрактам; закон № 42 от 1999 г. «О доступе к информации, находящейся в распоряжении административных органов»⁹, включающий основные положения о порядке обмена информацией между участниками системы государственных закупок. Отдельное место в данной группе нормативно-правовых актов занимает положение «О государственных закупках в Японии»¹⁰, в котором изложены основы функционирования системы государственных закупок в Японии, ключевые права и обязанности всех участников контрактной системы.

На основе оценки международными организациями влияния пандемии на Повестку-2030 и системно проводимого мониторинга в Японии выпущен документ ЦУР «Достижение ЦУР в условиях пандемии COVID-19: роль государств и высших органов аудита» (цели устойчивого развития). В нем определены 17 целей и 169 подцелей (конкретные критерии), необходимые для достижения результатов, которые должны быть получены для преодоления глобальных кризисных явлений в экономике государства к 2030 г. В данном контексте Всемирный

¹ Закон «О национальных счетах» № 35 от 1947 г. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/?re=02> (дата обращения: 12.12.2020)

² Закон «О национальной собственности» № 73 от 1948 г. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/?re=02> (дата обращения: 14.12.2020)

³ Указ Министерства финансов «О правилах управления контрактами» № 52 от 1962 г. URL: https://www.mof.go.jp/english/about_mof/policy_evaluation/ (дата обращения: 17.12.2020)

⁴ Закон «О местной автономии» № 67 от 1947 г. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/?re=02> (дата обращения: 12.12.2020)

⁵ Указ Правительства «Об исполнении закона «О местной автономии» № 16 от 1947 г. URL: <https://www.japan.go.jp/publications/japanlibrary/> (дата обращения: 14.12.2020)

⁶ Закон «О содействии надлежащему исполнению торгов и заключению контрактов на общественные работы» № 127 от 2000 г. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/?re=02> (дата обращения: 12.12.2020)

⁷ Закон «Об антимонопольном регулировании» № 54 от 1947 г. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/?re=02> (дата обращения: 12.12.2020)

⁸ Закон «О предотвращении задержек платежей по государственным контрактам» № 256 от 1949 г. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/?re=02> (дата обращения: 12.12.2020)

⁹ Закон «О доступе к информации, находящейся в распоряжении административных органов» № 42 от 1999 г. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/?re=02> (дата обращения: 12.12.2020)

¹⁰ Положение «О государственных закупках в Японии» № 35 от 1947 г. URL: <https://www.japan.go.jp/publications/japanlibrary/> (дата обращения: 14.12.2020)

банк также способствует развитию контрактной системы Японии. Своевременно проработанная документальная база позволит стране сохранить экономическую устойчивость на международном уровне и даст возможность остаться успешной после завершения пандемии [9].

Необходимо отметить, что с 2000 г. в Японии принят и действует закон о «зелёных закупках», поощряющий закупки государством экологически чистых товаров. Цель его заключается в стимулировании закупок, способствующих уменьшению негативного воздействия на окружающую среду и обеспечивающих снижение потенциальных рисков. Считаем, что можно применить подобную практику и в России.

Наднациональное регулирование в сфере планирования и исполнения государственного заказа

Большое значение для развития закупочной сферы Японии имеет наднациональное регулирование [10]. В составе системы наднационального регулирования государственных закупок в Японии принято выделять три элемента:

- плюрилатеральное соглашение о государственных закупках [10];
- генеральное соглашение о торговле услугами;
- разработанное рабочей группой методическое сопровождение закупочных процедур, обеспечивающее прозрачность государственных закупок.

Плюрилатеральное соглашение о государственных закупках является дополнением к существующему административному регламенту об осуществлении закупок в рамках ВТО. Данное соглашение провозглашает верховенство принципов прозрачности и отсутствия дискриминации при проведении конкурсных процедур во время осуществления закупок. Влияние соглашения распространяется на все виды товаров и работ, а также на строительные услуги. Обязательность исполнения норм данного соглашения продиктована его условиями, а также отдельными организационными документами ВТО.

Генеральное соглашение о торговле услугами, как элемент наднационального регулирования сферы закупок в Японии, определяет наиболее значимые аспекты осуществления закупок по большей части услуг, такие, как, например, приоритетность ранее названных принципов открытости, прозрачности и отсутствия дискриминации при осуществлении закупок и конкурсных процедур [11, 12]. Упомянутое выше соглашение является обязательным к исполнению всеми участниками, непосредственно принявшими его условия.

Рабочая группа по прозрачности государственных закупок была учреждена в целях изучения и разра-

ботки методических компонентов сопровождения процедуры закупок на наднациональном уровне, при непосредственном участии специалистов из стран-партнеров по закупочной деятельности. Многопрофильность деятельности данной группы объясняется ее широким интернациональным составом и значительной финансовой и институциональной поддержкой.

Организация государственных закупок

Система государственных закупок в Японии является двухуровневой. К первому уровню относятся государственные закупки, осуществляемые Центральным Правительством Японии, а также входящими в состав органов власти министерствами и агентствами. На втором уровне закупочной системы действия осуществляются непосредственно органами власти административно-территориальных делений и муниципальных образований.

Общими для каждого уровня государственных закупок в Японии являются основные процедуры и этапы осуществления закупочной деятельности [13, 14]. Началом для инициирования закупочного процесса является информация о предстоящих закупках, публикуемая органами власти на официальном сайте национального средства массовой информации – газеты «Канпо». На следующем этапе обеспечивается участие иностранных поставщиков и подрядчиков в закупочной деятельности посредством доведения до них информации о предстоящих закупках, размещенной на сайтах Министерства иностранных дел Японии и Японской организации содействия развитию внешней торговли. Через неделю после публикации сведений о предстоящих закупках начинаются процедуры: прием и отбор заявок, осуществление торгов, выявление победителей. Процесс находится под тщательным контролем Управления организации государственных закупок. Важно отметить, что контракты по закупкам для Центрального Правительства и министерств подлежат дополнительному контролю со стороны Совета по организации государственных закупок [15, 16].

Положение «О государственных закупках в Японии» включает полный и исчерпывающий перечень документов, необходимых для формирования заявки на участие в конкурсных процедурах [2, 17], который включает:

- документ о квалификации поставщика для участия в закупках ТРУ (своего рода «лицензия», определяющая качественные характеристики);
- сведения из отчетности о собственном капитале предприятия;
- сведения о наличии и состоянии оборотных средств;
- информацию о численности и кадровом составе персонала;

- информацию о среднегодовой стоимости оборудования и начисленной амортизации;
- информацию о среднегодовом объеме выручки от реализации товара, работы или услуги, в закупках которой поставщик/подрядчик/исполнитель планирует принять участие;
- сведения об опыте участия поставщика/подрядчика/исполнителя в аналогичных закупочных процедурах.

Характеристика закупочных процедур

В рамках осуществления конкурсных закупочных процедур в Японии выделяются три способа закупок: открытые, выборочные и лимитированные (единоличные закупки). При проведении открытых закупок государственная организация обязуется открыто сообщать о своем намерении осуществить необходимые ей закупки. К участию в открытых закупках приглашаются все поставщики и подрядчики, имеющие квалификационный аттестат соответствия. Взнос обеспечения по контракту, а также аванса и суммы окончательного расчета осуществляется в специфической валюте – специальных правах заимствования. Победителем открытых закупок признается поставщик или подрядчик, предложивший наименьшую цену контракта. Важно отметить, что более 70% всех государственных закупок в Японии осуществляется при помощи проведения именно открытых способов закупок [17].

При проведении выборочного способа закупок государственная организация публично объявляет не о своем намерении осуществить закупки, а о готовности принять заявки участников на допуск к

закупочным процедурам. На основе заявок, представленных с учетом определенных критериев, государственный заказчик выбирает поставщиков и соответственно утверждает их заявки для дальнейшего участия в конкурсных процедурах [18]. При выборочном способе закупок обеспечение суммы аванса и окончательный расчет по государственному контракту вносятся в национальной валюте – японской йене. Победителем, как и в открытых закупках, признается поставщик или подрядчик, предложивший наименьшую цену контракта.

Лимитированный или единоличный способ не предполагает процедуры размещения объявления о намерении государственного органа осуществить закупки или о его готовности к началу приема заявок от поставщиков и подрядчиков. Контракт при этом способе закупок заключается с единственным поставщиком, который, как правило, имеет долю государственного участия в уставном капитале. Процедура определения победителя в рамках лимитированного способа закупок не носит конкурсного характера: победитель определяется исходя из соответствия профиля деятельности компании требованиям государственного заказчика в части предоставляемых товаров, работ и услуг. Все денежные операции по исполнению контракта при использовании лимитированного способа осуществляются в национальной валюте Японии. Наиболее широко он представлен при закупках, связанных с необходимостью сохранения государственной тайны. Отличительные особенности организации по способам закупок с учетом наиболее значимых критериев представлена в табл. 1.

Таблица 1

Особенности организации отдельных способов государственных закупок в Японии

Table 1

Features of the organization of certain methods of public procurement in Japan

Критерии	Открытый способ закупок	Выборочный способ закупок	Лимитированный (единоличный) способ
Объявление о закупках	Организация публично объявляет о намерении осуществлять закупки	Организация публично объявляет о готовности принять заявки на допуск к участию в закупке	Процедура объявления не предусмотрена
Порядок приглашению к участию в закупке	Квалифицированные поставщики	Отобранные по определенным критериям поставщики	Контракт заключается с компанией из числа отобранных компаний (с государственным участием)
Валюта заключения сделки	Специальные права заимствования (СДР)	Национальная валюта Японии	Национальная валюта Японии
Признание победителем закупки	Соискатель, предложивший наименьшую цену		Победитель выбирается из числа отобранных поставщиков
Условия проведения способа закупок	Более 70% всех закупок осуществляются при помощи открытого способа закупок	Проводится, если есть заведомо ограниченный круг поставщиков	Используется при закупках на небольшую стоимость и связанных с необходимостью сохранения государственной тайны

* Составлено авторами по материалам Мировой Атлас данных KNOEMA URL <https://knoema.ru/atlas/Япония/ВВП>.

* Compiled by the authors based on the KNOEMA World Data Atlas URL <https://knoema.ru/atlas/Japan/GDP>.

Анализ закупочной деятельности в Японии

Система государственных закупок в Японии начала формироваться во второй половине XX века, т.е. сразу после окончания Второй мировой войны. За этот значительный период организация закупочного процесса и механизм взаимодействия ее участников постоянно совершенствовались в направлении наиболее полного обеспечения растущих потребностей государства и общества

Японии, а также в соответствии с требованием научно-технического развития экономики. Росла значимость реализации государственного заказа [19] и доля государственных закупок в объеме ВВП и расходах бюджетов. Динамика этих показателей представлена в табл. 2. (причем для последующего соотношения с макроэкономическими показателями России указанные там данные представлены в рублевом эквиваленте.

Таблица 2

Доля государственных закупок в ВВП и расходах бюджета Японии за период 2000–2018 гг.

Table 2

Share of government purchases in GDP and budget expenditures of Japan for the period 2000–2018

Год	ВВП в млрд руб.	Государственные закупки в млрд руб.	Расходы бюджета, в млрд руб.	Доля закупок в рас- ходах бюджета, в %	Доля закупок в ВВП, в %
2000	358 938,00	139,080	22237,200	0,63%	0,039
2001	316 049,04	135,280	23192,576	0,58%	0,043
2002	302 212,94	129,200	24815,068	0,52%	0,043
2003	326 492,21	133,640	26174,008	0,51%	0,041
2004	353 628,29	141,133	24255,020	0,58%	0,040
2005	349 236,58	121,733	22846,664	0,53%	0,035
2006	332 712,58	171,000	23703,208	0,72%	0,051
2007	331 603,63	187,160	21685,388	0,86%	0,056
2008	369 983,38	181,973	20211,144	0,90%	0,049
2009	384 194,02	247,227	24205,604	1,02%	0,064
2010	418 615,34	208,400	24856,248	0,84%	0,050
2011	452 206,80	188,133	24996,260	0,75%	0,042
2012	455 563,01	244,587	26511,684	0,92%	0,054
2013	378 634,61	274,267	25012,732	1,10%	0,072
2014	356 213,38	254,347	26890,540	0,95%	0,071
2015	322 364,88	267,853	46311,028	0,58%	0,083
2016	361 816,85	245,720	60056,912	0,41%	0,068
2017	356 918,40	301,973	49951,340	0,60%	0,085
2018	365 092,27	339,200	47439,360	0,72%	0,093

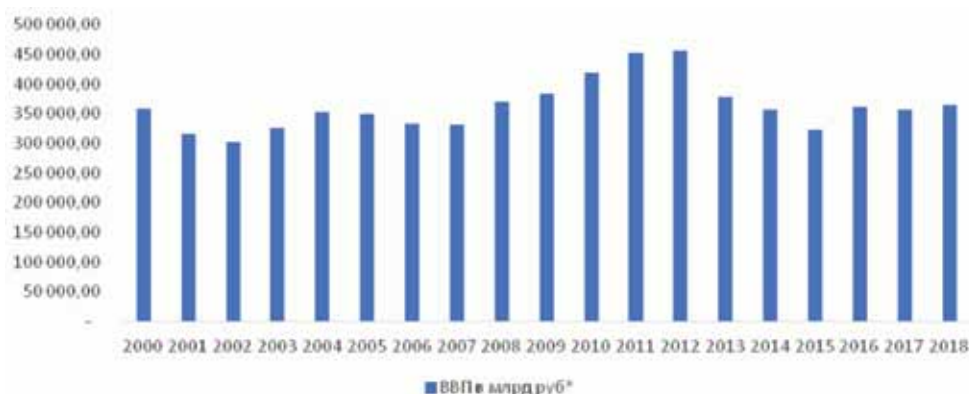
Составлено авторами по материалам: «Отчет о государственных закупках Японии». URL: <https://www.eu/government-procurement/publio-procurement-jbpan-outline>

Compiled by the authors based on: Japanese Government Procurement Report. URL: <https://www.eu/government-procurement/publio-procurement-jbpan-outline>

За период 2000–2018 гг. отмечен нестабильный характер формирования ВВП Японии, что говорит о системных проблемах в экономике государства (рис. 1). В тоже время, особенно в 2015–2018 гг., наблюдается значительное увеличение объема бюджетных расходов [19, 21]. Принятые Правительством Японии меры по увеличению расходов способствовали активизации государственной закупочной деятельности, обеспечили увеличение их доли в ВВП страны и в бюджетных расходах. Соответственно, правительством преследовалась цель достижения более стабильного уровня развития

экономики, что отражено на рис. 1 и 2. В этом случае государственные закупки были использованы в качестве инструмента, способствующего активизации экономики через расширение взаимодействия государственного и корпоративного секторов. За период 2019–2020 гг. в экономике продолжался процесс наращивания государственных закупок, что благотворно повлияло на экономическую ситуацию в Японии [22].

Что касается Российской Федерации, необходимо отметить значительно более низкий уровень в сравнении с Японией по объему ВВП и бюджетным

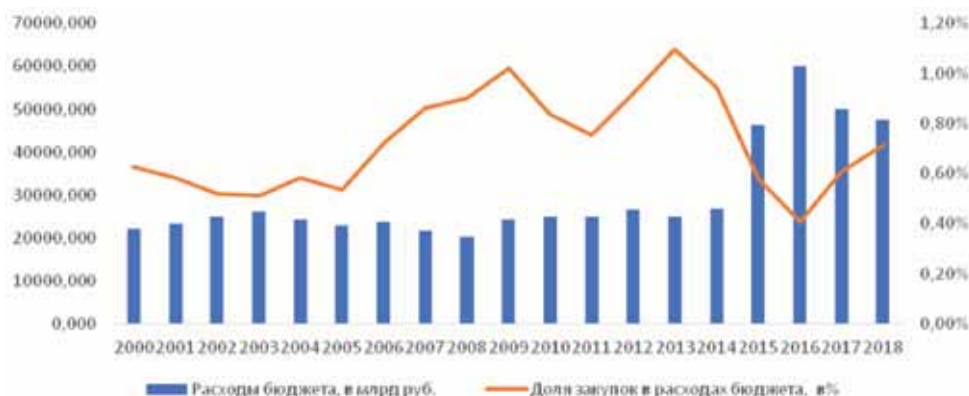

Составлено авторами по материалам: [22].

Рис. 1. Динамика ВВП Японии за период с 2000-2018 гг., млрд. руб.

Составлено авторами по материалам: [22].

Fig. 1. Dynamics of Japan's GDP for the period from 2000-2018, billion rubles

Составлено авторами по материалам: [22].

Рис. 2. Динамика расходов бюджета и доля расходов на закупки в бюджете Японии в млрд. руб. и соответственно в %

Составлено авторами по материалам: [22].

Fig. 2. Dynamics of budget expenditures and the share of procurement expenditures in the Japanese budget in billion rubles. and, accordingly, in %

расходам¹¹, которые показаны в табл. 3. [23] Однако доля государственных закупок в ВВП и расходах бюджета здесь более значительна, чем в Японии, отличается положительной динамикой и отражает общее нарастание всех показателей, что можно увидеть на рис. 3 и 4.

Более существенным является процесс наращивания объема государственных закупок в сочетании с бюджетными расходами за период 2016–2018 гг., что обеспечило достижение относительной стабильности

в экономике. Процесс наращивания объема государственных закупок продолжился в 2019–2020 гг. и должен был дать дополнительный толчок для экономического развития России, но в условиях глобальной пандемии в 2020 году способствовал только замедлению экономического спада и минимизации его отрицательного воздействия на экономику страны.

Проводя сравнительный анализ развития закупочных систем Японии и России необходимо отметить более значительный уровень зависимости

¹¹ По данным Росстата Российской Федерации за период 2000–2018 гг.

Таблица 3

Доля государственных закупок в ВВП и расходах бюджета Российской Федерации за период 2000–2018 гг.

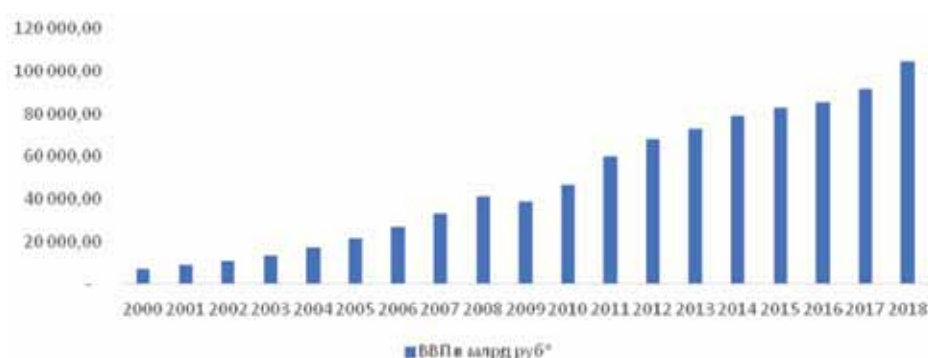
Table 3

The share of government purchases in GDP and budget expenditures of the Russian Federation for the period 2000–2018

Год	ВВП в млрд. руб.	Государственные закупки в млрд. руб.	Расходы бюджета, в млрд. руб.	Доля закупок в расходах бюджета в %	Доля закупок к ВВП в %
2000	7 305,60	230,900	1 039,50	22,21%	3,161
2001	8 943,60	352,800	1 393,92	25,31%	3,945
2002	10 830,50	463,500	1 804,79	25,68%	4,280
2003	13 208,20	615,400	2 373,97	25,92%	4,659
2004	17 027,20	786,500	2 859,60	27,50%	4,619
2005	21 609,80	1092,000	3 461,95	31,54%	5,053
2006	26 917,20	1713,300	4 797,63	35,71%	6,365
2007	33 247,50	2410,000	5 732,04	42,04%	7,249
2008	41 276,80	2968,500	7 035,62	42,19%	7,192
2009	38 807,20	3300,900	7 232,88	45,64%	8,506
2010	46 308,50	4271,700	8 344,77	51,19%	9,224
2011	60 114,00	4789,200	10 874,41	44,04%	7,967
2012	68 103,40	6021,400	12 689,30	47,45%	8,842
2013	72 985,70	5856,500	12 928,51	45,30%	8,024
2014	79 030,00	5502,380	12 087,03	45,52%	6,962
2015	83 087,40	5508,420	13 579,55	40,56%	6,630
2016	85 616,10	5402,710	17 143,49	31,51%	6,310
2017	91 843,20	6359,860	17 351,97	36,65%	6,925
2018	104 629,60	6952,800	16 629,12	41,81%	6,645

Составлено авторами по материалам: ЧС (Росстат); Единый портал бюджетной системы Российской Федерации.

Compiled by the authors based on the materials: SNS (Rosstat); Single portal the budgetary system of the Russian Federation.

Составлено авторами по материалам: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации.

Рис. 3. Динамика ВВП России за период с 2000–2018 гг., млрд. руб.

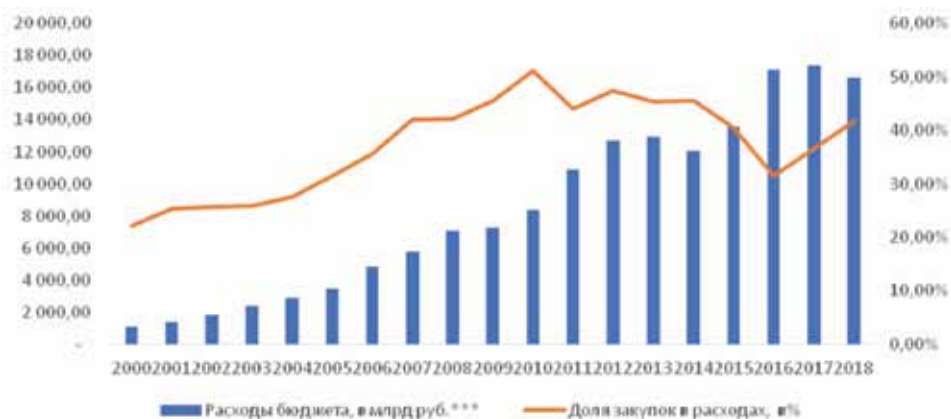
Compiled by the authors based on the materials: Unified portal of the budgetary system of the Russian Federation.

Fig. 3. Dynamics of Russia's GDP for the period from 2000–2018, billion rubles

экономики России от воздействия государственных инструментов, включая закупочную систему. Это подтверждает наличие существенных и пока непреодоленных проблем в корпоративном секторе экономики России и усиливает уязвимость ее экономики в целом [24].

Согласно данным, предоставленным Центральным Правительством Японии, в 2019 г. около 73% всех государственных контрактов на поставку товаров, работ и услуг были заключены в результате проведения открытых способов закупок (рис. 5). Данный факт является вполне объяснимым: во-первых,

Составлено авторами по материалам: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации

Рис. 4. Динамика бюджетных расходов и доля расходов на закупки в бюджете Российской Федерации в млрд. руб. и соответственно в %

Compiled by the authors based on the materials: Unified portal of the budgetary system of the Russian Federation.

Fig. 4. Dynamics of budget expenditures and, and, accordingly, in %

эта процедура является открытой и доступной для всех участников, прошедших этап сертификации; во-вторых, она является унифицированной как для государственного заказчика, так и для исполнителя (поставщика или подрядчика).

На втором месте по количеству заключенных государственных контрактов находится способ определения исполнителя контракта посредством проведения лимитированного (единоличного) способа закупок: по данным Центрального Правительства Японии 26% государственных контрактов в истекшем 2019 г. было заключено с помощью лимитированных способов закупок (рис. 5). Относительно более низкая популярность данного способа определения поставщика по сравнению с откры-

тым способом закупок связана, по мнению авторов, главным образом с тем, что к участникам и их конкурсным заявкам могут предъявляться дополнительные требования и условия по взаимодействию с объектами, участвующими в закупках на условиях сохранения государственной тайны.

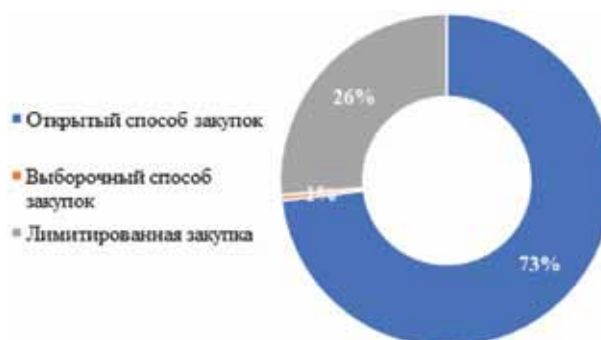
Наконец, с помощью выборочного способа закупок в прошедшем 2019 г. было заключено немногим менее 1% государственных контрактов, что вполне может быть обусловлено специфическими особенностями данного вида закупки. Это объясняется необходимостью предъявления дополнительных требований к сертификации и учету показателей финансово-хозяйственного положения компаний, желающих принять участие в конкурсной процедуре.

Составлено авторами по материалам: Chapter II Products and Services Covered by the Government Procurement Survey.

Рис. 5. Доли государственных контрактов Японии по видам закупочных процедур в 2019 г.

Compiled by the authors on the materials: Chapter II Products and Services Covered by the Government Procurement Survey.

Fig. 5. Shares of government contracts of Japan by types of procurement procedures in 2019

На протяжении временного периода с 2015 по 2019 гг. структура государственных контрактов по видам закупочных процедур в Японии несущественно, но изменялась. В начале 2015 г. доля государственных контрактов, заключенных по результатам открытых закупок, составляла 70,20%, а уже в конце 2019 г. – 73,10%. Проведение стати-

стического расчета среднего темпа роста данного показателя позволяет сделать вывод о стабильном изменении его доли среди других показателей в среднем на 1,04% в год в течение 2015–2019 гг.

По состоянию на начало 2015 г. доля государственных контрактов, заключенных по итогам про-

ведения выборочного способа, составляла 0,90%; в конце 2019 г. – 0,95%. Проведенный авторами статистический расчет его среднего темпа роста показывает, что динамика изменения доли заключенных контрактов на основе выборочного способа закупок в период с 2015 по 2019 г. составляет в среднем 45,14%, что намного превосходит показатели динамики заключенных государственных контрактов на основе открытых способов закупок.

Единоличный или лимитированный способ закупки показал отрицательную динамику в структуре

заключенных государственных контрактов. В начале 2015 г. доля государственных контрактов, заключенных по итогам проведения лимитированных закупок, составляла 28,90%; к концу 2019 г. – 26,40%. В среднем за период с 2015 по 2019 гг. доля государственных контрактов, заключенных в результате данного вида закупочных процедур, сократилась на 2,08%. Структура по видам государственных закупок и динамика по способам закупок в Японии представлена на рис. 6.

Составлено авторами по материалам: Chapter II Products and Services Covered by the Government Procurement Survey.

Рис. 6. Динамика изменения доли государственных контрактов, заключенных по видам закупочных процедур в 2015–2019 гг.

Compiled by the authors based on: Chapter II Products and Services Covered by the Government Procurement Survey.

Fig. 6. Dynamics of changes in the share of government contracts concluded by types of procurement procedures in 2015–2019

В 2019 г. всеми государственными структурами Японии было совершено закупок на сумму 157 410,30 млн японских иен или в пересчете по курсу на 218 625,42 млн рублей. Данные по видам закупочных процедур, в результате которых были заключены государственные контракты и суммы по ним показаны в табл. 4. На основе представленных данных можно сделать вывод о том, что

большее число контрактов (как в доле, так и по значениям сумм заключенных контрактов) приходится на осуществление закупок товаров: 172 347,78 млн рублей против 46 277,64 млн рублей закупок по категории работ и услуг.

В зависимости от типа выбранного способа закупки для определения исполнителя по государственному контракту общий конкурсный процесс имеет

Таблица 4

Стоимость государственных контрактов Японии по видам государственных закупок, 2019 г.

Table 4

Cost of Japanese government contracts by type of government procurement for 2019

Наименование способа закупки	Товары, в млн. рублей	Работы и услуги, в млн. рублей	Итог по способам закупок в млн. рублей
Открытый способ закупок	151 165,00	25 299,17	176 464,17
Выборочный способ закупок	820,14	13,89	834,03
Лимитированный (единоличный) способ закупок	20 362,64	20 964,58	41 327,22
ИТОГО	172 347,78	46 277,64	218 625,42

Составлено авторами по материалам: Chapter II Products and Services Covered by the Government Procurement Survey.

Compiled by the authors based on: Chapter II Products and Services Covered by the Government Procurement Survey.

две формы проведения: форма для открытого и выборочного способа и форма для лимитированного (единоличного способа). Процедура открытого или выборочного способа начинается с публичного уведомления государственного заказчика о

начале приема заявок с учетом наличия необходимых данных для участия в торгах. Дополнительно всем исполнителям, отправившим заявки, сообщаются дата и место проведения торгов (рис. 7).

Составлено авторами по материалам: Положение «О государственных закупках в Японии» № 35 от 1947 г.

Рис. 7. Порядок осуществления открытого и выборочного способа закупок при заключении государственного контракта

Compiled by the authors based: Regulation "On public procurement in Japan" No. 35 of 1947

Fig. 7. The procedure for the implementation of an open and selective method of procurement when concluding a state contract

Квалификационный отбор поставщиков, подрядчиков, исполнителей

Следующий этап включает в себя проведение обязательной квалификации поставщиков. Она заключается, главным образом, в использовании определенной математической модели для оценки соответствия исполнителя установленным критериям заказчика и требованиям нормативно-правовых актов [2]. Большая часть заказчиков использует так называемую Модель оценки Кейшин, которая имеет следующий вид:

$$P = 0.25 \times X_1 + 0.15 \times X_2 + 0.20 \times Y + 0.25 \times Z + 0.15 \times W$$

где X_1 – объем среднегодовой выручки исполнителя по товару, работе или услуге, в закупках которой планируется принять участие; X_2 – суммарное значение прибыли за прошедший отчетный период и собственного капитала исполнителя; Y – ожидаемая в текущих ценах инфляция; Z – среднесписочная численность сотрудников компании-исполнителя; W – дополнительные параметры (по выбору заказчика), включающие:

- опыт исполнителя;
- собственный капитал;

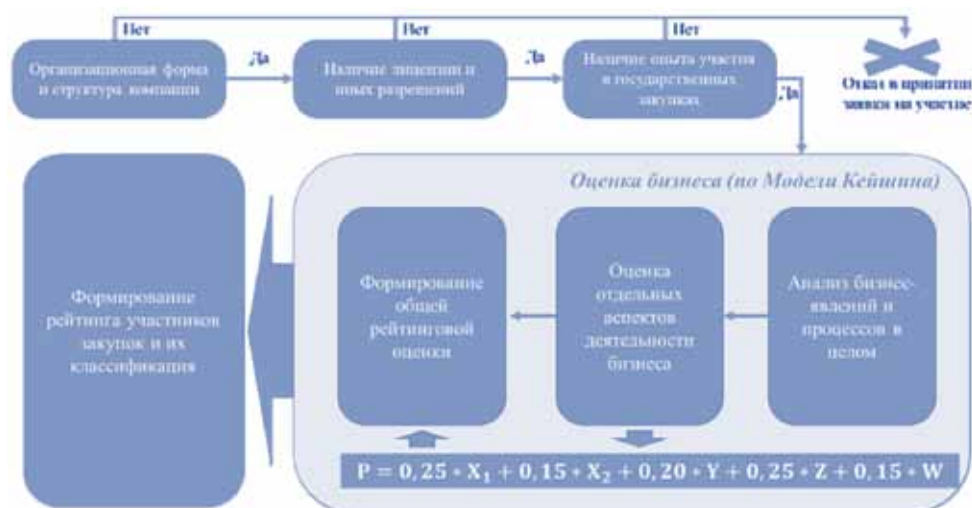
- размер оборотных средств;
- расходы на НИОКР;
- наличие профессиональных кадров;
- имеющееся технологическое оборудование;
- средний уровень продаж за год;
- период времени, в течение которого организация ведет соответствующий бизнес;
- другие.

Алгоритм процесса оценки уровня квалификации поставщика с помощью модели Кейшин представлен на рис. 8.

Для подтверждения квалификации в международной практике участником закупки предоставляется необходимый перечень документов [25].

В Российской Федерации ранее установленные заказчиком неценовые критерии отражаются через дополнительные требования к участникам, затем оценивается их уровень при отборе победителя открытого (с ограниченным участием, двух-этапного) конкурса.

Также в последнее время, активно применяется предквалификационный отбор. В основу такого отбора положены законодательно установленные обязательные требования в отношении заказчи-

Составлено авторами по материалам: Ainoi Yamada. Bid Rigging: Cases and Enforcement in Japan; Shuya Hayashi. Kansei-Dango and Antimonopoly Law in Japan – The Characteristics of Collusion in the Japan's Public Procurement

Рис. 8. Алгоритм оценки квалификации исполнителя государственного контракта

Compiled by the authors based on materials: Ainoi Yamada. Bid Rigging: Cases and Enforcement in Japan; Shuya Hayashi. Kansei-Dango and Antimonopoly Law in Japan – The Characteristics of Collusion in the Japan's Public Procurement

Fig. 8. Algorithm for assessing the qualifications of the executor of a state contract

ка и потенциальных исполнителей. Учитываются также и дополнительные требования заказчиков в отношении потенциальных исполнителей при крупных и сверх крупных закупках, установленные в обязательном порядке, критерии по которым выбираются по усмотрению самого заказчика. Если закупка незначительна по объему, то заказчик может не устанавливать дополнительные требования. Также предквалификационный отбор может производиться с учетом ранее выполненных аналогичных заказов в объеме не менее 20% от стоимости заключаемого контракта. В системе закрытых закупок применяется практика ведения реестра ВИП поставщиков.

Этапы проведения государственных закупок

После проведения процедуры квалификации потенциальных исполнителей начинается процедура размещения информации о закупке в открытом доступе [24]. После этого проводятся торги по уже размещенному государственному контракту. Этот этап предполагает проведение оплаты обеспечительного депозита и непосредственное участие по желанию желанию корпоративных структур в торгах.. Как отмечалось ранее, победителем признается исполнитель, предложивший наименьшую цену контракта по итогам конкурса. С ним заключается государственный контракт [24], и производится его оплата.

Процедура проведения закупок при осуществлении лимитированного способа имеет ряд особен-

ностей (рис. 9). Во-первых, это связано с тем, что проведению квалификационного отбора подвергаются уже не отдельные исполнители, а представители контрактных служб государственного заказчика и исполнителя. По итогам проведенного квалификационного отбора потенциальных исполнителей контрактным управляющим, выбранным и утвержденным государственным заказчиком, направляются соответствующие уведомления. Не более чем через 5 рабочих дней после дня подтверждения получения уведомления происходит оплата депозита. Поскольку чаще всего лимитированный способ используется для закупок в отношении объектов и сведений, составляющих государственную тайну, уполномоченными органами проводится тщательная проверка соответствия нормативно-правовых актов и условий заключенных договоров. После этой процедуры осуществляется непосредственно заключение контракта и его окончательная оплата.

Информатизация и программное обеспечение закупочного процесса

Одной из наиболее значимых тенденций развития сферы государственных закупок в Японии является цифровизация [25, 26]. Необходимая пользователям закупочная информация публикуется японскими организациями-заказчиками в официальной газете Канпо, а так же, размещается на сайтах МИД Японии и Японской организации содействия развитию внешней торговли.

Составлено авторами по материалам: Положение «О государственных закупках в Японии» № 35 от 1947 г.

Рис. 9. Порядок проведения лимитированного способа закупок и заключения государственного контракта

Compiled by the authors based on the materials: Regulations "On public procurement in Japan" No. 35 of 1947

Fig. 9. The procedure for conducting a limited method of procurement and concluding a state contract

Главным цифровым инструментом в сфере государственных закупок Японии является цифровая платформа, которая носит название JETRO (Japan External Trade Organization). Функциональная «начинка» данного инструмента близка к структуре ЕИС, используемой в Российской Федерации в сфере закупок. Японский аналог Единой информационной системы агрегирует в себе совокупность информации о состоянии, фактах и действиях субъектов сферы закупочной деятельности. [27–32]. Программно-аппаратный комплекс JETRO, помимо названного, включает в себя единую классификацию товаров, работ и услуг по каталогам, где каждой категории благ присвоены соответствующие номера: 0001 – продукты сельскохозяйственной и пищевой промышленности, 0002 – минеральные продукты и т. д. Наиболее существенными достоинствами этой электронной платформы является ее оперативная обновляемость, легкость и простота в доступе и эксплуатации.

На основе ранее выполненного анализа системы государственных закупок в Японии целесообразно дать сравнительную характеристику и провести оценку организации японской и российской закупочных систем. В этой связи, в закупочном механизме необходимо выделить наиболее существенные сравнительные критерии, которые определили основные тенденции развития сферы государственных закупок в обеих странах, что наглядно представлено в табл. 5.

Прежде всего, целесообразно выделить такой критерий, как начало формирования закупочного механизма. В Японии датой зарождения системы закупок принято считать конец первой половины XX века, в то время как в России – это конец XX

века, но по факту практическое применение государственного закупочного механизма началось только в 2005 г. с принятием федерального закона № 94-ФЗ. Сопряженное по времени с эффектом «японского экономического чуда» более раннее начало зарождения системы государственных закупок в Японии по ряду параметров предопределило стремительное развитие финансово-экономических отношений участников, что на данный момент обеспечило наибольшую устойчивость экономики в сравнении с российским вариантом.

Нормативно-правовая база, необходимая для организации и регулирования закупочного процесса, сформирована в обеих странах. По содержанию и структуре законодательных актов авторами не найдено существенных и принципиальных различий. Однако необходимо отметить, что нормативное обеспечение сферы закупок в Японии является более «лояльным и гибким» по сравнению с российским. Например, анализ основополагающих принципов функционирования системы закупок в обеих странах показал, что закупочная система Японии больше ориентирована на максимально широкое участие организаций малого и среднего бизнеса, что находит соответствующее отражение в наиболее полной реализации принципов справедливости и равенства возможностей для всех участников вне зависимости от их экономического статуса. В тоже время в российской системе государственных закупок наибольший акцент и более пристальное внимание уделяется обеспечению принципа конкуренции. Важно отметить, что по своему содержанию и направленности данные принципы могут вступать в противоречие, так как наличие конкуренции на рынке государственных

Поиск уведомлений о закупках

Источник: Цифровая платформа в сфере государственных закупок Японии JETRO (Japan External Trade Organization).

Рис. 10. Диалоговое окно используемого цифрового инструмента в сфере закупок Японии – JETRO

Source: Digital platform in the field of Japanese public procurement JETRO (Japan External Trade Organization).

Fig. 10. Dialog box used digital tool in Japan procurement – JETRO

Таблица 5

Сравнительная характеристика закупочных систем Японии и России по предложенным критериям

Table 5

Comparative characteristics of the procurement systems of Japan and Russia according to the proposed criteria

Сравнительные критерии	Система государственных закупок Японии	Система государственных закупок Российской Федерации
Начало формирования закупочного механизма в стране	Конец первой половины XX века Приказ Министерства финансов от 18.11.1947 «О специальных процедурах для правительственных закупок или определенных услуг»	Начало 90-ых годов XX века Закон Российской Федерации от 28.05.1992 № 2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд»
Основополагающие нормативные акты, по регулированию контрактных отношений	1. Закон «О государственном бюджете» (The Accounts Law) от 31.03.1947; 2. Императорский указ о бюджете, обслуживании счетов и регулировании деятельности по обслуживанию счетов (The Budget, Settlement of Account and Accounting Regulations) от 30.04.1947; 3. Приказ Кабинета о специальных процедурах правительственных закупок продукции или определенных услуг; 4. Приказ Министерства финансов о специальных процедурах для правительственных закупок или определенных услуг (Ministerial Ordinance Stipulating Special Procedures for Government Procurement of products or Specified Services) от 18.11.19; 5. Закон о местном самоуправлении (Local Autonomy Law) от 17.04.1947 с последними изменениями от 18.05.2007	1. Конституция РФ; 2. Гражданский кодекс РФ; 3. Бюджетный кодекс РФ; 4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; 5. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 апреля 2017 г. № 442 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; 6. Иные законы, постановления и распоряжения Правительства РФ

Таблица 5

Сравнительная характеристика закупочных систем Японии и России по предложенным критериям

Table 5

Comparative characteristics of the procurement systems of Japan and Russia according to the proposed criteria

Сравнительные критерии	Система государственных закупок Японии	Система государственных закупок Российской Федерации
Принципы формирования закупочной системы и организации взаимоотношений участников	1. Достижение справедливости, т.е. обеспечение условий для равноправного участия хозяйствующих субъектов в конкуренции за государственные заказы; 2. Соблюдение честности и борьба с коррупцией в системе государственных закупок [34]; 3. Экономия и эффективность, т.е. обеспечение закупок ТРУ требуемого качества по максимально низким ценам с минимальными затратами на проведение закупочных процедур	1. Открытости, прозрачности, достоверности информации о контрактной системе в сфере закупок; 2. Обеспечения конкуренции; 3. Профессионализма заказчиков; 4. Стимулирования инноваций; 5. Единства контрактной системы в сфере закупок; 6. Ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд; 7. Эффективности осуществления закупок
Уполномоченные государственные органы в сфере закупок	Управление организации государственных закупок (The Office of Government Procurement Review);	1. Министерство финансов Российской Федерации; 2. Федеральная антимонопольная служба, на которые возложены полномочия по 44-ФЗ
Уполномоченные государственные органы в сфере контроля за действиями участников закупочной системы	Уполномоченные государственные органы в сфере закупок включают: 1. Управление организации государственных закупок (The Office of Government Procurement Review); 2. Совет по организации государственных закупок	1. Федеральная антимонопольная служба; 2. Федеральное казначейство в системе Министерства финансов РФ; 3. Органы управления государственными внебюджетными фондами
Участники государственных закупок по уровням закупочной системы	По уровням закупочных агентств, включая: • структурные подразделения центрального правительства; • региональные агентства; • организации-участники государственных закупок, включая государственных и муниципальных заказчиков, уполномоченный орган по размещению заказа, специализированная организация, эксперт или экспертная организация и другие участники закупок	1. По уровням закупочной системы, включая: федеральные и региональные органы, органы МСУ, регулирующие и контролирующие сферу государственных закупок; 2. Государственные заказчики; 3. Участники/поставщики, подрядчики, исполнители; 4. Уполномоченные органы и учреждения; 5. Специализированные организации; 6. Операторы электронных площадок
Государственные (корпоративные) заказчики	1. Nippon Telegraph and Telephone Public Corporation; 2. Japan Tobacco Японские; 3. Japan Post Японские; 4. Japanese national railways	1. Роскосмос; 2. Росатом; 3. Министерство промышленности и торговли РФ; 4. Министерство обороны РФ; 5. Другие
Уровни закупочной системы	Двухуровневая структура закупочной системы	Трёхуровневая структура закупочной системы
Степень централизации (децентрализации) в закупочной системе с учетом уровней	Децентрализованная	Смешанная
Данные по покупаемым объемам ТРУ	Наиболее распространённый – открытые тендеры; На втором месте – выборочные тендеры; На третьем месте – лимитированные (единоличные) тендеры	На первом месте – Электронный аукцион; На втором – закупка у единственного поставщика; На третьем – запрос котировок
Уровень конкуренции закупочных процедур	Умеренно концентрированные рынки	Умеренно концентрированные рынки
Неконкурентные способы закупок, их соотношение с конкурентными по объему ТРУ	Количество лотов 2019; Конкурентные – 61%; Неконкурентные – 14%; Единственный поставщик – 25%	Количество лотов 2019 (1,38 млн.): Конкурентные – 55%; Неконкурентные – 16%; Единственный поставщик – 29%. Цена лотов 2019 (14,8 трлн. руб.): Конкурентные – 64%; Неконкурентные – 16%; Единственный поставщик – 20%

Таблица 5

Сравнительная характеристика закупочных систем Японии и России по предложенным критериям

Table 5

Comparative characteristics of the procurement systems of Japan and Russia according to the proposed criteria

Сравнительные критерии	Система государственных закупок Японии	Система государственных закупок Российской Федерации
Используемая информационная платформа	На сайтах МИД Японии и Японской организации содействия развитию внешней торговли JETRO (Japan External Trade Organization)	Единая информационная система (ЕИС) в сфере закупок

Составлено авторами по материалам: Положение «О государственных закупках в Японии» № 35 от 1947 г.; Федорова И.Ю. Развитие взаимосвязей структурных элементов в финансовом механизме государственных закупок // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 2. С. 216–232. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.216-232>.

Compiled by the authors based on the materials: Regulations "On public procurement in Japan" No. 35 of 1947; Fedorova I.Yu. Development of interaction of structural elements of financial mechanism within state procurements system. MIR (Modernization. Innovation. Research). 2020; 11(2):216–232 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.216-232>.

закупок не всегда означает реализацию в полной мере принципов справедливости и равенства возможностей, и наоборот. Соответственно, странам необходимо дополнительно вводить инструменты, обеспечивающие выравнивание воздействующего эффекта.

Примечательным является опыт организации системы государственных закупок в Японии в части институционального обособления органа государственной власти, уполномоченного на администрирование закупочного процесса на всех его этапах. Имеется в виду Управление организации государственных закупок (The Office of Government Procurement Review). При нем создан совещательный орган - Совет по организации государственных закупок, главная задача которого заключается в контроле за осуществлением закупочного процесса. Подобная организация системы управления и контроля закупочной сферы позволяет избежать дублирования полномочий государственных органов и снизить риски неэффективной деятельности.

Что касается российской практики, то изначально на федеральном уровне уполномоченными органами стали сразу три государственных субъекта, включая Министерство экономического развития Российской Федерации и Министерство финансов Российской Федерации, которые функционально разделяли полномочия по организации закупочного процесса, нередко вступая в противоречия исходя из поставленных перед ними целей, а также Федеральную антимонопольную службу. В процессе реформирования, позитивно оценивая зарубежный опыт (в том числе и японский), функции уполномоченного государственного органа в сфере закупок были переданы Министерству финансов Российской Федерации. Такое решение способствовало сосредоточению всех полномочий в едином федеральном центре и обеспечило большую упорядоченность системы управления. Результатом стало системное нарастание поло-

жительной динамики в системе государственных закупок России. О проявлении данной тенденции в российских закупках говорилось ранее.

В условиях интеграции значительной части закупочного бизнес-процесса Японии в цифровую среду созданная двухуровневая система ее организации не вызывает «расширения» штата офицеров в закупочной сфере, что является ее прямым достоинством. Также необходимо отметить, что система организации государственных закупок в Японии носит децентрализованный характер. Безусловно, это еще одно ее преимущество, поскольку позволяет оперативно и в полном объеме «удовлетворять» необходимые общественные потребности. В тоже время, российская трехуровневая система организации закупок, отражающая федеративное устройство государства, носит смешанный характер, что позволяет ей «балансировать» между централизованной и децентрализованной системами управления. По факту это вызывает необходимость более точного и взвешенного сочетания степени централизации на федеральном уровне и частичной децентрализации на региональном и местном уровнях власти, учитывая необходимость обеспечения хозяйственной самостоятельности субъектов. Именно этот аспект усложняет управление и регулирование закупочного процесса и часто приводит к снижению получаемого экономического эффекта. В этом плане, учитывая разные типы государственного устройства и управления, японский опыт для России неприемлем.

Наконец, дадим оценку последнему из установленных сравнительных критериев в организации закупочных систем двух стран – создания необходимого уровня цифровизации в закупочной сфере. Япония в данном направлении продвинулась несколько дальше по сравнению с Россией, сумев интегрировать в государственную информационную систему, стандартизованную в сфере закупок платформу для проведения аукциона. Это намного упрощает

конкурсную процедуру при проведении закупок и сокращает дальнейшие действия в рамках закупочного процесса. Данный опыт, в совокупности с ранее сделанными выводами, является релевантным для возможного практического применения в системе государственных закупок в России.

Какой же лучший японский опыт можно взять для использования в российской закупочной практике? В обобщенной форме итоги исследования и оценка возможности применения наиболее эффективных инструментов в российской закупочной системе показаны в табл. 6.

Таблица 6

Лучший опыт Японии и инструменты, рекомендуемые для использования в системе государственных закупок в России

Table 6

Japan's Best Practices and Recommended Tools for Use in the Public Procurement System in Russia

Инструменты	Система государственных закупок Японии	Система государственных закупок Российской Федерации	Возможность использования лучших практик
Нормативно-правовая база	С 2000 г. в Японии принят и действует Закон о зелёных закупках, поощряющий закупки государством экологически чистых товаров. В Японии национальным правительством разработана и действует политика ответственных закупок в помощь местным властям, организациям частного сектора и другим группам, осуществляющим «зеленые» закупки, которые дают снижение уровня нагрузки на окружающую среду	Подобный правовой акт на федеральном уровне отсутствует. Экологические требования к закупаемой продукции не имеют официального статуса.	Создает дополнительные возможности для сохранения экологии, экономии бюджетных средств, развития малого бизнеса - рекомендуется для применения
Гибкая система государственной регламентации закупочного процесса, обеспечивающая большую социально-экономическую стабильность	Децентрализация закупочного процесса в значительной мере способствующая более полному удовлетворению запросов административных территорий и населения	Жесткий регламент государственных закупок на федеральном уровне мешает проводить более эффективную закупочную политику в отношении административно-территориальных образований и государственных организаций при малых закупочных объемах	Рекомендуется использовать более гибкий подход в сочетании степени централизации и децентрализации закупочного процесса на региональном и муниципальном уровнях, особо выделяя приоритетность социального заказа
Гибкость применяемых инструментов в отношении СМП	Созданы условия для участия в закупках малого и среднего бизнеса на основе выделения социально значимых направлений в закупках и установления преференций на местах в отношении среднего и малого бизнеса при малых объемах закупок	Значительная нормативная регламентация закупок у СМП и СОНКО в федеральных законодательных актах	Рекомендуется развивать практику закупок у СМП и СОНКО в рамках реализации социального заказа, выделив регулирование таких закупок в отдельный нормативно-правовой блок и предоставив возможность регионам более гибко регулировать закупки в рамках социального заказа
Алгоритм и критерии оценки квалификации участников	Единый подход в оценке квалификации бизнес-партнеров по модели Кейшин. Законодательно закреплён алгоритм и установлены оценочные критерии.	Заказчиками устанавливаются неценовые критерии, которые отражают дополнительные требования к ним, затем оценивается их уровень при отборе победителя	Рекомендуется устанавливать единые требования и показатели оценки квалификации бизнес-партнеров для применения в крупных и особо крупных закупках

Составлено авторами с использованием материалов: Доклад WWF «Государственные «зеленые» закупки: опыт правового регулирования и предложения по внедрению в России».

Compiled by the authors using materials: WWF Report "State Green Procurement: Experience of Legal Regulation and Proposals for Implementation in Russia."

Выводы

Рынок государственных закупок в Японии привлек наибольшее международное внимание в 2016 г., когда было объявлено о проведении летней Олимпиады-2020 в Токио. Японские государственные закупки – поставки товаров и услуг государственным организациям – оцениваются примерно в 550–600 млрд евро, и в значительной степени остаются нетронутым рынком для европейских компаний.

Рынок государственных закупок в Японии привлек наибольшее международное внимание в 2016 г., когда было объявлено о проведении летней Олимпиады-2020 в Токио. Японские государственные закупки – поставки товаров и услуг государственным организациям – оцениваются примерно в 550–600 млрд евро, и в значительной степени остаются нетронутым рынком для европейских компаний.

Основополагающие принципы формирования японской закупочной системы и организации взаимоотношений участников включают: законность в закупочной деятельности, эффективность, равенство и справедливость, прозрачность, транспарентность, ответственность, недискриминация, контроль, конкурентность закупочных процедур, на основе которых обеспечивается выполнение законодательно установленных требований, включающих:

- равный доступ к закупочным процедурам;
- проведение государственных закупок только с участием квалифицированных поставщиков;
- отсутствие установленных преференций для японских поставщиков;
- полное соответствие всех поставляемых товаров ранее установленным условиям и стандартам;
- соблюдение требований по лицензированию;
- отражение всей переписки и содержания контрактов на японском языке

На основе изложенного в статье можно сделать вывод о том, что основные черты системы государственных закупок Японии имеют схожесть с российской системой организации закупочной деятельности [3], а именно в части:

- требований, предъявляемых к исполнителям государственного контракта: наиболее пристальное внимание уделяется месту локации исполнителя, наличию опыта участия в системе исполнения государственных контрактов, техническим, финансовым и кадровым возможностям исполнителей;
- подходов к определению победителей: победителем признается поставщик, предложивший наименьшую цену контракта, если иное не установлено процедурным порядком (лимитированный тендер);
- господствующих принципов и степени их реализуемости: прочно соблюдаемыми в обоих государствах являются следующие три принципа – конкурентоспособность, справедливость, экономность.

Вместе с этим, удалось выявить ряд схожих проблем в системах организации государственных закупок Японии и России. К данного рода проблемам относятся:

во-первых, административная нагрузка на контрактных офицеров в Японии и на контрактных управляющих в России – ее функции, характер и, соответственно, дифференциация по заработной плате, которая, к сожалению, не в пользу российских специалистов;

во-вторых, в обоих государствах в равной степени существует вероятность «загрязнения» контрактной сферы недобросовестными исполнителями или поставщиками;

в-третьих, несмотря на достаточно высокий уровень оплаты труда в отрасли, сфера закупок в лице государственных заказчиков и исполнителей испытывает острый недостаток в кадрах необходимой квалификации.

Решение этих проблем, по мнению авторов, может быть достигнуто путем консолидации целей и взаимных интересов в развитии партнерских отношений участников контрактной системы на основе совершенствования нормативно-правовых баз и унификации отдельных правовых норм для дальнейшего обеспечения взаимной интеграции экономик, в чем заинтересованы оба государства.

В ходе проведенного исследования авторами установлены и особо выделены следующие успешно реализуемые в России по сравнению с опытом Японии, направления в сфере государственных закупок:

- стабильно положительная динамика и более высокая доля государственных закупок в ВВП страны;
- отмечается более интенсивное наращивание объемов государственных закупок в сравнении с ростом расходов федерального бюджета, что говорит о повышении уровня адресных, целевых государственных расходов и соответственно о более эффективном использовании средств;
- более активное развитие в закупочной практике России сектора государственных и муниципальных услуг.

Все это говорит о поступательном развитии и перспективности созданной системы государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации, сформированной, в том числе, на основе использования лучших мировых практик, в частности, опыта Японии.

Список литературы

1. Орусова О.В. Современная модель экономики Японии: особенности развития // Самоуправление. 2020. Т. 2. № 1(118). С. 303–306. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42590566&>.
2. Суходолов Я.А. Современная специфика внешнеторгового сотрудничества России с Японией // Baikal Research Journal. 2019. № 10(3). С. 11. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-spetsifika-vneshnetorgovogo-sotrudnichestva-rossii-s-yaponiei>
3. Кузнецова Т.О., Гордейченко Л.О. Конституционные основы бюджетного процесса и бюджетной политики в Японии // Право и управление. XXI век. 2019. Т. 15. № 4(53). С. 110–117. DOI: 10.24833/2073-8420-2019-4-53-110-117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41799931>

4. Макаева К.И., Егоринова Е.С., Сангаджиева А.С., Даваева Б.Б., Шанкчиева Э.Ц., Бакаева А.З., Бадминов М.Б. Зарубежный опыт поддержки и развития региональной экономики // Экономика и предпринимательство. 2020. № 10(123). С. 337–340. DOI: 10.34925/EIP.2020.123.10.061. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44195406>
5. Ohkawara H., Fukushima N., Kitagawa T., Ito T., Masutani Y., Sawa Y. Tissue Procurement System in Japan: The Role of a Tissue Bank in Medical Center for Translational Research, Osaka University Hospital // Transplantation Proceedings. 2020. Vol. 42. Iss. 1. P. 190–192. DOI: 10.1016/j.transproceed.2009.12.037
6. Raj A., Agrahari A., Srivastava S.K. Do pressures foster sustainable public procurement? An empirical investigation comparing developed and developing economies // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 266. P. 122055. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122055. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43633117>
7. Hattori T. Determinants of the number of bidders in the competitive procurement of electricity supply contracts in the Japanese public sector // Energy Economics. 2010. № 32. P. 1299–1305. URL: <http://faculty.smu.edu/Millimet/classes/eco6375/papers/hattori%202010.pdf>
8. Карпов К.А. Правовые основы финансовой системы Японии: монография. Казань: ООО «Бук», 2019. 104 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36509596> С. 25–29
9. Куц Л.И. Мировой опыт правового регулирования публичных (государственных) закупок // В сб.: Актуальные проблемы правового и экономического знания: теория и практика. Донецк: «Цифровая типография», 2018. С. 159–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35401386>
10. Бирюкова О.В., Данильцев А.В. Регулирование государственных закупок в международной торговле услугами // Внешнеторговая деятельность. 2015. № 7. С. 31–42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23732713>
11. Birulin O. Optimality of Simple Procurement Auctions // International Journal of Industrial Organization. 2020. Vol. 70(2). P. 102610. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2020.102610>. URL: https://www.researchgate.net/publication/339968898_Optimality_of_Simple_Procurement_Auctions
12. Яценко Е.А. Япония в современной мировой экономической системе // Управленческий учет и финансы. 2019. № 3. С. 208–219. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41142176>; <https://grebennikon.ru/article-zfhg.html>
13. Прокина Д.Е. Тенденции и перспективы развития экономики Японии // В сб.: Студенческая наука – взгляд в будущее. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 89–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43830784>
14. Рензин А.М., Суслов Д.В. Экономическая динамика в Японии: детализация институциональных контуров политики «Абэномики» // Японские исследования. 2020. № 1. С. 85–105. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10005. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42662574>
15. Юнусов А.А., Ахвердян А.Г., Воронина В.В. Государственное устройство и правовая система Японии // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: Историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 16. С. 25–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42347263>
16. Прокопченко Е.Ю. Организация системы государственных закупок в странах Азии // В сб.: Перспективы развития науки в современном мире. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2020. С. 63–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42570072>
17. Жигит А.А., Хамидуллина К.И., Лашкин С.А. Комплексная оценка проведения электронного аукциона при проведении государственных закупок услуг (на примере строительного подряда) // Russian Economic Bulletin. 2020. № 1. С. 68–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42518151>
18. Даниловская А.В. Правовая защита конкуренции в Японии, Республике Корея и Китайской Народной Республике: особенности уголовной ответственности // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. Т. 22. № 2. С. 107–124. DOI: 10.24866/1813-3274/2020-2/107-124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43871380>
19. Вайнбендер Т.Л. Вайнбендер Т.Л. Регулирование государственного бюджета индустриально развитых стран // В сб.: Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 78–86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38353946>
20. Кандрашова С.В. Бюджетная система Японии // В сб.: Молодежь и XXI век – 2019. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. С. 208–211. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37116929>
21. Ноздрева Р.Ю. Государственный долг Японии: анализ особенностей и оценка перспектив // Вестник МГИМО университета. 2019. Т. 12. № 5. С. 114–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-114-133. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41374769>
22. Долгих О.С., Вахнина Т.Н., Башкатова В.Я. Современное развитие кооперативного сектора экономики в странах Восточной Азии // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 5-3. С. 46–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38018067>
23. Воробьева Н.В., Козерод Ю.М. Опыт Японии по обеспечению инновационного развития сельского хозяйства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2020. № 7(64). С. 148–152. DOI: 10.33938/207-148. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43860414>
24. Бурдули Е.А. Зарубежная практика проведения государственных закупок // В сб.: Интеллектуальный потенциал XXI века. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2020. С. 62–65. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42854553>
25. Попов Е.В., Семячков К.А., Файрузова Д.Ю. Приоритеты экономической политики в развитии цифровой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 7(376). С. 1198–1214. DOI: 10.24891/ni.15.7.1198. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38544136>

26. Айтжанова Д.А., Дуйсен Г.М., Уалтаев М.Д. Цифровизация экономики Казахстана на примере государственного прокьюрмента зарубежных стран // Статистика, учет и аудит. 2019. № 2(73). С. 77–81. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41444653>
27. Байбусинова Ж.Д. Поддержка малого и среднего агробизнеса в зарубежных странах // Проблемы агроэкономики. 2019. № 3. С. 181–186. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41514111>
28. Кожемякин А.С. Местное самоуправление в Японии // Перо науки. 2019. № 9(9). С. 7–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37605435>
29. Вайно А.А. Сравнительно-правовой анализ систем исполнительной власти России и Японии // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9(118). С. 195–205. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.195-205. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43983114>
30. Гвоздев В.А. Зарубежный опыт подготовки кадров для государственной гражданской службы // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 29–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38234456>
31. Покровская Н.В., Белов А.В. Налоговые доходы местных бюджетов унитарного государства: опыт Японии // Journal of tax reform. 2020. Т. 6. № 1. С. 73–89. DOI: 10.15826/jtr.2020.6.1.076. URL: <https://jtr.urfu.ru/ru/arkhiv/journal/203/article/2409/>
32. Кенешбекова Б.К. Кадровая политика на государственной службе Японии // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2020. Т. 20. № 3. С. 88–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42841293>
33. Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В. Организационные подходы к обеспечению эффективности здоровьесберегающей деятельности в Корею и Японии // В сб.: Проблемы качества физкультурно-оздоровительной и здоровьесберегающей деятельности образовательных организаций. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2019. С. 133–138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39230812>
34. Цындра В.Н. Бальная система административных наказаний (взысканий): анализ зарубежного опыта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 320–328. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41327205>

Поступила в редакцию: 16.01.2021; одобрена: 05.03.2021; опубликована онлайн: 31.03.2021

Об авторах:

Федорова Ирина Юрьевна, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125993, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49), Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор, ORCID: 0000-0002-2967-117X, Scopus Author ID: 55968559500, Researcher ID: Q-9751-2017, IFedorova@fa.ru

Пипия Юрий Сергеевич, студент, Департамента общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49), Москва, Российская Федерация, you.s.pipiya@mail.ru

Вклад соавторов:

Федорова И. Ю. – научное руководство, развитие методологии, проведение критического анализа материала, подготовка текста статьи, формирование выводов.

Пипия Ю. С. – сбор данных, формализованный анализ данных, редактирование элементов статьи на английском языке.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Orusova O.V. Modern model of the Japanese economy: features of development. *Self-government*. 2020; 9(1(118)):303–306 (In Russ.)
2. Sukhodolov Ya.A. Modern specifics of foreign trade cooperation between Russia and Japan. *Baikal Research Journal*. 2019; 10(3):11. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).11 (In Russ.)
3. Kuznetsova T.O., Gordeichenko L.O. Constitutional foundations of the budget process and budget policy in Japan. *Law and Management. XXI Century*. 2019; 15(4(53)):110–117. DOI: 10.24833/2073-8420-2019-4-53-110-117 (In Russ.)
4. Makaeva K.I., Egorinova E.S., Sangadzhieva A.S., Davayeva B. B., Shankchieva E. Ts., Bakaeva A. Z., Badminov M.B. Foreign experience in supporting and developing the regional economy. *Economics and entrepreneurship*. 2020; 10(123):337–340. DOI: 10.34925/EIP.2020.123.10.061 (In Russ.)
5. Ohkawara H., Fukushima N., Kitagawa T., Ito T., Masutani Y., Sawa Y. Tissue Procurement System in Japan: The Role of a Tissue Bank in Medical Center for Translational Research, Osaka University Hospital. *Transplantation Proceedings*. 2020; 42(1):190–192. DOI: 10.1016/j.transproceed.2009.12.037 (In Eng.)
6. Raj A., Agrahari A., Srivastava S.K. Do pressures foster sustainable public procurement? An empirical investigation comparing developed and developing economies. *Journal of Cleaner Production*. 2020; (266): 122055. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122055 (In Eng.)
7. Hattori T. Determinants of the number of bidders in the competitive procurement of electricity supply contracts in the Japanese public sector. *Energy Economics*. 2010; (32):1299–1305. URL: <http://faculty.smu.edu/Millimet/classes/eco6375/papers/hattori%202010.pdf> (In Eng.)
8. Karpov K.A. Legal foundations of the financial system of Japan: Monograph. Kazan: Limited Liability Company "Buk", 2019. 140 p. (In Russ.) S. 25–29
9. Kushch L.I. World experience of legal regulation of public procurement. In: *Actual problems of legal and economic knowledge: theory and practice*. Donetsk: Digital Printing House, 2018. P. 159–166 (In Russ.)
10. Birjukova O.V., Daniltsev A.V. Regulation of public procurement in international trade in services. *Russian Foreign Economic Journal*. 2015; 7:31–42. (In Russ.)
11. Birulin O. Optimality of Simple Procurement Auctions. *International Journal of Industrial Organization*. 2020; 70(2):102610. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2020.102610 (In Eng.)

12. Yashchenko E.A. Japan in the modern world economic system. *Management accounting and finance*. 2019; (3):208–219 (In Russ.)
13. Prokina D.E. Trends and prospects of the Japanese economy. In: *Student science – look into the Future*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2020. P. 89–91 (In Russ.)
14. Renzin A.M., Suslov D.V. Economic dynamics in Japan: detailing of the Abenomics policy institutional outlines. *Japanese Studies in Russia*. 2020; (1):85–105. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10005 (In Russ.)
15. Yunusov A.A., Akhverdyan A.G., Voronina V.V. Government and legal system of Japan. *Bulletin of the public research laboratory "Interaction of the penal system with civil society institutions: Historical, legal and theoretical methodological aspects"*. 2019; (16):25–29 (In Russ.)
16. Prokopchenko E.Yu. Organization of the public procurement system in Asian countries. In: *Prospects for the development of science in the modern world*. Neftekamsk: Scientific Publishing Center "World of Science", 2020. P. 63–68 (In Russ.)
17. Zhigit A.A., Khamidullina K.I., Lashkin S.A. Comprehensive evaluation of electronic auction at the purchase of public services purchases (on the example of construction contract). *Russian Economic Bulletin*. 2020; (1):68–74 (In Russ.)
18. Danilovskaya A.V. Legal protection of competition in Japan, the Republic of Korea and the People's Republic of China: features of criminal liability. *Asia-Pacific region: economics, politics, law*. 2020; 22(2):107–124. DOI: 10.24866/1813-3274/2020-2/107-124 (In Russ.)
19. Weinbender T.L. Regulation of the state budget of industrially developed countries. In: *Actual problems of the development of economic entities, territories and systems of regional and municipal management*. Kursk: Southwestern State University, 2019. P. 78–86 (In Russ.)
20. Kandrashova S.V. Budgetary system of Japan. In: *Youth and XXI century – 2019*. Kursk: "University Book", 2019. P. 208–211 (In Russ.)
21. Nozdreva R.B. Panlic debt of Japan: analysis of features and assessment of prospects. *Bulletin of MGIMO University*. 2019; 12(5):114–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-114-133 (In Russ.)
22. Dolgikh O.S., Vakhnina T.N., Bashkatova V.Ya. Modern development of cooperative sector of economy in the countries East Asian. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019; (5-3):46–55 (In Russ.)
23. Vorobieva N.V., Kozherod Yu.M. Japan's experience in ensuring innovative development of agriculture. *Economy, labor, management in agriculture*. 2020; 7(64):148–152. doi: 10.33938/207-148 (In Russ.)
24. Burduli E.A. Foreign practice of public procurement. In: *Intellectual potential of the XXI century*. Neftekamsk: Scientific Publishing Center "World of Science", 2020. P. 62–65 (In Russ.)
25. Popov E.V., Semyachkov K.A., Fairuzova D.Yu. Priorities of economic policy for the development of the digital economy. *National interests: priorities and security*. 2019; 15(7(376)):1198–1214. DOI: 10.24891/ni.15.7.1198 (In Russ.)
26. Aitzhanova D.A., Duisen G.M., Ualtayev M.D. Digitalization of the Kazakhstan's economy on the example of state procurement of foreign countries. *Statistics, accounting and audit*. 2019; (2(73)):77–81 (In Russ.)
27. Baybusinova Zh.D. Support of small and medium-sized agribusiness in foreign countries. *Problems of the agricultural market*. 2019; (3):181–186 (In Russ.)
28. Kozhemyakin A.S. Local government in Japan. *Pen of science*. 2019; (9(9)):7–11 (In Russ.)
29. Vayno A.A. Comparative legal analysis of the systems of executive power in Russia and Japan. *Actual problems of Russian law*. 2020; 15(9(118)):195–205. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.195-205 (In Russ.)
30. Gvozdev V.A. Foreign experience in training staff for state civil service. *Bulletin of the Chuvash University*. 2019; (2):29–34 (In Russ.)
31. Pokrovskaya N.V., Belov A.V. Tax Revenues of Local Budgets in Unitary States: a Case Study of Japan. *Journal of Tax Reform*. 2020; 6(1):73–89. doi: 10.15826/jtr.2020.6.1.076 (In Russ.)
32. Keneshbekova B.K. Personnel policy in the public service of Japan. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*. 2020; 20(3):88–91 (In Russ.)
33. Zamogilnyy S.I., Stavropolskiy Yu.V. Organizational approaches to ensure the effectiveness of health promotion in Korea and Japan. In: *Problems of the quality of health-improving and health-preserving activities of educational organizations*. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University, 2019. P. 133–138 (In Russ.)
34. Tsyndrya V.N. Ballroot system of administrative punishments (recovery): analysis of foreign experience. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 2019; 5(3):320–328 (In Russ.)

Submitted 16.01.2021; revised 05.03.2021; published online 31.03.2021

About the authors:

Irina Yu. Fedorova, Professor, Financial University under the Government of Russian Federation (49, Leningradskiy prospect, Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economics Sciences, Professor, ORCID: 0000-0002-2967-117X, Scopus Author ID: 55968559500, Researcher ID: Q-9751-2017, IFedorova@fa.ru

Yuri S. Pipiya, Undergraduate, Financial University under the Government of Russian Federation (49, Leningradskiy prospect, Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, you.s.pipiya@mail.ru

Contribution of co-authors:

Fedorova Irina Yu. – scientific leadership, development of the methodology, preparation of the text of the article, conducting critical analysis of materials and drawing conclusions.

Pipiya Yuri S. – data collection, formalized data analysis, editing the elements of the article in English.

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 336

JEL: G0, G15, G20, F3, P45

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.1.56-70

Оригинальная статья

Финансовый механизм развития исламского бизнеса в Российской Федерации

Юзеф Хайтам Аббас Мохамед¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82

E-mail: haitham.youssef4@yahoo.com

Аннотация

Цель. В современных условиях в России наличествуют регионы с большой долей мусульманского населения, где реализуются инициативы развития исламского бизнеса. Однако функционирующая исламская бизнес-модель практически не отличается от традиционной модели российского предпринимательства – формируются лишь отдельные элементы, виды и формы предпринимательской деятельности, основанной на принципах шариата, более активно продвигается исламский банкинг. В связи с этим целью данной статьи является исследование финансового механизма развития исламского бизнеса в Российской Федерации в контексте реализации ключевых направлений государственной поддержки предпринимательства на федеральном и региональном уровнях.

Методы или методология проведения работы. Исследование опирается на применение общенаучных методов – индукции и дедукции, обзора научных источников; количественная оценка строится на расчете статистических показателей, в частности, относительной величины структуры сегментов исламской экономики с компаративистикой в страновом разрезе объема рынка «халяль» продуктов питания, цепных и базисных показателей рядов динамики направлений государственной поддержки исламского бизнеса на региональном уровне.

Результаты работы. В статье проанализированы основные направления, инструменты и институты реализации государственной поддержки исламского предпринимательства в зарубежных практиках, свидетельствующие об активном развитии законодательной, регуляторной и организационной инфраструктуры, масштабном финансировании программ инфраструктурной поддержки. Представлен аналитический обзор развития исламского бизнеса в Российской Федерации. Особое внимание в статье уделено анализу федеральных и региональных программ поддержки исламского предпринимательства, позволившему выявить особенности реализации механизма государственной поддержки.

Выводы. Определено, что в России наиболее развитыми сегментами исламского предпринимательства выступают халяль-индустрия, развитие которой поддерживается государственными программами на субфедеральном уровне, и отношения партнерского банкинга. Выявлены факторы-ограничители развития исламского предпринимательства в Российской Федерации: недостаточность федеральных программ финансирования исламского бизнеса и локальный характер поддержки исламских предпринимателей в рамках региональных программ («точечный» принцип).

Ключевые слова: предпринимательство, исламская экономика, исламский бизнес, исламское финансирование, финансовый механизм, государственная поддержка, халяль-индустрия

Благодарность. Автор выражает благодарность и глубокую признательность д.э.н., профессору, Кульковой Варваре Юрьевне за советы и ценные замечания при работе над данной статьей.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Юзеф Х. А. Финансовый механизм развития исламского бизнеса в Российской Федерации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 1. С. 56–70

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.56-70>

© Юзеф Х. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

Financial Mechanism for the Development of Islamic Business in the Russian Federation

Haitham Abbas Mohamed Youssef¹

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

82, Vernadskogo av., Moscow, 119571

E-mail: haitham.youssef4@yahoo.com

Abstract

Purpose: in modern conditions in Russia there are regions with a large proportion of the Muslim population that implement initiatives for the development of Islamic business, however, the functioning Islamic business model practically does not differ from the traditional model of Russian entrepreneurship, only individual elements and principles, types and forms of entrepreneurial activity based on principles of Sharia, Islamic banking is being promoted more actively. In this regard, the purpose of this article is to study the financial mechanism for the development of Islamic business in the Russian Federation in the context of the implementation of key areas of state support for entrepreneurship at the federal and regional levels.

Methods: the study is based on the use of general scientific methods of induction and deduction, a review of scientific sources; the quantitative assessment is based on the calculation of statistical indicators, in particular: the relative size of the structure of segments of the Islamic economy with comparative studies in the country context of the volume of the halal food market, chain and basic indicators of the series of dynamics of directions of state support for Islamic business and regional levels.

Results: the article analyzes the main directions, tools and institutions for the implementation of state support for Islamic entrepreneurship in foreign practices, indicating the active development of legislative, regulatory and organizational infrastructure, large-scale financing of infrastructure support programs. The article also provides an analytical overview of the development of Islamic business in the Russian Federation. Particular attention in the article is paid to the analysis of federal and regional programs to support Islamic entrepreneurship, which made it possible to identify the features of the implementation of the mechanism of state support.

Conclusions and Relevance: it has been determined that in Russia the most developed segments of Islamic entrepreneurship are the halal industry, the development of which is supported by state programs at the sub-federal level, and the relationship of partner banking. The factors that limit the development of Islamic entrepreneurship in the Russian Federation have been identified: inadequacy of federal programs for financing Islamic business; the local nature of support for Islamic entrepreneurs within the framework of regional programs («point» principle).

Keywords: entrepreneurship, Islamic economics, Islamic business, Islamic finance, financial mechanism, government support, halal industry

Acknowledgments. The author expresses his gratitude and deep gratitude to Doctor of Economics, Professor Kulkova Varvara Yurievna for advice and valuable comments while working on this article.

Conflict of Interes. The Author declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Youssef H. A. Financial Mechanism for the Development of Islamic Business in the Russian Federation. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2021; 12(1):56–70. (In Russ.)

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.56-70>

© Youssef H. A., 2021

Введение

Действующая на сегодняшний момент в Российской Федерации исламская бизнес-модель практически не отличается от традиционной модели ведения бизнеса, характерной для российского предпринимательства [1]. Выделяются лишь отдельные элементы и принципы, виды и формы предпринимательской деятельности, основанной на принципах шариата. В Российской Федерации поэтапно формируется финансовый механизм исламского бизнеса, основу которого образуют финансовые методы, инструменты и рычаги государственного уровня, направленные на реализацию социально-экономических и инвестиционных функций предпринимательства.

В формировании механизма развития исламского предпринимательства государство должно играть ключевую и центральную роль, поскольку именно правительство имеет право формулировать необходимую политику на определенных этапах развития предпринимательства. При этом в России исламские методы финансирования реализуются преимущественно в регионах с большой долей мусульманского населения. На сегодняшний день наиболее активно исламские финансы развиваются в таких регионах, как Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Чеченская Республика, Республика Дагестан и др.

Объектом данной статьи выступает государственная поддержка исламского предпринимательства.

Целью статьи является исследование финансового механизма развития исламского бизнеса в Российской Федерации в контексте реализации ключевых направлений государственной поддержки предпринимательства на федеральном и региональном уровнях. В рамках данной цели были обозначены следующие задачи:

- 1) исследовать направления, инструменты и институты реализации государственной поддержки исламского предпринимательства в зарубежных странах;
- 2) оценить степень развития исламского бизнеса в Российской Федерации, выделить наиболее активные сегменты предпринимательской деятельности, основанной на исламских принципах;
- 3) проанализировать федеральные и региональные программы поддержки исламского предпринимательства;
- 4) выявить особенности реализации механизма государственной поддержки исламского бизнеса в Российской Федерации;
- 5) сделать выводы относительно перспектив финансирования создания и поддержки исламского бизнеса в Российской Федерации.

Обзор литературы и исследований. В отечественной литературе исследования предпринимательской деятельности, основанной на исламских принципах, представлены в научных трудах таких ученых, как О.М. Абдулин [2], Р.И. Беккин [3], Т.М. Борлакова и Л.А.-З. Кубанова [4], М.З. Гибадуллин и А.Р. Артамонычева [5], В.Ю. Кулькова [6], Э. Яхин [7] и др.

Среди зарубежных исследователей исламской экономической теории и ее применения к предпринимательской деятельности можно выделить Т. Бега [8], М. Вебера [9], М. Хана [10], А. Садека [11], М. Сиддики [12], М. Чапра [13].

Современные тенденции развития исламского предпринимательства отражены в работах М.К. Дэвиса [14], М. Ойкила [15], Д. Пиструи и Дж. Фахед-Срейх [16], М. Салахелдина, М. Баттура и М. Назри Азрина [17], А. Чоудхури [18], А.Б. Юсефа, С. Бубакера и А. Омри [19] и др.

Рынок исламских финансов в Российской Федерации с точки зрения его регулирования и основных препятствий, развития инфраструктуры предпринимательской деятельности, географического охвата, а также перспектив широко исследован в

научных трудах Р.И. Беккина [3], М.Э. Калимуллиной [20], И.А. Зарипова [21], И.Н. Шарифуллина с соавторами [22].

Вместе с тем, проблематика государственной поддержки развития исламского бизнеса в РФ до сих пор не освещена в российской литературе. В этом плане можно выделить исследования Э.Н. Гадельшиной [23], которая преимущественно анализирует вопросы эффективности государственной поддержки российского предпринимательства в целом; исследования реализации государственной поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций, широко представленные в работах В.Ю. Кульковой [24]. Данное обстоятельство определило выбор объекта, цели и задач настоящего исследования и объясняет интерес автора к анализу финансового механизма развития исламского бизнеса в Российской Федерации.

Материалы и методы. Поставленная цель исследования определила применение следующих общенаучных методов – индукции и дедукции, литературного обзора научных источников; методов количественной оценки на основе расчета статистических показателей, в частности, относительной величины структуры сегментов исламской экономики с компаративистикой в страновом разрезе объема рынка «халяль» продуктов питания, цепных и базисных показателей рядов динамики направлений государственной поддержки исламского бизнеса на региональном уровне.

В исследовании используются отчетные материалы по развитию глобальной исламской экономики консалтинговой компании Thomson Reuters, о стабильности индустрии исламских финансовых услуг Совета по исламским финансовым услугам, а также данные информационно-аналитических агентств, нормативные и программные документы федеральных и региональных органов государственной власти РФ.

Результаты исследования

Исследование механизма поддержки исламского предпринимательства в зарубежных практиках позволило сделать вывод, что исламские организации и институты экономики создаются по инициативе и поддержке государственных структур лишь в мусульманских государствах. В остальных странах создание таких организаций и институтов вызвано объективной потребностью проживающего в них населения, исповедующего ислам. При этом в странах Ближнего Востока с преобладающей долей мусульманского населения главным факто-

¹ Беккин Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 48 с. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/Avtoreferat%20Bekkin.pdf (дата обращения: 06.03.2021)

ром развития исламской экономики является именно спрос со стороны населения. В других странах (в Великобритании, Франции, Германии, США) исламская финансовая система рассматривается преимущественно как источник инвестиций из арабских стран [22, с. 52].

Исследование государственной поддержки исламского бизнеса в зарубежных странах

Активная государственная поддержка реализуется в странах с дуалистической моделью исламской экономики (Малайзия, Турция, Бахрейн), где развивается законодательная, регуляторная и организационная инфраструктура, финансируются программы инфраструктурной поддержки [3, с. 148–164]. Так, например, в Малайзии, мировом центре «халяльной» индустрии, Министерство развития предпринимательства запланировало в период 2019–2023 гг. создание 1 млн малых и средних предприятий в разных штатах на основе развития инновационного предпринимательства [17].

В странах, придерживающихся традиционной модели ведения бизнеса (Азербайджан, Великобритания, США, Россия), государство проявляет большой интерес к исламским финансам. Так, Правительство Великобритании в целях обеспечения роста данного сектора разработало программы по созданию соответствующих нормам шариата инновационных финансовых сделок, программы профессионального образования и тренингов по исламским финансам. Правительство Великобритании приняло за последние десятилетия широкий пакет инициатив, позволивших создать фискальную и юридическую основу расширения рынка продуктов исламских финансов [25, с. 62–68].

В США исламское предпринимательство курируется отдельной системой – Консульством Американо-исламских отношений, которое представляет интересы владельцев коммерческих и некоммерческих организаций и является связующим звеном между исламским обществом в США и американскими властями и институтами, которые отвечают на материальную, финансовую, налоговую и иные виды помощи жителям США². В современных условиях, в ответ на экономический спад, вызванный пандемией коронавируса, конгресс США выпустил ряд программ, направленных на финансовую поддержку экономических субъектов. Ресурсы для таких целей поступают напрямую из Администрации малого бизнеса, Казначейства США и Налоговой службы США. Департамент, занимающийся трудовыми отношениями, напрямую направляет

информацию об объемах выделяемой помощи для исламских предпринимателей.

Важно отметить, что развитие исламского бизнеса в зарубежных странах характеризуется активной поддержкой на межгосударственном уровне через международные исламские институты, такие как Организация исламского сотрудничества, Исламский банк развития, Совет по исламским финансовым услугам, Организация исламского мира образования, науки и культуры, Международная ассоциация исламского бизнеса и др.

Стратегическими направлениями деятельности указанных институтов выступают:

- развитие разносторонних связей между мусульманскими государствами;
- финансирование проектов в государственном и частном секторах;
- исследовательские и учебные программы по исламской экономике и банковскому делу;
- внедрение международных финансовых стандартов в соответствии с исламскими принципами;
- укрепление международного сотрудничества в сфере образовательной, научной, культурной и коммуникационной деятельности;
- организация и обеспечение общественной экономической и юридической защиты предпринимателей и др.

Так, в рамках совместного документа Всемирного банка и Исламского банка развития о политике в области исламского финансирования в странах «G20» был разработан ряд приоритетов для поддержки малого и среднего предпринимательства:

- 1) обеспечение роста и процветания всех сегментов общества, включая малые и средние предприятия, путем достижения инклюзивности на национальном и глобальном уровнях;
- 2) обеспечение инвестиций в малое и среднее предпринимательство и реформирование инвестиций частного сектора для повышения доступности;
- 3) формирование Всемирного форума малого и среднего предпринимательства;
- 4) помощь субъектам малого и среднего предпринимательства в интеграции в глобальные производственно-сбытовые цепочки, особенно в развивающихся странах;
- 5) продвижение нетрадиционных финансовых продуктов;

²Federal aid and relief programs available to muslim owned businesses and nonprofits during the coronavirus pandemic. The Council on American-Islamic Relations, Houston Chapter (CAIR-Houston). URL: <https://cairhouston.com/federal-aid-and-relief-programs-available-to-muslim-owned-businesses-and-nonprofits-during-the-coronavirus-outbreak/> (дата обращения: 07.03.2021)

- 6) инициирование перспективных инноваций и технологий для малого и среднего предпринимательства.

Как было выявлено, особенностью предпринимательства на Ближнем Востоке является семейная форма его организации. По оценкам, 85-90% всей коммерческой деятельности в регионах Персидского залива контролируются именно семьями³.

В целях поддержки семейного бизнеса создаются вспомогательные учреждения и реализуются специализированные программы по всему региону. Например, Академия семейного бизнеса, некоммерческая организация из Саудовской Аравии, и Институт семьи Ливано-американского университета на регулярной основе предоставляют программы обучения и помощи; проводятся ежегодные конференции по семейному бизнесу, которые объединяют семейных предпринимателей и глобальных экспертов для диалога и обучения [16, с. 107–118].

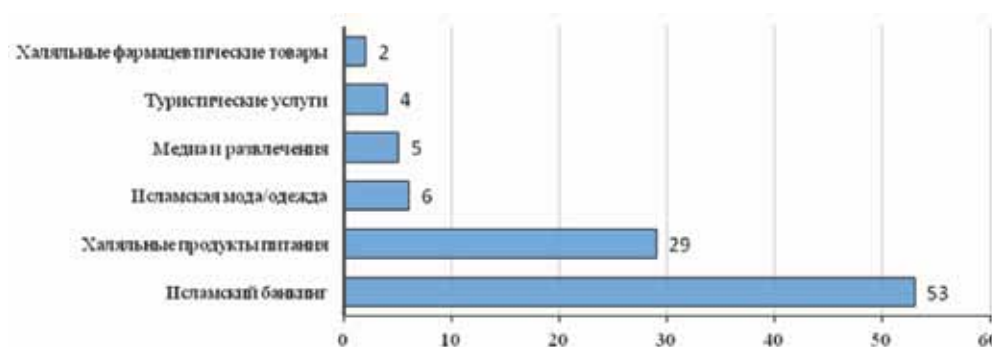
В рамках государственной поддержки исламского бизнеса зарубежными странами (Иран, Турция,

Малайзия, Бахрейн, Саудовская Аравия) активно реализуются мероприятия по налоговому стимулированию, при этом особый режим налогообложения для исламских финансовых инструментов там не применяется. Однако государство предлагает налоговые льготы для стимулирования роста в секторе исламских финансов⁴.

Развитие исламского бизнеса в Российской Федерации

В 2018 г. рыночная стоимость мировой «халяльной» индустрии оценивалась в 4,7 трлн долл. США. По прогнозам аналитиков, к 2024 г., при среднегодовом темпе роста 6,2%, рыночная стоимость мировой «халяльной» индустрии составит около 7 трлн долл. США.

Оценка видовой структуры исламского предпринимательства по отраслевому признаку свидетельствует о том, что самым крупным сектором исламской экономики выступает исламский банкинг с долей рынка 53%. «Халяльные» продукты питания занимают 29% рынка «халяль» (см. рис. 1).

Составлено автором по материалам: Reuters T., Standard D. State of the Global Islamic Economy Report 2019/20. Dubai International Financial Centre. 2019. P. 1–174. URL: <https://haladinar.io/hdn/doc/report2018.pdf> (дата обращения: 04.03.2021)

Рис. 1. Структура мирового «халяльного» рынка в 2018 году, %

Compiled by the author based on data: Reuters T., Standard D. State of the Global Islamic Economy Report 2019/20. Dubai International Financial Centre. 2019. P. 1–174. URL: <https://haladinar.io/hdn/doc/report2018.pdf> (accessed 04.03.2021)

Fig. 1. Structure of the global «halal» market in 2018, %

В мировом масштабе расходы потребителей на «халяльные» продукты питания составляют 17% всех расходов на продовольственные товары, что свидетельствует о значимости данного сегмента в мировой экономике. Поскольку доля мусульман-

ского населения в мире увеличивается, по экспертным оценкам, расходы на «халяльные» продукты питания к 2025 г. будут составлять не менее 20% общемировых потребительских расходов, а к 2030 г. могут достигнуть уже 25%⁶.

³ Gulf Business. Passing on the mantle. 2008. Vol. 12. No. 12. P. 62–72.

⁴ Зобова И.Ю. Налоги и налогообложение в странах с исламской экономикой: учебное пособие. Казань: К(П)ФУ, 2012. С. 51–115. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197369395.pdf> (дата обращения: 07.03.2021).

⁵ Reuters T., Standard D. State of the Global Islamic Economy Report 2019/20. Dubai International Financial Centre. 2019. 174 p. URL: <https://cdn.salaamgateway.com/special-coverage/sgie19-20/full-report.pdf> (дата обращения: 04.03.2021).

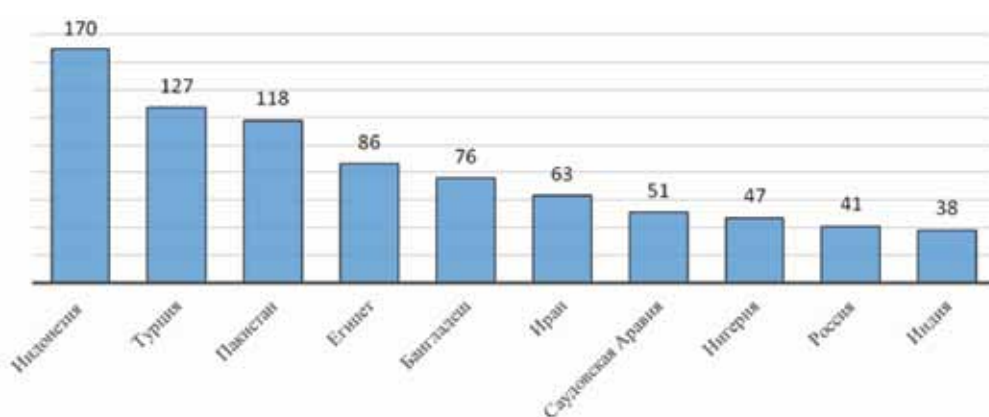
⁶ О масштабах и сегментах мирового рынка «халяль». URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/11549/> (дата обращения: 09.03.2021).

В Российской Федерации наиболее активным сегментом предпринимательской деятельности, основанной на исламских принципах, является индустрия продукции «халяль», которая в течение последних 20-ти лет стабильно растет. Важно обратить внимание, что в современных условиях действия западных санкций по отношению к Российской Федерации многие предприниматели в качестве перспективного направления экспортных операций выделяют именно рынки исламских стран.

Эксперты отмечают, что в настоящее время в России не действуют единые стандарты и не ведется официальный учет производства в сфере «халяль», поэтому оценить масштабы рынка достаточно

сложно. Однако, как показывают проводимые исследования, самой крупной категорией товаров «халяль» являются продукты питания, ключевыми из которых выступают мясосодержащая продукция, кондитерские изделия, молочная продукция, хлебобулочные изделия.

Следует отметить, что Россия входит в первую десятку стран по объему потребляемых продуктов питания «халяль» (рис. 2). Лидером в потреблении «халяльных» продуктов питания является Индонезия (170 млрд долл.), на втором месте находится Турция (127 млрд долл.), на третьем – Пакистан (118 млрд долл.); замыкают пятерку лидеров Египет (86 млрд долл.) и Бангладеш (76 млрд долл.)⁷.

Составлено автором по данным исследования информационного агентства Eurasia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/20/k-2023-godu-rynok-halal-produktov-i-musulmanskih-uslug-dostignet-3-trln> (дата обращения: 04.03.2021).

Рис. 2. Объем рынка «халяль» продуктов питания в страновом разрезе, млрд долл. США.

Compiled by the author based on research by the Eurasia Daily news agency. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/20/k-2023-godu-rynok-halal-produktov-i-musulmanskih-uslug-dostignet-3-trln> (accessed 04.03.2021).

Fig. 2. «Halal» food market size by country, USD billion

Понимая перспективность отрасли, на рынке «халяльной» продукции присутствуют как небольшие предприятия, так и более крупные компании. Сегодня в России в соответствии со стандартом «халяль» продукцию производят несколько крупных мясокомбинатов (рис. 3).

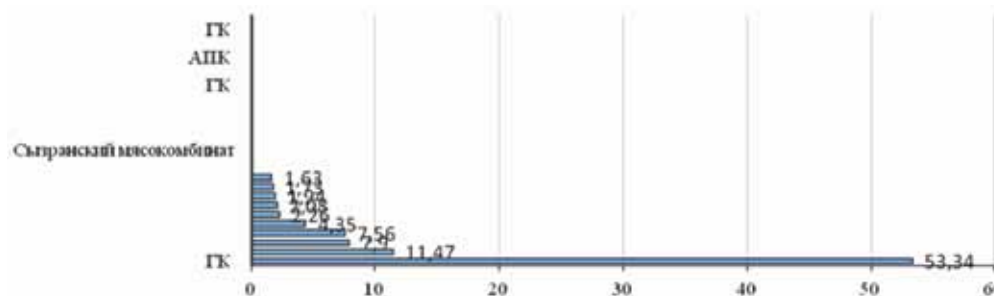
Из рис. 3 видно, что абсолютным лидером реализации «халяльной» продукции является Группа компаний «Царицыно», на долю которой приходится 53,34% продукции. На втором месте, с большим отрывом от лидера, находится татарстанская компания холдинга «АК Барс» (11,47%), на третьем месте – также татарстанский холдинг «Агросила» (7,90%).

Вместе с тем, несмотря на активный рост, «халяльный» рынок в России находится на стадии становления. По мнению муфтия Татарстана К.И. Самигуллина, «рынок халяльной продукции в России еще недостаточно сформирован не только в пищевой, но и в других отраслях. Так что этот рынок весьма привлекателен для бизнеса»⁸. При этом он отмечает, что в производстве «халяльной» продукции заметна большая неравномерность.

Действительно, повышенную активность демонстрируют Центральный федеральный округ (50,2%), где основной сбыт приходится на Москву, и Приволжский федеральный округ (32,7%)

⁷ К 2023 году рынок халяль-продуктов и мусульманских услуг достигнет \$ 3 трлн. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/20/k-2023-godu-rynok-halal-produktov-i-musulmanskih-uslug-dostignet-3-trln> (дата обращения: 04.03.2021).

⁸ Эксперты: российский рынок «халяльных» продуктов ждет гарантированный рост. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5190994> (дата обращения: 10.03.2021).

Составлено автором по материалам: Козина Е. Обзор рынка халяльной мясосодержащей продукции // Российский продовольственный рынок. 2020. № 3. URL: <http://www.foodmarket.spb.ru/current.php?article=2723> (дата обращения: 05.03.2021)

Рис. 3. Лидеры-производители «халяльной» продукции в 2019 г., %

Compiled by the author based on materials: E. Kozina. Review of the market for halal meat-containing products. Russian Food & Drinks Market Magazine. 2020. № 3. URL: <http://www.foodmarket.spb.ru/current.php?article=2723> (accessed 05.03.2021)

Fig. 3. Leading manufacturers of «halal» products in 2019, %

с наибольшей долей в Республике Татарстан. В Министерстве сельского хозяйства России отмечают, что производство «халяльных» продуктов в Татарстане составляет около 7 млрд руб. в год, но потребность в них выражается в ежегодном приросте на 10–15%⁹. Вместе с тем, в восточном, западносибирском и дальневосточном регионах имеются нереализованные возможности для ведения «халяльного» бизнеса, поэтому целесообразно развивать транспортно-логистическую систему поставок продуктов в данные регионы.

Исследование показало, что Республика Татарстан является лидером «халяль»-индустрии в России, что находит верификацию в трудах других ученых [6, с. 54–58]. Это первый регион, зарегистрировавший в 2009 г. в Росстандарте систему добровольной сертификации «халяльных» продуктов и услуг. За 9 лет функционирования системы комитетом по стандартам «халяль» Духовного управления мусульман Республики Татарстан сертифицировано более 200 предприятий. В 2017 г. в Татарстане начал функционировать технический комитет по стандартизации услуг и товаров «халяль». В настоящее время в России сертификаты выдает международный центр стандартизации и сертификации «Халяль» при Совете муфтиев России.

Как правило, с рынком «халяль» неразрывно связан рынок исламских финансов, поскольку направляться исламские инвестиции могут только в проекты, не содержащие явных нарушений требований ислама.

Согласно данным Совета по исламским финансовым услугам (IFSB), распределение исламских финансов

по секторам представлено следующей структурой: исламский банкинг – 76%, рынок ценных бумаг (сукук) – 19,5%, инвестиционные фонды – 3,2%, страхование (такафул) – 1,3%¹⁰. Объем активов исламских финансовых компаний в России достигает 1 млрд руб. При этом объем сделок за последнее десятилетие составил около 20 млрд руб.

Следует отметить, что операции исламского финансирования в России стали осуществляться в середине 1990-х гг. (Международным коммерческим банком «Бадр-Форте», Такафул-компанией «Итиль», Паевым инвестиционным фондом для мусульман «БКС – Фонд “Халяль”») [26, с. 67]. Однако активное обсуждение возможности применения исламских инструментов финансирования в России началось после 2010 г. В Республике Татарстан был реализован пилотный проект в сфере исламских финансов. Развивается инфраструктура исламских финансов в Татарстане: действуют инвестиционная, лизинговая, страховая компании, финансовый дом; Фонд развития исламского бизнеса и финансов; банк, реализующий инструменты исламского финансирования и др.

Необходимо обратить внимание, что в России в исламской финансовой индустрии наиболее развитым сегментом выступает сектор исламского банкинга. Сделки, структурированные в соответствии с принципами исламского финансирования, присутствовали в практике у ПАО «АК БАРС» Банк. С 2011 г. «АК БАРС» Банком успешно реализованы 2 крупные сделки объемом 160 млн долл. (60 млн в 2011 г. и 100 млн в 2014 г.) на принципах исламского фи-

⁹ Козина Е. Обзор рынка халяльной мясосодержащей продукции // Российский продовольственный рынок. 2020. № 3. URL: http://www.foodmarket.spb.ru/downloads/3_2020_small.pdf (дата обращения: 10.03.2021).

¹⁰ Islamic Financial Services Board. Islamic Financial Services Industry Stability Report. Kuala Lumpur, Malaysia, July. 2019. URL: <https://www.ifsb.org/> (дата обращения: 11.03.2021).

нансирования. В рамках участия ПАО «АК БАРС» Банк в Рабочей группе по развитию партнерского банкинга при Центральном банке РФ ведется работа по внедрению отдельных продуктов исламского банкинга на базе компаний, входящих в Группу Банка. В качестве пилотного продукта исламского финансирования был выбран продукт «Исламская ипотека» в форме исламского контракта «Мурабаха» в рамках г. Казань. На текущий момент получено 29 предварительных заявок по г. Казань; общая сумма финансирования по заявкам 84 644 000 руб.; средняя сумма заявки 2 918 759 руб. Помимо услуг исламского финансирования, на базе УК «АК БАРС КАПИТАЛ», входящей в Группу Банка, реализован инвестиционный продукт ОПИФ «ЛАЛЭ», соответствующий стандартам исламских финансов. В рамках продукта предусмотрен отбор акций компаний-эмитентов в соответствии со стандартами инвестирования в акции.

15 июля 2015 г. Республика Татарстан и ПАО «Сбербанк России» заключили Соглашение о сотрудничестве по развитию в регионе услуг в области исламского финансирования. В 2013 г. было подписано Соглашение о запуске в Татарстане исламского страхования – такафул. В рамках реализации соглашения 15 января 2015 г. Российское отделение страховой компании Allianz – «Альянс Жизнь» объявило о начале продаж исламского страхового продукта «Халяль Инвест». В 2017 году Центральный банк России зарегистрировал первый выпуск облигаций-сукук – неконвертируемых процентных документарных облигаций на предъявителя, эмитент – компания из Татарстана ООО «Сукук-инвест». Облигации сроком погашения 62 дня размещались по закрытой подписке; выпуск являлся техническим, его объем составил 1 млн руб.

В 2018 г. «ПАО «Сбербанк» запустил пилотный проект по приему вкладов населения и выпуску платежных карт согласно законам шариата в Татарстане, Чечне и Башкирии» [27, с. 144].

Таким образом, можно заключить, что в современных условиях индустрия продукции «халяль» является более востребованной на территории Российской Федерации, при этом самым крупным сегментом рынка выступает производство продуктов питания. В исламской финансовой индустрии преобладает сектор исламского банкинга.

Механизм государственной поддержки исламского бизнеса в Российской Федерации

Исследование государственной поддержки предпринимательства, ориентирующегося на принципы исламской экономики, позволило выявить недостаточность широкомасштабных федеральных программ финансирования исламского бизнеса,

несмотря на его огромный потенциал в обеспечении экономического роста и благосостояния граждан. На федеральном уровне преимущественно оказывается правовая, имущественная и информационно-консультационная поддержка.

«Концепцию исламской финансовой модели поддерживали в Комитете Госдумы по финансовому рынку и в Банке России. Так, в Госдуме РФ была организована экспертная группа, которая в 2015 г. – начале 2016 г. внесла 8 поправок в законодательные акты. В Банке России была создана межведомственная рабочая группа по партнерскому банкингу, разработавшая «дорожную карту» развития исламского банкинга в России» [21, с. 70].

Также на федеральном уровне была принята «специальная рабочая программа на 2017-2018 гг., направленная на развитие в России исламских финансов и предполагающая пересмотр и принятие законодательных актов в области создания условий для внедрения в российскую финансовую систему исламских инструментов финансирования» [27, с. 144].

В 2017 г. «под эгидой Международной ассоциации исламских финансов в мусульманских регионах России были открыты филиалы IAIB. Ассоциация принимала участие в переводе на русский язык всех стандартов шариата AAOIFI» [27, с. 144]. У студентов ряда российских университетов появилась возможность освоения специального курса «Исламские финансы» и получения соответствующих знаний в области исламской экономики.

С 2009 г. на территории Республики Татарстан проводится KazanSummit – Международный экономический саммит России и стран Организации исламского сотрудничества. В рамках саммита ежегодно организуется конференция по исламской экономике и финансам, которая заслужила признание не только по всей России, но и среди стран ближнего зарубежья благодаря практическому подходу к обсуждению исламских финансов. В рамках KazanSummit в 2009 г. была представлена первая для России дорожная карта развития исламских финансов – Гид по исламским финансам в России.

Крупнейшей платформой, объединяющей мусульманских бизнесменов, является Ассоциация предпринимателей-мусульман Российской Федерации. По состоянию на 25 сентября 2020 г. Ассоциация объединяла 4672 представителя малого и среднего бизнеса из 46-ти субъектов России, которые осуществляют деятельность в основных отраслях российской экономики: туризм, строительство, деревообработка, IT-сфера, производство, сельское хозяйство и т.д. Активы членов составляют более 60 млрд руб. Размер инвестиционного фонда

Ассоциации составляет 50 млн руб.¹¹ Ассоциация осуществляет:

- предоставление исламского (беспроцентного) финансирования;
- реализацию бесплатных образовательных программ (6500 человек прошли обучение в Исламской школе бизнеса);
- помощь в трудоустройстве и найме персонала; социальную поддержку (47000 человек получили социальную помощь).

Финансовая поддержка исламского бизнеса реализуется только в комплексных программах по развитию субъектов предпринимательства. Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 октября 2014 г. № 1119 «Об отборе субъектов Российской Федерации, имеющих право на получение государственной поддержки в форме субсидий на возмещение затрат на создание инфраструктуры промышленных парков и технопарков» на федеральном уровне (из федерального бюджета) Министерство финансов РФ на конкурсной основе предоставляет субъектам РФ государственную поддержку в форме субсидирования затрат на создание инфраструктуры промышленных парков и технопарков¹² (табл. 1).

тельства в Республике Татарстан был создан халяльный агропромышленный парк «Балтач» (ХАП «Балтач») для представителей малого и среднего «халяльного» бизнеса. Агропромышленный парк «Балтач» был основан для размещения инвестиционных проектов в этой отрасли.

Функциональным вектором специализации ХАП «Балтач» является развитие сельскохозяйственного сектора с поддержкой малых форм предпринимательства на селе. Предпосылками этого является развитый агропромышленный комплекс Республики Татарстан¹³. Вся производимая и пропускаемая через площадку ХАП продукция должна отвечать стандартам «Халяль», соответствие которым подтверждается наличием специального сертификата. Инфраструктурным дополнением ХАП является сотрудничество с Казанским халяльным Хабом – это первый в России транспортно-логистический центр, в котором размещается и перераспределяется «халяльная» продукция отечественных и зарубежных производителей по России и странам СНГ. Главное преимущество ХАП «Балтач» заключается в оптимизации затрат по содержанию общей инфраструктуры для малого и среднего бизнеса.

Таблица 1

Финансовая поддержка субъектов РФ в области развития малого и среднего предпринимательства

Table 1

Financial support of the constituent entities of the Russian Federation in the field of development of small and medium-sized businesses

Параметры субсидирования	Параметры субсидирования
Максимальная сумма возмещения	10 млн. руб. на 1 га
Срок реализации возмещения затрат	3 года
Источник возврата затрат:	
налог на прибыль организаций	100% уплаченного налога
налог на добавленную стоимость	50% уплаченного налога
акцизы на автомобили	100% уплаченных акцизов
ввозные таможенные пошлины	50% средств, зачисляемых в бюджеты субъектов

Составлено автором.

Compiled by the author.

Анализ региональных программ развития предпринимательства дает основания для вывода о «точечном» принципе поддержки исламского бизнеса, который подразумевает, что содействие его продвижению рассматривается лишь как одно из направлений реализации региональных программ в комплексе с другими направлениями, а не в рамках специализированной широкомасштабной программы поддержки исламского предпринимательства.

Так, например, согласно Инвестиционному меморандуму Республики Татарстан на 2020–2022 гг., наряду с ключевыми направлениями инвестиционной политики приоритетными выступают развитие исламских финансовых механизмов и реализация инвестиционных проектов, направ-

ленных на повышение эффективности сельскохозяйственного производства, расширение произ-

веденных на повышение эффективности сельскохозяйственного производства, расширение произ-

¹¹ Ассоциация предпринимателей-мусульман Российской Федерации. URL: <https://apmrf.ru/> (дата обращения: 12.03.2021).

¹² Постановление Правительства РФ от 30 октября 2014 г. № 1119 «Об отборе субъектов Российской Федерации, имеющих право на получение государственной поддержки в форме субсидий на возмещение затрат на создание инфраструктуры промышленных парков и технопарков».

¹³ Халяльный агропромышленный парк «Балтач». URL: <https://mert.tatarstan.ru/halyalniy-agropromishlenniy-park-baltach.htm> (дата обращения: 12.03.2021).

водства сельскохозяйственной продукции, в том числе «халяльной». Поддержка реализуется в форме предоставления налоговых льгот (табл. 2).

сультационная поддержка профильными министерствами (Министерство экономики Республики Татарстан), некоммерческими организациями («Фонд поддержки предпринимательства Республики Татарстан», «Гарантийный фонд Республики Татарстан»), различными центрами и площадками муниципального уровня (см. табл. 3).

Таблица 2

Налоговые льготы для инвестиционных проектов, включенных в Инвестиционный меморандум Республики Татарстан

Table 2

Tax incentives for investment projects included in the Investment Memorandum of the Republic of Tatarstan

Наименование налога	Налоговая льгота	Без льгот
Налог на прибыль	15,5%	20%
Налог на землю	0,01%	1,5%
Налог на имущество	0,1%	2,2%

Составлено автором.

Compiled by the author.

Важно отметить, что разработаны также образовательные проекты, тренинги и семинары, предоставляющие возможность получить знания и практические навыки в сфере управления бизнесом («Фабрика предпринимательства», «Азбука предпринимателя» и «Школа предпринимательства»), а также узнать, как получить государственную поддержку вместе с опытными бизнес-тренерами и экспертами.

В 2020 г. по статье «Сельское хозяйство» к реализации был одобрен проект ООО «Челны-Бройлер» (г. Набережные Челны) по созданию предприятия по переработке птицы¹⁴. Важно отметить, что ООО «Челны-Бройлер» является крупнейшим в России производителем продукции «Халяль», которая соответствует всем нормам шариата и разрешена к употреблению Духовным управлением мусульман Республики Татарстан. ООО «Челны-Бройлер» ежегодно производит до 12,5 тыс. тонн «халяльной» продукции.

Анализ Стратегии развития пищевого кластера Республики Татарстан на 2018–2021 гг.¹⁵ выявил, что одним из основных приоритетных направлений выступает производство продукции глубокой переработки, соответствующей высоким стандартам качества. При этом целью маркетинговой стратегии компаний пищевого кластера видится увеличение реализации и экспорта продукции «Халяль», что обусловлено ростом потребления конфессиональных продуктов. Системообразующими предприятиями кластера выступают крупные агрохолдинги АО «Агросила», АО «Холдинговая компания "Ак Барс"», ООО «Челны-Бройлер», специализирующиеся на производстве продукции «Халяль».

В рамках создания кластера осуществляется финансовая, имущественная, инновационная и кон-

В Республике Башкортостан в 2020 г. Правительством утвержден план мероприятий («дорожная карта») по продвижению продукции «Халяль» на внешние рынки в 2020–2022 гг., который включает следующие направления: проведение аудита и сертификации предприятий в соответствии со стандартами «Халяль» и соответствующих подготовительных мероприятий; развитие инвестиционных проектов и исламского банкинга; оказание государственной поддержки и продвижение республиканской продукции «Халяль» на внешние рынки.

В рамках дорожной карты государственная поддержка направлена на увеличение числа организаций-экспортеров в индустрии «Халяль», рост сырьевого неэнергетического экспорта товаров в стоимостном выражении, расширение географии поставок продукции «Халяль». Расчет показателей динамики показателей «дорожной карты» по линии государственной поддержки продвижения продукции «Халяль» на внешние рынки приведены в табл. 4.

В результате реализации плана мероприятий в 2022 г. количество предприятий, производящих продукцию «Халяль», должно достичь 200, причем 150 из них должны получить сертификат по стандартам «Халяль». Механизмы продвижения продукции «халяль» предполагают проведение

¹⁴ Инвестиционный меморандум Республики Татарстан на 2020–2022 годы, утвержденный Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 20 декабря 2019 г. №1178.

¹⁵ Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан от 6 марта 2018 года №478-р «Об утверждении стратегии развития пищевого кластера Республики Татарстан на 2018–2021 годы».

¹⁶ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 9 июля 2020 года № 694-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по продвижению продукции «Халяль» Республики Башкортостан на внешние рынки в 2020–2022 годы».

Таблица 3

**Меры государственной поддержки предпринимательства в рамках создания пищевого кластера
в Республике Татарстан**

Table 3

**Measures of state support for entrepreneurship in the framework of the creation of a food cluster
in the Republic of Tatarstan**

Форма поддержки	Программа поддержки	Инструмент поддержки	Параметр поддержки
Финансовая	Развитие лизингового оборудования (ЛИЗИНГ-ГРАНТ) (Министерство экономики Республики Татарстан)	Субсидирование на уплату авансового платежа	45% (не более 1 млн руб. для начинающих предпринимателей) 30% (не более 3 млн руб. для действующих предпринимателей)
	Развитие социального бизнеса (Министерство экономики Республики Татарстан)	Субсидирование затрат	15% от суммы получаемой субсидии, в размере не более 500 000 руб., но не более 85% от полной стоимости проекта
	Поддержка экспорто-ориентированных предприятий (Фонд поддержки предпринимательства Республики Татарстан)	Субсидирование затрат	100% стоимости услуги
Информационно-консультационная	Центр поддержки предпринимательства, Центр развития производственного малого и среднего предпринимательства, Центр инноваций в социальной сфере	Регистрация юридического лица, индивидуального предпринимателя, фермерского хозяйства, услуги налоговой службы, Кадастровой палаты, страховых организаций	
	Портал Бизнес-навигатора малого и среднего предпринимательства	Информация о финансовой, имущественной и других видах государственной поддержки.	
Имущественная	Бизнес-инкубаторы, промышленные площадки и парки	Предоставление площадей для осуществления производственной деятельности	

Составлено автором.

Compiled by the author.

Таблица 4

**Показатели «дорожной карты» по линии государственной поддержки продвижения продукции «Халяль»
на внешние рынки**

Table 4

Indicators of the «road map» in the line of state support for the promotion of «Halal» products to foreign markets

Направление	Темпы прироста количества компаний, получивших поддержку по годам (%)		
	Тпр ^{2021/2020}	Тпр ^{2022/2020}	Тпр ^{2022/2021}
Оказание информационно-консультационных услуг предприятиям, производящим (ориентированным на производство) продукцию «Халяль» на базе инфраструктуры поддержки экспорта	100	300	100
Предоставление субсидий предприятиям, производящим (ориентированным на производство) продукцию «Халяль», по возмещению части расходов на международную сертификацию	150	250	40
Предоставление субсидий предприятиям, производящим (ориентированным на производство) продукцию «Халяль», по возмещению части затрат на транспортировку товаров на экспорт	100	200	50
Предоставление грантов в форме субсидий в целях возмещения затрат, связанных с реализацией продукции за пределы территории России	150	250	40
Предоставление субсидий по линии Минсельхоза РБ предприятиям, производящим (ориентированным на производство) продукцию «Халяль»	400	900	100

Рассчитано и составлено автором.

Calculated and compiled by the author.

Международного исламского инвестиционного форума, обеспечение участия предприятий Республики в международных выставочно-ярмарочных мероприятиях, направленных на развитие индустрии, размещение республиканской продукции «Халяль» на международных маркетплейсах и т.д.

Выводы

Проведенное исследование механизма поддержки предпринимательства, ориентирующегося на реализацию принципов исламской экономики, позволяет определить особенности его реализации:

- недостаточность федеральных программ финансирования исламского бизнеса;
- локальный характер поддержки исламских предпринимателей в рамках региональных программ («точечный» принцип);
- развитие исламских финансовых механизмов по линии партнерского банкинга;
- ориентация региональных программ преимущественно на поддержку производителей продукции «Халяль».

Несмотря на очевидную потребность в содействии развитию предпринимательства, основанному на исламских принципах, со стороны государства, системная институционализация в данном сегменте, а, следовательно, разработка механизмов и инструментов поддержки исламского бизнеса в Российской Федерации, находятся ещё в стадии формирования.

Для консолидации исламского бизнеса необходимо создание широкомасштабных государственных программ стимулирования исламских предпринимателей, в первую очередь в сфере «Халяль».

Рынок «халяль» в Российской Федерации отличается большой емкостью и на данный момент характеризуется недостаточным уровнем насыщения соответствующих «халяльных» продуктов и услуг¹⁷. Имеются пустующие ниши на рынке (производство готовой к употреблению продукции «Халяль»; мультибрендовые магазины одежды, соответствующей стандартам modest fashion; фонды и компании, специализирующиеся на инвестициях в «халяльное» производство).

Создание полнофункциональных производств по стандарту «халяль» может быть организовано в виде агропромышленных (индустриальных) парков для производства халяль-продукции.

В отношении создания и поддержки халяльных агропромышленных парков (ХАПП) центральные и

региональные власти могут применить следующие инструменты финансирования проектов:

- целевое бюджетное финансирование создания инфраструктуры ХАПП в соответствии с программой Министерства экономического развития РФ «Мой бизнес-парк»;
- финансирование инфраструктуры субъектом РФ и возмещение части понесенных регионом затрат в виде возврата части налоговых отчислений резидентов ХАПП в соответствии с программой Министерства финансов РФ и Министерства промышленности и торговли РФ;
- налоговые льготы территориям опережающего социально-экономического развития как источник финансирования проектов резидентов ХАПП;
- целевое бюджетное финансирование создания инфраструктуры ХАПП за счет ресурсов Фонда развития моногородов.

Очевидно, что при достаточном уровне поддержки малого и среднего бизнеса и с учетом особенностей предпринимательства, ориентирующегося в своей деятельности на реализацию принципов исламской экономики, возможно увеличение ВВП и валовых региональных продуктов в субъектах Российской Федерации со значительной долей населения, исповедующего мусульманские религиозные взгляды, обеспечение экономического роста, повышение благосостояния граждан.

Список литературы

1. Кулькова В.Ю. Инфраструктурная поддержка социального предпринимательства в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 19. С. 1592–1607. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1592>
2. Абдулин О.М. О принципах исламского предпринимательства // Minbar. Islamic Studies. 2015. № 8(1). С. 65–74. DOI: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2015-8-1-65-74>
3. Беккин Р.И. Особенности шариатского надзора в исламских финансовых институтах: современный опыт мусульманских и немусульманских стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2014. № 3. С. 148–164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-shariatskogo-nadzora-v-islamskih-finansovyh-institutah-sovremennyy-opyt-musulmanskih-i-nemusulmanskih-stran>
4. Борлакова Т.М., Кубанова Л.А.-З. Исламская экономическая модель: особенности, современное состояние и перспективы дальнейшего развития // Вестник Академии знаний. 2020. № 1(36). С. 35–40. DOI: <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-00006>

¹⁷ Рынок халяль: как малому бизнесу заработать на продуктах для мусульман. URL: <https://kontur.ru/articles/5623> (дата обращения: 15.03.2021).

5. Гибадуллин М.З., Артамонычева А.Р. Предпринимательство и ислам: Российский исторический опыт // Российское предпринимательство. 2012. № 10. С. 178–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelstvo-i-islam-rossiyskiy-istoricheskiy-opyt>
6. Kulkova V. The development of Islamic entrepreneurship in the service sector of cross-border regions of the Russian Federation // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. № 364. P. 54–58. DOI: <https://doi.org/10.2991/icdcb-19.2019.12>
7. Яхин Э. Партнерство (товарищество) как форма развития исламской модели предпринимательства в России // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2010. № 1-2. С. 20–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25899534&>
8. Beg T. Promotion of Muslim entrepreneurship under state support // Journal of Objective Studies. 1979. № 2(1). P. 95–106
9. Weber M. The sociology of religion. Boston: Beacon Press. 1963. 380 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.6718/page/n1/mode/2up>
10. Khan M.A. An Introduction to Islamic Economics. The International Institute of Islamic Thought. Islamabad, Pakistan. 1994. 153 p.
11. Sadeq A. Entrepreneurship development and training: An Islamic perspective // Hamdard Islamicus. 1997. № 20(4). P. 37–43.
12. Siddiqi M.N. The Economic Enterprise in Islam // Islamic Publications, Lahore. 1972. 183 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL5405233M/The_economic_enterprise_in_Islam
13. Chapra M.U. Towards a just monetary system. Leicester, UK: The Islamic Foundation. 1985. 292 p. URL: <https://ru.scribd.com/doc/214651966/Chapra-Toward-a-Just-Monetary-System-1985>
14. Davis M.K. Entrepreneurship: an Islamic perspective // Int. J. Entrepreneurship and Small Business. 2013. Vol. 20. № 1. P. 63–69. URL: https://www.academia.edu/7021711/Entrepreneurship_an_Islamic_perspective
15. Oukil M.S. Entrepreneurship and entrepreneurs in an islamic context // Journal of Islamic and Human Advanced Research. 2013. Vol. 3. № 3. P. 111–131. DOI: 10.1504 / IJESB.2017.10004845
16. Pistrui D., Fahed-Sreih J. Islam, entrepreneurship and business values in the Middle East // Int. J. Entrepreneurship and Innovation Management. 2010. Vol. 12. № 1. P. 107–118. DOI: 10.1504 / IJEM.2010.033170
17. Salaheldeen M., Battour M., Nazri Azrin M. Halal Entrepreneurship and its role in Sustainable Development Goals 2030 // International conference on da'wah and islamic management. At: Faculty of Leadership and Management, USIM, Nilai, Malaysia. 2019. Volume 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/337292381_Halal_Entrepreneurship_and_its_role_in_Sustainable_Development_Goals_2030
18. Chowdhury A.J.M.N. Towards an Islamic model of entrepreneurship // Management Islamic Perspective. BIIT, Dhaka. 2008. P. 6–19.
19. Youssef A.B., Boubaker S., Omri A. Entrepreneurship and sustainability: The need for innovative and institutional solutions // Technological Forecasting and Social Change. 2018. № 129. P. 232–241. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.003>
20. Kalimullina M.E. Islamic finance in Russia: A market review and the legal environment // Global Finance Journal. 2020. Vol. 46. DOI: 10.1016 / j.gfj.2020.100534.
21. Зарипов И.А. Исламские финансы в России: проблемы становления и пути их решения // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 64–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskie-finansy-v-rossii-problemy-stanovleniya-i-puti-ih-resheniya>
22. Шарифуллин И.Н., Фролов Р.П., Хайруллина Р.И., Мингазова А.И. Перспективы развития исламского предпринимательства в России на примере Республики Татарстан / Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам. Сборник научных статей. Казань: Solo Press; Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 50–52. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27549772>
23. Гадельшина Э.Н. О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан // Корпоративная экономика. 2018. № 1(13). С. 25–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32733067>
24. Кулькова В.Ю. Реализация государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации // Финансовый журнал. 2014. № 2(20). С. 31–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-gosudarstvennoy-podderzhki-sotsialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizatsiy-v-rossiyskoy-federatsii>
25. Калимуллина М.Э. Великобритания: исламские финансы без привилегий // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 12. С. 62–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikobritaniya-islamskie-finansy-bez-privilegiy>
26. Пантюхина Н.А. Исламская финансовая система в российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 2(77). С. 65–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-finansovaya-sistema-v-rossiyskoy-federatsii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya>
27. Рябченко Л.И. Перспективы развития исламского банкинга в России // Вестник ГУУ. 2018. № 9. С. 140–146. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-140-146>

Поступила в редакцию: 10.02.2021; одобрена: 15.03.2021; опубликована онлайн: 31.03.2021

Об авторе:

Юзеф Хайтам Аббас Мохамед, Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС при Президенте РФ), общеэкономический факультет, аспирантура (119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82), Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-7197-393X, Researcher ID: X-2988-2018,

haitham.youssef4@yahoo.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Kul'kova V.Yu. Support Infrastructure for Social Entrepreneurship in Russia. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*. 2017; 13(19):1592–1607. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1592> (In Russ.)
2. Abdulin O.M. On the principles of Islamic entrepreneurship. *Minbar. Islamskie issledovaniya = Minbar. Islamic Studies*. 2015; 8(1):65–74. DOI: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2015-8-1-65-74> (In Russ.)
3. Bekkin R.I. Features of Sharia Supervision in Islamic Financial Institutions in Muslim and Non-Muslim Countries. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2014; (3):148–164 (In Russ.)
4. Borlakova T.M., Kubanova L.A.-Z. Islamic economic model: features, current state and prospects for further development. *Vestnik Akademii znaniy = Academy of Knowledge Bulletin*. 2020; 1(36):35–40. DOI: <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-00006> (In Russ.)
5. Gibadullin M.Z., Artamonicheva A.R. Business and Islam: Russian Historical Experience. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo = Russian entrepreneurship*. 2012; 13(10):178–182 (In Russ.)
6. Kulkova V. The development of Islamic entrepreneurship in the service sector of cross-border regions of the Russian Federation. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019; (364):54–58. DOI: <https://doi.org/10.2991/icsdcbr-19.2019.12> (In Eng.)
7. Yakhin E. Partnership (partnership) as a form of development of the Islamic model of entrepreneurship in Russia. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskie aspekty = Islam in the modern world: domestic and international political aspects*. 2010; (1-2):20–24 (In Russ.)
8. Beg T. Promotion of Muslim entrepreneurship under state support. *Journal of Objective Studies*. 1979; 2(1):95–106 (In Eng.)
9. Weber M. The sociology of religion. Boston: Beacon Press. 1963. 380 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.6718/page/n1/mode/2up> (In Eng.)
10. Khan M.A. An Introduction to Islamic Economics. The International Institute of Islamic Thought. Islamabad, Pakistan. 1994. 153 p. (In Eng.)
11. Sadeq A. Entrepreneurship development and training: An Islamic perspective. *Hamdard Islamicus*. 1997; 20(4):37–43 (In Eng.)
12. Siddiqi M.N. The Economic Enterprise in Islam. Islamic Publications, Lahore. 1972. 183 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL5405233M/The_economic_enterprise_in_Islam (In Eng.)
13. Chapra M.U. Towards a just monetary system. Leicester, UK. The Islamic Foundation. 1985. 292 p. URL: <https://ru.scribd.com/doc/214651966/Chapra-Toward-a-Just-Monetary-System-1985> (In Eng.)
14. Davis M.K. Entrepreneurship: an Islamic perspective. *Int. J. Entrepreneurship and Small Business*. 2013; 20(1):63–69. URL: https://www.academia.edu/7021711/Entrepreneurship_an_Islamic_perspective (In Eng.)
15. Oukil M.S. Entrepreneurship and entrepreneurs in an Islamic context. *Journal of Islamic and Human Advanced Research*. 2013; 3(3):111–131. DOI: 10.1504 / IJESB.2017.10004845 (In Eng.)
16. Pistru D., Fahed-Sreih J. Islam, entrepreneurship and business values in the Middle East. *Int. J. Entrepreneurship and Innovation Management*. 2010; 12(1):107–118. DOI: 10.1504 / IJEM.2010.033170 (In Eng.)
17. Salaheldeen M., Battour M., Nazri Azrin M. Halal Entrepreneurship and its role in Sustainable Development Goals 2030. *International conference on da'wah and islamic management*. At: Faculty of Leadership and Management, USIM, Nilai, Malaysia. 2019; 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/337292381_Halal_Entrepreneurship_and_its_role_in_Sustainable_Development_Goals_2030 (In Eng.)
18. Chowdhury A.J.M.N. Towards an Islamic model of entrepreneurship. *Management Islamic Perspective*. BIIT, Dhaka. 2008; 6-19. (In Eng.)
19. Youssef A.B., Boubaker S., Omri A. Entrepreneurship and sustainability: The need for innovative and institutional solutions. *Technological Forecasting and Social Change*. 2018; (129):232–241. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.003> (In Eng.)
20. Kalimullina M.E. Islamic finance in Russia: A market review and the legal environment. *Global Finance Journal*. 2020. Vol. 46. DOI: 10.1016 / j.gfj.2020.100534 (In Eng.)
21. Zaripov I.A. Islamic finance in Russia: problems of formation and way of their decision. *Mir novoi*

- ekonomiki* = *World of New Economy*. 2016; (2):64–74 (In Russ.)
22. Sharifullin I.N., Frolov R.P., Khairullina R.I., Mingazova A.I. Prospects for the development of Islamic entrepreneurship in Russia on the example of the Republic of Tatarstan. International Youth Symposium on Management, Economics and Finance: Collection of scientific articles. Kazan: Solo Press; Kazan Publishing House. University, 2016. P. 50–52 (In Russ.)
  23. Gadelshina E.N. On state support of small and medium-sized businesses in the Republic of Bashkortostan. *Korporativnaya ekonomika* = *Corporate Economics*. 2018; 1(13):25–31 (In Russ.)
  24. Kulkova V.Yu. Implementation of state support for socially oriented non-profit organizations in the Russian Federation. *Finansovyi zhurnal* = *Financial Journal*. 2014; 2(20):31–46 (In Russ.)
  25. Kalimullina M.E. Great Britain: Islamic finance without privileges. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet* = *International accounting*. 2011; (12):62–68 (In Russ.)
  26. Pantiukhina N.A. Islamic financial system in the Russian Federation: the present state and prospects of development. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta* = *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2017; 2(77):65–69 (In Russ.)
  27. Ryabchenko L.I. Prospects for the Islamic banking development in Russia. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta upravleniya* = *Bulletin of the State University of Management*. 2018; (9):140–146. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-140-146> (In Russ.)

Submitted 10.02.2021; revised 15.03.2021; published online 31.03.2021

About the author:

Haitham Abbas Mohamed Youssef, Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Faculty of the General Economic, Postgraduate Studies, Economics and management of the national economy – by industry and spheres of activity, including: business economics (82, Vernadskogo av., Moscow, 119571), Moscow, Russian Federation, **ORCID: 0000-0002-7197-393X**, **Researcher ID: X-2988-2018**, haitham.youssef4@yahoo.com

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 338. 28

JEL: O14, O32, O33, R11

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.1.71-82

Оригинальная статья

Слаборазвитый регион: императивы реиндустриализации (на примере Северо-Кавказского федерального округа)

Гумар Хасанович Батов¹, Людмила Алиевна Хутова²,
Тимур Мухамедович Шогенов³

¹Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Российская Федерация
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. И. Арманд, д. 37а

²Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск, Российская Федерация
369000, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Ставропольская, д. 36

³Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нальчик, Российская Федерация
360016, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Мальбахова, д. 123

E-mail: gumarbatov@mail.ru, hutova75@mail.ru, tima030@icloud.com

Аннотация

Цель. Целью исследования является разработка методологического инструментария проведения реиндустриализации в отраслях материальной сферы отстающих и слаборазвитых регионов на основе использования информационно-коммуникационных и цифровых технологий.

Методы или методология проведения работы. Исследование построено на использовании методологии системного подхода, методического аппарата теории информационного общества, применении методов экономико-статистического анализа, научной абстракции, аналогий и научных обобщений. В ходе разработки предложенной тематики были использованы классические и современные труды отечественных и зарубежных ученых, статистический и эмпирический материал, подготовленный в процессе полевых исследований.

Результаты работы. В экономике страны функционируют регионы с разными уровнями развития. Наибольшие проблемы связаны со слаборазвитыми и проблемными регионами, которые, при наличии у них определенного потенциала, не могут пока справиться со своими трудностями. Ситуация, в которой находятся подобные регионы, требует поиска новых механизмов, позволяющих преодолеть неблагоприятные обстоятельства и встать на путь высокостабильного развития. Многие проблемы возможно решить на основе реиндустриализации. Для этого необходим переход к непрерывным процессам цифровизации, использования цифровых технологий и программных продуктов, которые могут обеспечить развитие производственных систем в направлении создания нового технологического уклада.

Выводы. Вопросы цифровой и программной реиндустриализации экономики особенно обострены в отстающих и слаборазвитых регионах, где из-за малодиверсифицированной отраслевой структуры промышленности наблюдается слабая реакция на формирование инвестиционного спроса на производство конкурентоспособных товаров. Подобные регионы, к которым относится Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), могут решить проблемы при помощи использования цифровых и информационных технологий. Реализация предлагаемых мер позволит региону покинуть зону проблемности и депрессивности.

Ключевые слова: СКФО, реиндустриализация, информационное пространство, цифровизация, затраты, программный продукт, цифровые технологии, цифровая платформа

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00287.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Батов Г. Х., Хутова Л. А., Шогенов Т. М. Слаборазвитый регион: императивы реиндустриализации (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 1. С. 71–82

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.71-82>

© Батов Г. Х., Хутова Л. А., Шогенов Т. М., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

An Underdeveloped Region: the Imperatives of Reindustrialization (on the example of the North Caucasian Federal District)

Gumar H. Batov¹, Lyudmila A. Khutova², Timur M. Shogenov³

¹ Federal Research Center "Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Nalchik, Russian Federation
37A, I. Armand street, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004

² North Caucasus state Academy, Cherkessk, Russian Federation
36, Stavropol street, Cherkessk, Kabardino-Balkar Republic, 369000

³ The Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russian Federation
123, Malbakhova street, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360016

E-mail: gumarbatov@mail.ru, hutova75@mail.ru, tima030@icloud.com

Abstract

Purpose: the purpose of the study is to develop a methodological toolkit for reindustrialization in the branches of the material sphere of lagging and underdeveloped regions based on the use of information, communication and digital technologies.

Methods: the study is based on the use of the methodology of the systems approach, the methodological apparatus of the information society theory, the use of methods of economic and statistical analysis, scientific abstraction, analogies and scientific generalizations. In the course of developing the proposed topic, classical and modern works of domestic and foreign scientists, statistical and empirical material prepared in the process of field research were used.

Results: regions with different levels of development function in the country's economy. The greatest problems are associated with underdeveloped and problem regions, which, given their certain potential, cannot yet cope with their difficulties. The situation in which such regions are located requires the search for new mechanisms that will allow us to overcome unfavorable circumstances and embark on the path of highly stable development. Many problems can be solved on the basis of reindustrialization. This requires a transition to continuous digitalization processes, the use of digital technologies and software products that can ensure the development of production systems in the direction of creating a new technological order.

Conclusions and Relevance: issues of digital and programmatic reindustrialization of the economy are especially aggravated in lagging and underdeveloped regions, where, due to the poorly diversified sectoral structure of the industry, there is a weak reaction to the formation of investment demand for the production of competitive goods. Such regions, to which the North Caucasian Federal District (NCFD) belongs, can solve problems when using digital and information technologies. The implementation of the proposed measures will allow the region to leave the zone of problems and depression.

Keywords: North Caucasus Federal District, reindustrialization, information space, digitalization, costs, software product, digital technologies, digital platform

Acknowledgments. This work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-010-00287.

Conflict of Interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

For citation: Batov G. H., Khutova L. A., Shogenov T. M. An Underdeveloped Region: the Imperatives of Reindustrialization (on the example of the North Caucasian Federal District). *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2021; 12(4):71–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.71-82>

© Batov G. H., Khutova L. A., Shogenov T. M., 2021

Введение

В настоящее время многие специалисты, эксперты и футурологи говорят, что мир изменился, и строят прогнозы о том, что нас ждет в будущем. Пандемия явилась триггером к тому, что страны начали проводить политику автаркии, а для людей основными способами защиты стали самоизоляция и общение при помощи средств электронно-мобильной связи. Дистанционное обучение, дистанционное ведение научной работы, виртуальные концерты и театральные постановки, виртуальные походы в музеи и на различные мероприятия претендуют на то, чтобы стать постоянными спутниками жизни

людей. Удаленная работа, как форма организации труда, теснит традиционно используемые. Уже начали появляться «горячие головы», которые говорят, что нужно переформатировать школы, вузы, научно-исследовательские институты и т.д., а помещения, в которых располагались подобные учреждения, можно приватизировать, продать или превратить в торговые центры, ночные клубы и другие подобные заведения. С этим никак нельзя согласиться. Возможно, определенную работу можно выполнить и вне офиса, но обучение в школе и вузе ни в коем случае нельзя сделать дистанционным – это означает потерю остатков образования, уровень которого и так снижается.

Сложившаяся ситуация показала, что цифровые технологии стали основными инструментами не только общения между людьми, работы в домашних условиях, продолжением отдельных производственных процессов, но и управлением государством. Они и раньше играли важную роль, но теперь их значимость и востребованность выросли в несколько раз. Развитие и использование цифровых технологий становится мировым трендом – теперь эта тенденция ускоряется и углубляется, превращается во всеобщее и необходимое.

Уровень использования цифровых технологий различается по отраслям и видам деятельности. Ими довольно широко охвачены такие области как финансы, обучение, медиа, различные услуги. Но информационные и цифровые технологии не так глубоко проникли в отрасли материальной сферы. Причины кроются не только в высоких финансовых затратах, но и в том, что здесь производственный процесс гораздо труднее поддается цифровизации, чем в служебной сфере. Однако там, где проведена подобная работа, эффект, как правило, высокий.

В данной статье основное внимание уделяется проблемам перехода к использованию цифровых и программных технологий именно в отраслях материальной сферы. Исследуемый Северо-Кавказский федеральный округ характеризуется низкими темпами развития. Он отстает от других округов России по целому ряду идентификаторов, начиная от производства продукции на душу населения, заканчивая оснащенностью и доступом к цифровым благам. В то же время надо отметить, что у него имеется потенциал для устойчивого развития, реализацию которого необходимо начинать с материальной сферы – необходимо «подтянуть» ее до уровня выше среднероссийских показателей. Это не оговорка, и данную задачу можно решить, так как имеются трудовые ресурсы, сырье и материалы, есть возможность формирования единого экономического и информационного пространства, создания различных платформ.

А.В. Бойченко и О.В. Лукинова отмечают, что «информационные технологии все более становятся объектами производства. Об этом свидетельствует одно из самых прорывных направлений применения информационных технологий – Интернет Вещей (Internet of Things, IoT)» [1, с. 76–77].

Сложность перехода на использование цифровых технологий для регионов заключается в том, что они различаются по самым разным параметрам, начиная от природно-климатических и производственно-ресурсных показателей, заканчивая менталитетом живущего там населения. Остановимся на двух неоднородных аспектах: пространственном и цифровом.

Пространственная неоднородность, разная ресурсная обеспеченность, региональная специфика определяют выбор той социально-экономической политики, которой должна придерживаться каждая территория (регион). Но это не означает, что каждый регион должен замкнуться в себе и развиваться в форме автаркии. Наоборот, необходимо наладить межрегиональное взаимодействие, которое позволит выстроить эффективную структуру экономики. Можно согласиться с утверждением Л.М. Авериной и Д.В. Сиротина о том, что «в числе основных проблем пространственного развития РФ на сегодняшний день выделяются высокая доля малопроизводительных и низкотехнологичных производств в структуре экономик субъектов РФ и нереализованный потенциал межрегионального взаимодействия» [2, с. 268–269].

Кроме слабого пространственного взаимодействия, которое наблюдается, в частности, в исследуемом округе, нарастающей проблемой становится цифровая дифференциация, которая выражается в разном уровне доступа различных субъектов (индивидов, домохозяйств, организаций) к информации. Ее источниками могут быть низкая платежеспособность, барьеры по получению рыночной информации, неравномерное территориальное развитие ИТ-инфраструктуры, возрастные аспекты. Другая сторона проблемы состоит в том, что современные технологии сбора данных о каждом человеке столь велики, что заинтересованные организации, фирмы, компании и отдельные личности могут воспользоваться такими данными вопреки его желаниям, о чем информирует А. Вайгенд [3].

Высокая степень цифровой и информационной дифференциации опасна по нескольким моментам – тем, что может способствовать нарастанию социальных конфликтов, будет ограничивать использование новых знаний в различных областях, сдерживать инновационные процессы в экономике, в том числе региональной, снижать уровень конкурентоспособности и параметры развития человеческого капитала.

Кроме того, создание цифровой экономики, которую сейчас интенсивно прорабатывают в различных странах, возможно «при формировании гомогенного информационного пространства», а «ставка на цифровые технологии как основу для развития экономики региона целесообразна лишь в условиях однородности информационного пространства различных территорий» [4, с. 30].

Таким образом, чтобы осуществить реиндустриализацию посредством цифровизации в первую очередь необходимо создать гомогенное информационное и цифровое пространство. Это означает, что субъекты или регионы должны находиться на одном уровне по комплектованию оборудованием,

наличию инфраструктуры, возможности доступа к информации и наличию соответствующих кадров.

Решение вопросов реиндустриализации при помощи прорывных технологий определяет необходимость применения новых теоретико-методологических подходов. Как отмечает В.А. Плотников, «деятельность по цифровизации российской экономики должна быть тесно увязана с промышленной политикой, проведением реиндустриализации. Только в этом случае можно рассчитывать на создание конкурентоспособных отечественных промышленных производств, основанных на цифровизации» [5, с. 21].

Цифровизация, безусловно, сложный процесс, и поэтому действия, которые необходимо совершить по ее реализации, должны быть комплексными и меняющими содержание того процесса, на который она направлена. «Цифровизация экономики предполагает изменение организационно-экономических связей и процессов в каждом ее звене, каждом хозяйствующем субъекте и экономике в целом. Речь идет не просто о передаче тех или иных организационно-управленческих функций от человека к информационным системам, а об изменении самого содержания этих функций» [6, с. 37].

Делая акцент на цифровизацию и цифровые технологии, нельзя упускать из вида возможности реиндустриализации с использованием передовых производственных технологий в тех традиционных отраслях, которые составляют основу экономики округа.

Такой подход вписывается в мировую практику. Вот, что пишут об этом Ф. Сван, Л. Матиассен, Р. Лидгерн, Дж. Кейн: «можно с успехом реализовать возможности цифровых инноваций, сохраняя эффективность основного бизнеса. Цифровизация открывает возможности для встраивания новых типов функций и услуг в существующие продукты. Но вместе с тем это, безусловно, значит, что некоторые устоявшиеся методы ведения бизнеса должны измениться. В частности, речь идет о традиционном инновационном цикле, моделях сотрудничества и практике регулирования партнерских отношений. Однако это вовсе не означает, что прежние методы были неправильными» [7, с. 158].

Второй аспект связан с созданием новых отраслей, с сосредоточением основного внимания на приоритетном использовании информационных технологий и применении цифровых технологий. Такая деятельность позволит заложить фундамент для изменений в экономике, и этому процессу будет способствовать перенос (офшоринг) в округ производств из других регионов и территорий. В отличие от прежних времен управление и контроль за всеми процессами можно передать новым технологиям, что позволит снизить транс-

акционные издержки, повысить инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность, создать высокотехнологичные рабочие места.

Для СКФО необходимо решать две задачи, которые состоят в том, чтобы, во-первых, в опережающем порядке развивать принципиально новые высокотехнологичные секторы и рынки, во-вторых, проводить глубокую технологическую модернизацию традиционных отраслей и производств. Их «совмещение может обеспечить фронтальный запуск технологической реиндустриализации уже в среднесрочной перспективе» [8, с. 14].

Наблюдающиеся в настоящее время мировая тенденция всеобщего развития и использования цифровых технологий и политика реиндустриализации становятся основными направлениями (мейнстримами) – сочетание этих устремлений должны привести к модернизации технологической основы экономики. Необходимо вписаться в этот тренд.

Обзор литературы и исследований. Многие экономисты уделяют пристальное внимание вопросам реиндустриализации, она освещается в экономической литературе и изучается учеными с разных сторон и в различных ракурсах. Свой вклад в исследование данной тематики внесли: С.Д. Бодрунов [9], который в числе первых начал заниматься вопросами реиндустриализации, и сейчас предлагает теорию реиндустриализации и ноономику 2.0; Р.С. Гринберг изучил промышленные отрасли, которые могут составить ядро реиндустриализации [10]; С.С. Губанов рассмотрел особенности неоиндустриализации [11]; Е.Б. Ленчук исследовала проблемы деиндустриализации, причины ее возникновения и предложила пути решения [12]; Н.И. Комков обосновал технологические аспекты реиндустриализации [13]; О.С. Сухарев рекомендовал подходить к реиндустриализации как к экономической политике [14]. Этим вопросом занимаются и зарубежные исследователи, но они интерпретируют реиндустриализацию как промышленную революцию. К ним относятся: Д. Рифкин, который представляет реиндустриализацию как третью промышленную революцию [15]; К. Шваб и Н. Девис, связывающие реиндустриализацию с цифровыми технологиями [16]; К. Перес [17] и К. Фриман [18], которые обуславливают необходимость промышленной политики; Э. Райнерт, доказывающий предпочтительность развития промышленных отраслей [19].

Необходимо внести ясность в авторском подходе к пониманию и интерпретации терминов «реиндустриализация» и «цифровизация». Наша позиция по первому вопросу состоит в том, что реиндустриализация рассматривается как процесс, посредством которого возможно изменить технологическую базу отраслей материальной сферы.

При этом особое внимание необходимо обратить на отрасли промышленности, особенно обрабатывающей. Процесс реиндустриализации следует провести на основе максимального использования цифровых и информационных технологий, уделяя особое внимание цифровизации производственных процессов.

По поводу второй ключевой категории, «цифровизация», можно отметить, что она рассматривается в контексте создания и определения сути цифровой экономики. Начиная с американского исследователя Д. Тапскотта [20], который одним из первых дал более развернутое определение цифровой экономики, этому вопросу уделяют много внимания и отечественные исследователи. Среди них – Е.В. Попов и О.С. Сухарев, которые обосновывают необходимость создания собственной технологической базы для развития цифровой экономики [21]; Г.П. Литвинцева и С.П. Петров, исследовавшие влияние цифровой трансформации на качество жизни [22]; Г.И. Индрисов с соавторами, которые предлагают методологию оценки цифровой экономики [23], В.В. Иванова и Г.Г. Малинецкий, рассматривающие основные методологические подходы к формированию и реализации программы развития цифровой экономики [24]; коллектив сотрудников НИУ ВШЭ, в монографии которых рассматриваются мировые тренды развития цифровизации и возможности ее использования в российских условиях [25]. Из зарубежных исследователей можно отметить работу Р. Бух и Р. Хикса [26]; Н. Чакпитак с соавторами [27]; Х. Гольдштейна [28]; К. Тана и соавторов [29]; С. Мартин-Шилдса и Н. Боданаца [30].

Наш подход к цифровизации состоит в том, что она определяется в качестве процесса, части цифровой экономики, которая осуществляет перевод различных процессов – производственных и служебных – в цифровой формат.

Таким образом, исследованию проблем цифровизации экономических систем и процессов посвящено достаточно большое количество исследований отечественных и зарубежных ученых. При этом можно отметить весьма незначительное число работ, посвященных анализу применения цифровых технологий в экономике проблемных, отстающих и слабо развитых регионов, что, по нашему мнению, является существенным упущением.

Материалы и методы. Научная гипотеза исследования состоит в предположении, что вопросы реиндустриализации в отстающем регионе возможно решить на основе использования цифровых и информационных технологий. Исторический опыт различных стран и быстро развивающихся регионов показывает, что реиндустриализация позволяет модернизировать базовые отрасли и создавать

новую структуру экономики, которая может обеспечить устойчиво-поступательное развитие.

Исследование построено на использовании методологии системного подхода, методического аппарата теории информационного общества, применении методов экономико-статистического анализа, научной абстракции, аналогий и научных обобщений. В ходе разработки предложенной тематики были использованы классические и современные труды отечественных и зарубежных ученых, статистический и эмпирический материал, подготовленный в процессе полевых исследований.

Объектом исследования выступает Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО). По существу в научной литературе классификации субъекты округа относятся к слабо развитым регионам. Особенность этих, и вообще проблемных, регионов заключается в том, что им присущ комплекс проблем. По нашему мнению, именно в настоящее время необходимо сосредоточиться на поиске и нахождении способов решения проблем, характерных для реальной сферы экономики округа, в частности, для отраслей обрабатывающей промышленности. Одним из методов решения вопросов является использование инструментов реиндустриализации в современной ее интерпретации, то есть применение информационных и цифровых технологий. В отраслях экономики субъектов округа на начальной стадии находится среда (социальная, экономическая, технологическая) для адаптации этих технологий, поэтому задача состоит в углублении и расширении этой среды. Надеемся, что данное исследование в некоторой степени поможет решению поставленной задачи.

В данное время в округе реализуется «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа развития до 2025 года». Анализ положений Стратегии показал, что многие ее аспекты утратили актуальность, причем не потому, что они выполнены, а потому, что появились новые способы и методы их решения. Необходимо внести существенные изменения в Стратегию с учетом новых обстоятельств. Поскольку в Стратегии изначально не уделялось внимание проблемам реиндустриализации, это подлежит немедленному исправлению.

Результаты исследования

Состояние использования информационно-коммуникационных технологий

Важный импульс развитию и использованию информационных технологий в субъектах Северо-Кавказского федерального округа дали Федеральные целевые программы (ФЦП), особенно ФЦП «Электронная Россия» (2002–2010 гг.), позволившие внедрить электронный формат организации

и управления различными видами деятельности, а также взаимодействия как между субъектами, так и с органами власти. Реализация этих программ позволила субъектам округа сделать существенный скачок по приобретению и внедрению в производственный процесс и организационную структуру информационных технологий. Однако, после

окончания сроков программ и снижением уровня финансирования, процессы, связанные с информационными технологиями, затормозились.

О современном состоянии использования информационных технологий можно судить по данным табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ состояния и использования информационно-коммуникационных технологий в РФ и СКФО

Table 1

Comparative analysis of the state and use of information and communication technologies in the Russian Federation and the North Caucasus Federal District

Показатели	РФ			СКФО		
	2016	2017	2018	2016	2017	2018
Организации:						
имеющие персональные компьютеры, %	92,4	92,1	94,0	94,9	89,4	86,7
серверы, %	50,8	50,6	53,4	43,4	40,7	39,4
локальные вычислительные сети, %	62,3	61,1	63,9	52,3	48,2	48,0
использовавшие сеть Интернет, %	88,7	88,9	91,1	90,0	85,9	83,9
из них широкополосный доступ, %	81,8	83,2	86,5	81,6	80,3	79,2
имевшие веб-сайт, %	45,9	47,4	50,9	46,5	46,8	47,2
Число персональных компьютеров на 100 работников, шт.	49	50	51	43	43	43
в том числе с доступом в сети Интернет, %	32	33	35	28	28	28
использовавшие электронный документооборот, %	66,1	66,1	68,6	59,6	58,2	57,1

Источник: стат. сб. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2019.

Source: stat. Sat. Regions of Russia. Socio-economic indicators, 2019.

Сравнительный анализ современного состояния информационно-коммуникационных технологий по данным выборочного обследования – в среднем по Российской Федерации (РФ) и Северо-Кавказскому федеральному округу (СКФО) – показывает, что в РФ количество организаций, имеющих компьютеры, приближается к 100%, так, в 2018 г. оно составило 94%. В СКФО наблюдается другая тенденция – относительное снижение количество таких организаций. В том же году их было 86,7%, что меньше уровня 2017 г. на 2,7%. Серверами в РФ пользуются 53,4% организаций, а в СКФО объем таких пользователей составляет 39,4%.

В 2018 г. в РФ 63,4% организаций имел локальные вычислительные сети, в СКФО же они составили 48,0%. То есть все перечисленные показатели остаются ниже среднероссийского уровня. Внутри округа сохраняются некоторые различия по этим параметрам.

Функционирование современного общества трудно представить без Интернета, он прямо или опосредованно принимает участие в экономиче-

ских процессах. В 2018 г. 91,1% организаций РФ был подключен к сети Интернет и пользовался его ресурсами. В СКФО происходит уменьшение числа субъектов, пользующихся сетью – в 2018 г. они составили 83,9%. Наиболее низкие параметры по данному показателю имеют Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия–Алания и Чеченская Республика.

Важной составляющей, позволяющей эффективно использовать ресурсы Интернета и информационных технологий, является наличие у организации веб-сайта. В РФ веб-сайт имеют чуть больше половины организаций (50,9%), в СКФО их меньше (47,2%).

Эффективность, производительность и конкурентоспособность хозяйствующих субъектов во многом связаны с «вооруженностью» работников современными технологиями. По данным табл. 1, в 2018 г. в РФ на 100 работников приходился 51 компьютер, что по современным меркам является невысоким показателем; в СКФО этот показатель еще ниже – всего 43. Если иметь в виду доступ

компьютера к Интернету, в РФ такой показатель составляет 35, а в СКФО – 28 компьютеров. Эти значения также являются низкими. Нужно отметить, что многие проблемы по повышению производительности труда и темпов производства, которые являются трудно решаемыми, возможно было бы реализовать при максимальном оснащении и вооружении работников информационными технологиями.

В данном исследовании большое внимание уделяется производственным аспектам, но это не означает, что упускается роль и значение домашних хозяйств. Понятно, что население, в том числе домашние хозяйства, нельзя исключить из информационного пространства, тем более, что последние события (пандемия) показали, что и для них информационные технологии становятся повседневной необходимостью. В 2018 г. средний показатель наличия персональных компьютеров в домашних хозяйствах РФ составил 72,4%, что меньше предыдущего года на 2%. В СКФО персональные компьютеры имеют 62%, из них доступ в Интернет имеют 74,7%.

Процесс использования информационных и коммуникационных технологий зависит от затрат на их приобретение и эксплуатацию (табл. 2). В 2018 г. в РФ затраты на ИКТ составили 1676,1 млн рублей, что больше затрат 2017 г. на 188,5 тыс. рублей, или на 11,2%. В СКФО также увеличились затраты – в 2018 г. по сравнению с предыдущим периодом рост составил 20,4%.

Подводя общий итог, можно отметить, что вопросы информатизации в округе находятся на более низком уровне, чем в целом по России.

Использование передовых производственных технологий

В СКФО число используемых передовых производственных технологий имеет тенденцию к увеличению. В 2018 г. они составили 3077 единиц, это больше, чем в предыдущем периоде, на 166 единиц (табл. 2). Несмотря на количественное увеличение числа используемых технологий, интенсивность их применения снижается. Подобное положение приводит к потере потенциала и отставанию субъектов округа от субъектов других округов.

Таблица 2

Состояние использования программных средств и передовых производственных технологий в РФ и СКФО

Table 2

The state of the use of software and advanced production technologies in the Russian Federation and the North Caucasus Federal District

Показатели	РФ			СКФО		
	2016	2017	2018	2016	2017	2018
Затраты на ИКТ, млн руб.	1249,2	1487,6	1676,1	9899,9	8832,7	10636,9
Затраты на технологические инновации, млн руб.	1284,6	1404,9	1472,8	7896,5	8956,8	7142,4
Число используемых передовых технологий, ед. (для РФ – тыс. ед)	62,3	61,1	63,9	52,3	48,2	48,0
Организации, использующие специальные программные средства, %	84,7	83,3	85,9	76,8	73,2	70,7
Организации, использующие передовые производственные технологии в материальной сфере, %	16,5	18,7	21,0	5,0	6,7	7,6
Организации, использующие специальные программные средства в материальной сфере, %	30,8	32,1	36,3	19,5	19,4	20,3
в том числе с доступом в сети Интернет, %	32	33	35	28	28	28
использовавшие электронный документооборот, %	66,1	66,1	68,6	59,6	58,2	57,1

Источник: стат. сб. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2019.

Source: stat. Sat. Regions of Russia. Socio-economic indicators, 2019.

Основные причины недостатков в использовании передовых технологий связаны низким уровнем затрат на технологические инновации. В РФ затраты на технологические инновации растут. Так, в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом они увеличились на 14,6%. В СКФО затраты за этот же пе-

риод уменьшились на 20,3%. Тем не менее, общее число используемых технологий увеличивается. Однако в 2018 г. количество организаций СКФО, использующих подобные технологии в материальной сфере, составило 7,6% от их общего числа; в РФ они составляют более четверти.

Использование программных продуктов в СКФО

В современных условиях хозяйствующие субъекты могут развиваться эффективно и быть конкурентно-способными в том случае, если смогут продуктивно воспользоваться преимуществами, которые дают информационные и цифровые технологии. В 2018 г. 36,3% организаций материальной сферы РФ использовали специальные программные средства, причем этот показатель выше предыдущего года на 4,2%. В целом наблюдается увеличение количества хозяйствующих субъектов, применяющих программные продукты. В СКФО также имеет место положительный тренд, но с более низкими темпами.

Процессы внедрения новых технологий в СКФО сопровождаются сдерживающими факторами, к которым относятся: недостаточность финансовых ресурсов, низкая технологическая база, к которой трудно адаптировать программные продукты, слабое взаимодействие и кооперация с вузами и научными организациями, малочисленность квалифицированных кадров.

Можно согласиться с Д.В. Валько в том, что «спонтанное внедрение информационных технологий в отрасли экономики часто повышает конечную стоимость товаров и услуг и может быть признано нецелесообразным, если в перспективе не создает условий для интеграции в масштабную цифровую инфраструктуру» [31, с. 402–403].

Результаты проведенного анализа показывают, что в округе происходят положительные изменения, но они не позволяют достичь среднероссийского уровня развития, хотя имеется потенциал, который позволит решить многие проблемы. Дальнейшие действия должны быть связаны с интенсификацией применения программных продуктов и подготовкой почвы для перехода на использование цифровых технологий. Здесь «ключевым фактором, стимулирующим цифровизацию экономики, является повышение доступности программного обеспечения, баз данных, вычислительных мощностей, а также распространение сетевых технологий» [32, с. 37–38].

Использование цифровых технологий в СКФО

Выявление возможностей проведения цифровизации в СКФО связано с оценкой имеющихся ресурсов, которые позволят реализовать такой процесс. Для индустриального региона «процесс перепозиционирования промышленного комплекса региона является достаточно сложным, имеет кросс-отраслевой характер» [33, с. 64]. Данный вывод О.А. Романова делает для региона, который является индустриальным, где промышленные отрасли являются доминирующими. В СКФО складывается другая ситуация – здесь профилирует агропромышленная специализация, но имеются и промышленные отрасли, которые являются систе-

мообразующими. Без развития последних округ не сможет вписаться в цифровую экономику.

Г.Б. Коровин в своей статье приводит убедительные доводы о возможностях использования цифровых технологий в различных отраслях промышленности [34, с. 7–8]. Кроме него, о потенциале и конкретных способах цифровизации сообщают М.А. Склад и К.В. Кудрявцева, которые предлагают несколько способов цифровизации [35, с. 104–106].

В исследуемом округе имеются примеры использования цифровых и программных продуктов. В агропромышленном производстве, в частности, в животноводстве, находит применение робототехнические устройства.

Большой популярностью и востребованностью пользуется продукция ООО «Севкавренген-Д». Предприятие специализируется на выпуске высокотехнологичного рентгенодиагностического оборудования и штативных устройств медицинского назначения. На предприятии полный производственный цикл, от проектирования до сервисного сопровождения, осуществляется на основе электронных модулей управления; сложные технологические изделия производятся с использованием цифровых технологий (3D-печати) и программных продуктов, разрабатываемых собственной ИТ-службой. В связи с пандемией продукция предприятия стала особенно нужной для медучреждений.

ООО «КВЕСТ-А» занимается обработкой и переработкой шерсти, производством шерстяных изделий. В последнее время предприятие попало в сложную ситуацию, связанную со взаимоотношениями с поставщиками и подрядчиками и нарушениями в логистике. Предприятие разработало комплекс мероприятий, которые позволят поправить ситуацию. Здесь начали использовать систему управления CRM, на очереди – внедрение автоматической системы отслеживания качества продукции RFID. Предприятие планирует выйти из трудного положения за счет использования цифровых и информационных технологий.

В СКФО строительству уделяется особое внимание, и здесь могли найти применение такие технологии как 3D-моделирование и 3D-печать. Построение объектов и производство товаров с использованием цифровых 3D-моделей становится возможным и реальным. Этому есть множество подтверждений, например, дом в Ярославле. Представленный материал показывает, что в округе есть понимание и необходимость цифровизации производственных процессов. Но на этом нельзя останавливаться и нужно сделать следующий шаг, который связан с созданием платформ.

Платформы выступают в качестве механизмов, позволяющих различным сторонам взаимодействовать

в режиме онлайн, представляя собой «высокотехнологичную коммуникационную площадку, на которой реализуется весь комплекс экономических отношений между хозяйствующими субъектами» [36, с. 11].

Платформы генерируют несколько эффектов, в том числе сетевой, а также позволяют осуществлять извлечение, контроль и анализ данных, упрощение выполнения операций. Но наибольший эффект платформ связан с их способностью снижать транзакционные издержки и стимулировать использование дополнительных инноваций. Проекты, которые способны их объединить «могут подорвать существующие отрасли... или же могут создавать совершенно новые отрасли» [37, с. 48].

В СКФО имеются потенциальные возможности по созданию платформ в агропромышленном комплексе, логистике, научно-исследовательской деятельности. Предлагаемые платформы могли бы служить инструментами проведения реиндустриализации. Они позволят интенсифицировать многие процессы, снизить параметры дифференциации, эффективнее использовать ресурсы.

Выводы

Проведенное исследование и полевые наблюдения показывают, что для проведения реиндустриализации посредством цифровизации необходимо создать гомогенное цифровое пространство, что означает, что субъекты должны быть «на одной волне». Речь идет о том, что все акторы и участники пространства становятся и являются равными по доступу и использованию технологий и информации.

Цифровизация – это процесс использования цифровых ресурсов для преобразования работы организации. По этому поводу С. Бодрунов с соавторами отмечают, «можно сделать однозначный вывод, что цифровизация – ведущий тренд инновационно-технологического развития на ближайшую и среднесрочную перспективу. Из этого же вытекает задача для России – встроиться в этот тренд, занять если не лидирующее, то хотя бы достойное место в цифровой экономике будущего. И решать эту задачу необходимо не в теории, а на практике, с учетом того уровня развития и тех проблем, которые актуальны для нас сегодня, в том числе обусловленных решением задачи реиндустриализации и перехода к Новому индустриальному обществу 2.0» [38, с. 48].

Проблемы исследуемого округа, а также подобных ему округов, возможно решить при помощи реиндустриализации, посредством цифровизации, использования цифровых и программных технологий. Но это не краткосрочный процесс, а масштабное действие, к которому нужно подготовить необходимые для реализации ресурсы: трудовые, финансовые, материальные, организационные (кадры управления).

Новые технологические, программные и цифровые технологии становятся необходимыми атрибутами по выводу округа из зоны слаборазвитого состояния, и задача состоит в том, чтобы интенсифицировать применение подобных технологий. Только посредством использования новых технологий возможно изменить технологическую основу экономики округа, поэтому необходимо действовать в режиме опережения.

Список источников

1. Бойченко А.В., Лукинова О.В. Методологические аспекты целеполагания при переходе к цифровой экономике // Открытое образование. 2018. Т. 22. № 4. С. 74–83. DOI: doi.org/10.21686/1818-4243-2018-4-74-83
2. Аверина Л.М., Сиротин Д.В. Оценка пространственных эффектов от инновационной активности промышленно развитых регионов РФ // Экономика региона. 2020. Т. 16, Вып. 1. С. 268–282. DOI: doi.org/10.17059/2020-1-20
3. Weigend A. Data for the People: How to Make Our Post-Privacy Economy Work for You. Basic Books, 2017. 272 p.
4. Ратнер С.В. Цифровой разрыв регионов России как угроза социально-экономическому развитию страны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 39(180). С. 29–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-razryv-regionov-rossii-kak-ugroza-sotsialno-ekonomicheskomu-razvitiyu-strany>
5. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4(112). С. 16–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35304372>
6. Сорокин Д.Е. Цифровая экономика: благо или угроза национальной безопасности России? // Экономическое возрождение России. 2018. № 2(56). С. 36–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35196752>
7. Цифровизация: Практические рекомендации по переводу бизнеса на цифровые технологии / ред. Е. Пригорева; пер. с англ. А. Сатунин. М.: Альпина Паблишер, 2019. 252 с. URL: <https://search.rsl.ru/record/01010111374>
8. Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25. DOI: doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-5-25
9. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России: монография. Изд. 2-ое, перераб. и доп. В двух частях. Часть первая. СПб.: ИНИР, 2015. 551 с.
10. Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 1. С. 10–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika>

- sovremennoy-rossii-sostoyanie-problemy-perspektivy
11. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и ее вертикальная интеграция (Серия «Сверхдержава»). М.: Книжный Мир, 2012. 224 с.
  12. Ленчук Е.Б. Формирование промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 3(39). С. 138–145. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-7.
  13. Комков Н.И. Анализ и оценка перспектив реализации Стратегии научно-технологического развития России // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5(176). С. 73–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41295864>
  14. Сухарев О.С. Реиндустриализация экономики России и технологическое развитие // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 10(247). С. 2–16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21213557>
  15. Rifkin J. The Third Industrial Revolution. Palgrave Macmillan, 2011. 270 p.
  16. Schwab K., Davis N. Shaping the Fourth Industrial Revolution. Published January 15th 2018 by World Economic Forum. Kindle Edition. 2018. 289 p.
  17. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Edward Elgar. 2002. 224 p.
  18. Freeman C. The National System of Innovation in Historical Perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19. Iss. 1. P. 5–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10082970>
  19. Reinert E.S. How rich countries got rich... and why poor countries stay poor. N.Y.: PublicAffairs Publ., 2008. 400 p.
  20. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1997. 288 p.
  21. Попов Е.В., Сухарев О.С. Движение к цифровой экономике: влияние технологических факторов // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 1. С. 26–35. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-1-26-35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32502611>
  22. Литвинцева Г.П., Петров С.П. Теоретические основы взаимодействия цифровой трансформации и качества жизни населения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 414–427. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.10.
  23. Аброскин А.С., Зайцев Ю.К., Идрисов Г.И., Кнобель А.Ю., Пономарева Е.А. Экономическое развитие в цифровую эпоху. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2019. 88 с.
  24. Иванова В.В., Малинецкий Г.Г. Цифровая экономика: от теории к практике // Инновации. 2017. № 12(230). С. 3–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32501752>
  25. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса / ответственный редактор Д.С. Медовников. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 121 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37662544>
  26. Bukh R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. Global Development Institute working papers. 2017. № 68. P. 1–24. URL: <https://diodeweb.files.wordpress.com/2017/08/diowkppr68-diode.pdf>
  27. Chakpitak N., Maneejuk P., Chanaim S., Sriboonchitta S. Thailand in the Era of Digital Economy: How Does Digital Technology Promote Economic Growth? In: Predictive Econometrics and Big Data. International Conference of the Thailand Econometrics Society, 2018. P. 350–362. DOI: 10.1007/978-3-319-70942-0_25
  28. Goldstein H. Editorial: The Digital Economy Act and Statistical Research // Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society. 2017. Vol. 180. Iss. 4. P. 945–946. DOI: <https://doi.org/10.1111/rssa.12317>
  29. Tan K.H., Ji G., Lim C.P., Tseng M.-L. Using Big Data to Make Better Decisions in the Digital Economy // International Journal of Production Research. 2017. Vol. 55. № 17. P. 4998–5000. DOI: 10.1080/00207543.2017.1331051
  30. Martin-Shields C.P., Bodanac N. Peacekeeping's Digital Economy: The Role of Communication Technologies in Post-Conflict Economic Growth // International Peacekeeping. 2017. № 25(2). P. 1–26. DOI: 10.1080/13533312.2017.1408413
  31. Валько Д.В. Цифровизация регионального социо-эколого-экономического пространства России // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 402–413. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.9
  32. Попов Е.В., Семячков К.А. Оценка готовности отраслей РФ к формированию цифровой экономики // Инновации. 2017. № 4(222). С. 37–41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29229385>
  33. Романова О.А. Стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте вызовов цифровой экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 3. С. 55–68. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-3-6.
  34. Коровин Г.Б. Социальные и экономические аспекты цифровизации в России // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 1. С. 1–11. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-1.1
  35. Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3(61). С. 103–114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39547846>
  36. Дьяченко О.В. Производственные отношения в условиях перехода к цифровой экономике // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2018. Вып. 63. № 12(422). С. 7–18. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11201

37. Moazed A., Johnson K. Modern Monopolies: What It Takes to Dominate the 21st Century Economy. St. Martin's Press. 2016. 256 p.
38. Бодрунов С.Д., Демиденко Д.С., Плотников В.А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. 2018. № 2. С. 43–54. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-2-43-54

Поступила в редакцию: 10.01.2021; одобрена: 08.02.2021; опубликована онлайн: 31.03.2021

Об авторах:

Батов Гумар Хасанович, ведущий научный сотрудник, Институт информатики и проблем регионального управления – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (360004, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, ул. И. Арманд, д. 37а), Нальчик, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор, gumarbatov@mail.ru

Хутова Людмила Алиевна, доцент, Северо-Кавказская государственная академия (369000, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36), Черкесск, Российская Федерация, кандидат экономических наук, доцент, hutova75@mail.ru

Шогенов Тимур Мухамедович, заместитель начальника кафедры, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, (360016, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, ул. Мальбахова, 123), Нальчик, Российская Федерация, кандидат экономических наук, tima030@icloud.com

Вклад соавторов:

Хутова Л.А. – подготовка материала по Карачаево-Черкесской Республике, проведение анализа состояния ООО «КБЕСТ-А».

Шогенов Т.М. – сбор материалов по цифровым технологиям.

Батов Г.Х. – обобщение представленных материалов и подготовка текста статьи.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Boychenko A.V., Iukina O.V. Methodological aspects of goal setting in the transition to digital economy. *Open education*. 2018; 22(4):74–83. doi.org/10.21686/1818-4243-2018-4-74-83 (In Russ.)
2. Averina L.M., Sirotin D.V. Estimation of spatial effects from innovative activity of industrially developed regions of the Russian Federation. *Regional economy*. 2020; 16(1):268–282. doi.org/10.17059/2020-1-20 (In Russ.)
3. Weigend A. Data for the People: How to Make Our Post-Privacy Economy Work for You. Basic Books, 2017. 272 p. (In Eng.)
4. Ratner S.V. Digital divide of Russian regions as a threat to the country's socio-economic development. *National interests: priorities and security*. 2012; 39(180):29–34 (In Russ.)
5. Plotnikov V.A. Digitalization of production: theoretical essence and prospects of development in the Russian economy. *Proceedings of the Saint Petersburg state University of Economics*. 2018; 4(112):16–24 (In Russ.)
6. Sorokin D.E. Digital economy: good or threat to Russia's national security? *Economic revival of Russia*. 2018; 2(56):36–40 (In Russ.)
7. How to Go Digital. Practical Wisdom to Help Drive Your Organization's Digital Transformation. Cambridge: The MIT Press, 2018. 224 p. (In Eng.)
8. Idrisov G.I., Knyagin V.N., Kudrin A.L., Rozhkova E.S. New technological revolution: challenges and opportunities for Russia. *Economic issue*. 2018; (4):5–25. doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-5-25. (In Russ.)
9. Bodrunov S.D. Formation of the strategy of reindustrialization of Russia. Monograph. 2nd ed. In two parts. Part one. Saint Petersburg: INIR, 2015. 551 p.
10. Greenberg R.S. Economy of modern Russia: status, problems, prospects. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2015; (1): 10–29 (In Russ.)
11. Gubanov S.S. Derzhavny break. Neoindustrialization of Russia and its vertical integration ("Superpower" Series). Moscow: Knizhny Mir, 2012. 224 p. (In Russ.)
12. Lenchuk E.B. Formation of industrial policy of Russia in the context of new industrialization tasks. *Journal of the New economic Association*. 2018; 3(39):138–145. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-7 (In Russ.)
13. Komkov N.I. Analysis and assessment of the prospects for the implementation of the scientific and technological development Strategy of Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 2019; 30(5):530–539. DOI: 10.1134/S1075700719050083 (In Eng.)
14. Sukharev O.S. Reindustrialization of the Russian economy and technological development. *National interests: priorities and security*. 2014; 10(247):2–16 (In Russ.)
15. Rifkin J. The Third Industrial Revolution. Palgrave Macmillan, 2011. 270 p. (In Eng.)
16. Schwab K., Davis N. Shaping the Fourth Industrial Revolution. Published January 15th 2018 by World Economic Forum. Kindle Edition. 2018. 289 p. (In Eng.)
17. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Edward Elgar, 2002. 224 p. (In Eng.)
18. Freeman C. The National System of Innovation in Historical Perspective. *Cambridge Journal of Economics*. 1995; 19(1):5–24 (In Eng.)
19. Reinert E.S. How rich countries got rich... and why poor countries stay poor. N.Y.: PublicAffairs Publ., 2008. 400 p. (In Eng.)

20. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1997. 288 p. (In Eng.)
21. Popov E.V., Sukharev O.S. Movement towards digital economy: influence of technological factors. *Economy. Taxes. Right*. 2018; 11(1):26–35. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-1-26-35 (In Russ.)
22. Litvintseva G.P., Petrov S.P. Theoretical bases of interaction of digital transformation and quality of life of the population. *Journal of economic theory*. 2019; 16(3):414–427. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.10 (In Russ.)
23. Abroskin A.S., Zaitsev Yu.K., Idrisov G.I., Knobel A.Yu., Ponomareva E.A. Economic development in the digital age. Moscow: publishing house "Delo", Ranepa, 2019. 88 p. (In Russ.)
24. Ivanova V.V., Malinetsky G.G. Digital economy: from theory to practice. *Innovations*. 2017; 12(230):3–12 (In Russ.)
25. Digital economy: global trends and practice of Russian business / Executive editor D.S. Medovnikov. Moscow: HSE, 2017. 121 p. (In Russ.)
26. Bukh R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. *Global Development Institute working papers*. 2017; (68):1–24. URL: <https://diodeweb.files.wordpress.com/2017/08/diwp68-diode.pdf> (In Eng.)
27. Chakpitak N., Maneejuk P., Chanaim S., Sriboonchitta S. Thailand in the Era of Digital Economy: How Does Digital Technology Promote Economic Growth? In: *Predictive Econometrics and Big Data. International Conference of the Thailand Econometrics Society*, 2018; P. 350–362. DOI: 10.1007/978-3-319-70942-0_25 (In Eng.)
28. Goldstein H. Editorial: The Digital Economy Act and Statistical Research. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society*. 2017; 180(4):945–946. DOI: <https://doi.org/10.1111/rssa.12317> (In Eng.)
29. Tan K.H., Ji G., Lim C.P., Tseng M.-L. Using Big Data to Make Better Decisions in the Digital Economy. *International Journal of Production Research*. 2017; 55(17):4998–5000. DOI: 10.1080/00207543.2017.1331051 (In Eng.)
30. Martin-Shields C.P., Bodanac N. Peacekeeping's Digital Economy: The Role of Communication Technologies in Post-Conflict Economic Growth. *International Peacekeeping*. 2017; 25(2):1–26. DOI: 10.1080/13533312.2017.1408413 (In Eng.)
31. Valko D.V. Digitalization of the regional socio-ecological-economic space of Russia. *Journal of economic theory*. 2019; 16(3):402–413. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.9 (In Russ.)
32. Popov E.V., Semyachkov K.A. Assessment of the readiness of Russian industries to form a digital economy. *Innovations*. 2017; 4(222):37–41 (In Russ.)
33. Romanova O.A. Strategies for socio-economic development of Russian regions in the context of digital economy challenges. *Proceedings of the Ural state University of Economics*. 2018; 19(3):55–68. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-3-6 (In Russ.)
34. Korovin G.B. Social and economic aspects of digitalization in Russia. *Journal of economic theory*. 2019; 16(1):1–11. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-1.1 (In Russ.)
35. Sklyar M.A., Kudryavtseva K.V. Digitalization: main directions, advantages and risks. Economic revival of Russia. 2019; 3(61):103–114 (In Russ.)
36. Dyachenko O.V. Industrial relations in the conditions of transition to digital economy. Bulletin of the Chelyabinsk state University. *Economic Sciences*. 2018; 12(422):7–18. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11201 (In Russ.)
37. Moazed A., Johnson K. Modern Monopolies: What It Takes to Dominate the 21st Century Economy. St. Martin's Press, 2016. 256 p. (In Eng.)
38. Bodrunov S.D., Demidenko D.S., Plotnikov V.A. Reindustrialization and formation of the "digital economy": harmonization of trends through the process of innovative development. *Management consulting*. 2018; (2):43–54. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-2-43-54 (In Russ.)

Submitted 10.01.2021; revised 08.02.2021; published online 31.03.2021

About the authors:

Gumar H. Batov, Senior Researcher, Institute of Informatics and problems of regional management-branch of the Federal research center "Kabardino-Balkar scientific center of the Russian Academy of Sciences" (37A, I. Armand street, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004), Nalchik, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor, gumarbatov@mail.ru

Lyudmila A. Khutova, Associate Professor, North Caucasus State Academy (36, Stavropol street, Cherkessk, Kabardino-Balkar Republic, 369000), Cherkessk, Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, hutova75@mail.ru

Timur M. Shogenov, Deputy Head of the Department, North Caucasus Institute of advanced training (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia (123, Malbakhova street, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360016), Nalchik, Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, tima030@icloud.com

Contribution of co-authors:

Khutova L.A. – preparation of materials on the Karachay-Cherkess Republic, analysis of the state of LLC "QUEST-A";

Shogenov T.M. – selection of materials on digital technologies;

Batov G.Kh. – generalization of the submitted materials and preparation of the text of the article.

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 338. 28

JEL: O14, O32, O33, R11

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.1.83-90

Original article

The Determinants of Income Inequality in Bangka Belitung Province

Nesha Redita¹, Bernadette Robiani²,
Yulianita Anna³

¹⁻³ Sriwijaya University (UNSRI), Palembang, Indonesia

Ilir Barat 1, Palembang, South Sumatera, 30128

E-mail: nesharedita@gmail.com, robiani64@yahoo.com, annayulia@unsri.ac.id

Abstract

Purpose: this research study focused on analyzing the conditions of income distribution and the determinants of the low Gini coefficient, namely the sectors that have the highest contribution, including the industrial, agricultural and trade sectors and labor productivity in the industrial sector in Kepulauan Bangka Belitung Province.

Methods: the income distribution phenomenon in Kepulauan Bangka Belitung Province during the 2007–2018 period became the basis for analyzing the determining variables of income distribution including the industrial sector, the agricultural sector, the trade sector and the industrial labor productivity. The income distribution indicator was measured from the Gini coefficient value using the Panel Data Regression approach to determine the effect of these variables on the Gini coefficient in all regencies / cities in the Kepulauan Bangka Belitung Province.

Results: the results showed that the agricultural sector, industrial sector and trade sector had a negative and significant effect on the Gini coefficient. Meanwhile, labor productivity in the Industrial Sector had a significant positive effect on the Gini coefficient. The results showed that the determinant of income distribution was the agricultural sector. Further findings prove that the agricultural, industrial and trade sectors improved the income distribution.

Conclusions and Relevance: this study implied for the efforts to increase the agricultural market orientation towards high productivity which was inversely contrast to the output of workers in the industrial sector proven to reduce income distribution. Therefore, the structural transformation towards industrialization and market-oriented efforts from the agricultural sector were necessary.

Keywords: income distribution, Gini coefficient, agricultural sector, industrial sector, trade sector, labor productivity, regression analysis

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Redita Nesha, Robiani Bernadett, Anna Yulianita. The Determinants of Income Inequality in Bangka Belitung Province. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2021; 12(1):83–90. (In Eng.)

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.83-90>

© Redita Nesha, Robiani Bernadett, Anna Yulianita, 2021

Оригинальная статья

Факторы неравенства доходов в провинции Бангка Белитунг (Индонезия)

Неша Редита¹, Бернадетт Робиани², Юлианита Анна³

¹⁻³ Университет Шривиджая (UNSRI), Палембанг, Индонезия

30128, Южная Суматра, Палембанг, Илир Барат 1

E-mail: nesharedita@gmail.com, robiani64@yahoo.com, annayulia@unsri.ac.id

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Аннотация

Целью исследования является анализ условий распределения доходов и факторов низкого коэффициента Джини в областях, которые вносят наибольший вклад в экономику провинции Кепулауан Бангка Белитунг (Индонезия), включая промышленный, сельскохозяйственный и торговый секторы, а также производительность труда в промышленном секторе.

Методы или методология проведения работы. Феномен распределения доходов в провинции Кепулауан Бангка Белитунг в период 2007–2018 гг. стал основой для анализа определяющих переменных распределения доходов, включая промышленный, сельскохозяйственный и торговый секторы, а также производительность труда в промышленности. Индикатор распределения доходов измерялся по значению коэффициента Джини с использованием метода регрессии панельных данных для определения влияния этих переменных на коэффициент Джини во всех округах (городах) провинции Кепулауан Бангка Белитунг Индонезии.

Результаты работы показали, что сельскохозяйственный сектор, промышленный сектор и сектор торговли оказали отрицательное и значительное влияние на коэффициент Джини. Между тем, производительность труда в промышленном секторе оказала существенное положительное влияние на коэффициент Джини. Определяющим фактором распределения доходов был сельскохозяйственный сектор. Дальнейшие результаты подтверждают, что в сельскохозяйственном, промышленном и торговом секторах распределение доходов улучшилось.

Выводы. Представленное исследование подразумевало усилия по повышению ориентации сельскохозяйственного рынка на высокую производительность труда, что было противоположно тому, что производительность труда рабочих в промышленном секторе, как было доказано, снижает распределение доходов. Следовательно, необходима структурная трансформация в направлении индустриализации, а также рыночные усилия сельскохозяйственного сектора.

Ключевые слова: распределение доходов, коэффициент Джини, сельскохозяйственный сектор, промышленный сектор, торговый сектор, производительность труда, регрессионный анализ

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Редита Неша, Робиани Бернадетт, Анна Юлианита. Факторы неравенства доходов в провинции Бангка Белитунг (Индонезия) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 1. С. 83–90

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.83-90>

© Редита Неша, Робиани Бернадетт, Анна Юлианита, 2021

Introduction

Income distribution in Indonesia was categorized from the value of Gini ratio classified into two classifications namely high distribution or low inequality ($0.00 < 0.35$) and moderate distribution or inequality ($0.35 < 0.50$). The classification of inequality was spatially mapped into low, medium and high categories which were then divided into red zone representing high classification, yellow zone representing medium classification and blue zone representing low classification. Provinces in Indonesia generally had moderate inequality because they belonged to the yellow zone with 0.34 Gini ratio average. The spatial classification of inequality in all provinces in 2018 was displayed in Figure 1.

Figure 1 showed that Bangka Belitung was the only area of Indonesia in the blue zone. Therefore, Bangka Belitung was categorized in high distribution compared to other provinces. Its 0.272 Gini ratio was lower than the whole country in general. According to BPS (Statistics Indonesia) for Bangka Belitung (2019), the income distribution of this province was affected by (1) the average expenditure of the 40 percent of lower class group increased by 3.05 percent while the increase was 2.17 percent for the 20 percent of upper class group and (2) a decrease in spending distribution for the 20 percent upper class group and the 40 percent middle class group was 0.21 points and 0.03 points respectively. In addition, there was an increase of 0.25 points for the lower class group. Therefore, an increasing percentage of regional income earned by the 40 percent lower class group and the

decrease in regional income received by the upper middle class created income distribution growth. The rise in spending reflecting the increase in income of the lower class group came from the infrastructure establishment, conducive trade and services businesses development and government's social protection schemes (BPS Bangka Belitung, 2019). The income distribution in Kepulauan Bangka Belitung came from the role of the three leading sectors, including agriculture, industry and trade. On top of that, continuous structural transformation created economical change to the composition of demand, trade, production and other factors necessary to increase social earnings and welfare through the increased per capita income (Chenery 1960, 1964; Chenery et. al. 1986; Chenery dan Syrquin 1975; Chenery dan Taylor 1968; Chenery dan Watanabe 1958).

There were several studies discussing changes in economic structure and income distribusi. Baymul & Sen (2020) conducted study to see the impact of changes in economic structure on income inequality, and the results of the study showed that the change of economic structure to industrialization had a positive impact on income equality. Furthermore, Simaimi & Darren (2019) found that the change in income distribution was more elastic in the agricultural sector than in the industrial sector although the growth of the two sectors would increase income distribution. However, Bouincha & Karim (2018) discovered that productivity in the agricultural sector would reduce income distribution in developing countries.

Source: The result of data processed using Microsoft Office 2019 Software.

Fig. 1. Gini Ratio Distribution in Indonesia in 2018

Источник: результат обработки данных авторами с помощью обеспечения Microsoft Office 2019.

Рис. 1. Распределение коэффициента Джини в Индонезии в 2018 г.

Literature Review

Baymul & Sen (2020) tested the economic transformation or structural changes of the kuznet hypothesis, and the findings suggested that changes in economic structure towards the service sector led to income inequality. On the other hand, if the pattern of economic structure changed towards industrialization, the income equality would increase. Simaimi & Darren (2019) found that the structural changes from the agricultural sector to the industrial sector provided a greater elasticity of income distribution. Nevertheless, without permanent structural changes in the agricultural sector, the impact of income distribution elevated because the growth of the agricultural sector would encourage a more elastic income distribution than the growth of the industrial sector.

Several studies specifically discussed the process of changing the economic structure towards industrialization which caused various issues, including income inequality. Haraguchi et al. (2017) described that the decline in manufacturing added value and the manufacturing job share in many developing countries were the results of the shift of manufacturing activities to a country with a relatively small population rather than the changes in the sector development potential.

These conditions created inequality in wage and employment opportunities. The shift in economic structure towards industrialization encouraged the modern manufacturing sector to adopt the use of capital intensive expanding technology utilization and skilled labor employment. Consequently, the inequality of job op-

portunity and income would be unavoidable (Martorano and Sanfilippo 2015).

Alternatively, the transition from agricultural economic structure to industrial economic structure in state development, which had been modeled by Lewis (1954) and Kuznets (1955), should lead to a general increase in the income share of the modern sector, and the inequality would grow to the point where the majority of the workforce was employed with high productivity. According to Lindert & Williamson (2001), the process of economic reform is a shift of the agricultural market from domestic market to export, and not the shift from agriculture to manufacturing

and services which caused an increased inequality as stated by Kuznets. In addition, Wan et al. (2017) focused on the growth-inequality relationship, which was not formalized. It is also different from convergence or catch-up literature, including Caselli et al. (2012).

The model postulated that structural changes triggered by technology (e.g., the emergence of information and communication technology and e-commerce), culture (e.g., increased demand for health food), institutional (e.g., reform and openness), or policy (e.g., privatization movement) caused shock relocation of resources across sectors and locations, leading to an imbalance in demand and supply factors and thus causing changes in income distribution (Wan et al., 2017; Yue et al., 2011).

In line with Lindert & Williamson model (2001), Van Leeuwen & Földvári (2016) stated that the combination between the shift from agriculture to manufacturing and services and increased labor productivity in agriculture would encourage income equality. Yue et al. (2011) conducted study about the economic reform in industrialization, specifically in monopoly and competitive industries. The study discovered that the subsector contributed 8.2% of the total income gap among workers. The study only differed in education levels that led to the inequality.

This economic transformation would not have a direct impact on the income distribution. According to Zhou & Song (2016), government policies such as regional development, rural development, social welfare system for low-income people, taxation, education and

bureaucratic structure were needed. In addition, the resource-oriented manufacturing industry should also be addressed. Akita et al. (2011), spatial distribution of resource-oriented manufacturing industries (e.g. wood processing industry, plantation-based and mineral resource-based) had high transportation costs which therefore tended to be placed where raw material inputs were available. This created uneven spatial distribution related to the distribution of income per capita.

The change in the agricultural economic structure to the industrial economic structure in economic development was modeled by Lewis (1954) and Kuznets (1955) whose objective was to increase the income from the modern sector would cause inequality rise because the majority of the workforce worked high productivity jobs.

The change in economic structure to industrialization in Bangka Belitung was based on the high equality phenomenon. A model of economic transformation was applied to accept or reject the hypothesis that Lindert & Williamson (2001) criticized. To test this, a conceptual framework was established as follows (Figure 2):

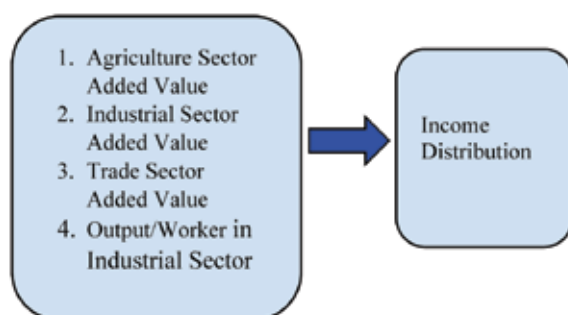

Fig. 2. Conceptual Framework

Рис. 2. Концептуальная основа

Research Goals Formulation

This study analyzed the condition of income distribution and highest contributed sectors determining the low Gini Coefficient including industrial sector, agricultural sector, trade sector and worker productivity in industrial sector in Kepulauan Bangka Belitung.

Main Research Material Description

This research examined the condition of income distribution and the determining variables including the added value in industrial sector, agricultural sector and trade sector, and the output/worker in industrial sector in all cities and regencies in Kepulauan Bangka Belitung in 2007–2018. This study used a combination of time-series data and cross-section data

sourced from BPS (Statistics Indonesia). The data obtained then were analyzed with descriptive analysis and quantitative analysis. Descriptive analysis would look at the income distribution, added value in agricultural sector, industrial sector and trade sector, and output/workers in the industrial sector. Descriptive analysis was conducted by interpreting tables and graphs to see the trends that occurred in the data. Quantitative analysis was used to test the Kuznet Hypothesis (1955) and Lewis Model (1954) by looking at the determinants of the income distribution during the structural changes process. This included the added value in agriculture, industry, trade and output/workers in the cities and regencies in Kepulauan Bangka Belitung. The writer used the Regression Data Panel with the following equation models.

$$Y_{it} = \beta_0 + \beta_1 \text{Agr}_{it} + \beta_2 \text{Ind}_{it} + \beta_3 \text{Trd}_{it} + \beta_4 \text{PrInd}_{it} + e_{it}$$

Explanation:

Y = Income distribution per capita in 2007–2018;

α = Interception;

$\beta_1 - \beta_4$ = The regression coefficient for each independent variable;

Agr = Added Value of the Agricultural Sector;

Ind = Added Value of the Industrial Sector;

Trd = Added Value of the Trade Sector;

PrInd = Output/worker in Industrial Sector;

t = 2007–2018 (Period, Year);

e_{it} = Error term.

Results and Discussion

The selection of model was based on several tests, namely Chow test, Hausman test and Lagrange multiplier test. The following are the results of model testing presented in Table 1.

The selection of regression method was necessarily conducted before the estimation. It was firstly tested using Chow Test which was comparing the Pooled Least Square (PLS) to Fixed Effect Model (FEM). Based on Chow test results, the probability value on the model of income distribution was 0.037. It indicated that the best selected model on income distribution model was Fixed Effect Model with probability value of the chi-square less than real level of 5%. The next test was carried out to choose the best model between the Fixed Effect Model and the Random Effect Model by doing the Hausman Test. Based on the results of the Hausman test, the value of the probability of Chi-Square on the model of income distribution accounted

Model Testing Result

Table 1

Таблица 1

Результат тестирования модели

No	Tests	Statistics	Probability
1	Chow Test	13,398	0,037
2	Hausman Test	0,0000	1,0000
3	LM Test	15,920	0,0001

Source: Data Processed, 2020.

Источник: обработанные данные, 2020 г.

for 1,000 indicating that the best model was Random Effect Model. There were some differences from each testing result thus the Lanrange Multiplier test was carried out using Breusch-Pagan test. It showed that "both" probability value was smaller than real level of 5% ($0.0001 < 0.05$), therefore the model selected was Random Effect Model (REM). The output of estimated model was depicted in Table 2.

Before conducting further stages of analysis, there were statistical tests including: F test, t test, and coefficient of determination. The results of the F statistical test showed that the F statistical probability value was smaller than the real level of 5% ($0.003 < 0.05$), thus the variables of the agricultural sector, industrial sector, trade sector, and output / workers in the industrial sector were simultaneously

The estimation results of income distribution determinants in Bangka Belitung Province using the Gini Ratio indicated that the Random Effect model was the best model. This model was chosen because statistically and by determining the best model through the Hausman test and the LM test, the Random Effect Model was chosen as the best model. In this model all variables were declared significant, namely: the agricultural sector, the industrial sector, the trade sector, and the output / workers in the industrial sector.

Panel Data Regression Estimation Results

Table 2

Таблица 2

Результаты оценки регрессии панельных данных

DEPENDENT VARIABLE: Y?				
VARIABLE	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	0.654673	0.103770	6.308883	0.0000
LNIND?	-0.006486	0.002485	-2.609877	0.0110
LNAGR?	-0.029576	0.009061	-3.264191	0.0017
LNTRD?	-0.019833	0.007660	-2.589070	0.0116
LNPRIND?	0.000620	0.000286	2.166541	0.0335
RANDOM EFFECTS (CROSS)				
BANGKA	0.009532			
BELITUNG	0.009342			
BANGKA BARAT	0.000579			
BANGKA TENGAH	-0.004153			
BANGKA SELATAN	0.001040			
BANGKA TIMUR	-0.015565			
PANGKAL PINANG	-0.000775			
WEIGHTED STATISTICS				
R-SQUARED	0.192603	Mean dependent var		0.162992
ADJUSTED R-SQUARED	0.148362	S.D. dependent var		0.035147
S.E. OF REGRESSION	0.031042	Sum squared resid		0.070343
F-STATISTIC	4.353503	Durbin-Watson stat		1.303890
PROB(F-STATISTIC)	0.003261			
UNWEIGHTED STATISTICS				
R-SQUARED	0.174222	Mean dependent var		0.275474
SUM SQUARED RESID	0.077962	Durbin-Watson stat		1.176462

Source: Data Processed, 2020.

Источник: обработанные данные, 2020.

significant to the Gini Ratio. Meanwhile, to partially analyze the effect.

The probability value of the industrial sector variable was smaller than the real level of 5% ($0.0110 < 0.05$) now that the industrial sector partially had significant impact on the Gini coefficient whereas the probability of industrial sector variables was smaller than the real level of 5% ($0.017 < 0.05$) so that partially the industrial sector had a significant impact on the Gini ratio. The trade sector variable had probability value smaller than the real level of 5% ($0.0116 < 0.05$). Consequently, the trade sector partially had significant effect on the Gini ratio. Furthermore, the output / worker variable in the industrial industrial sector was smaller than the real level of 5% ($0.033 < 0.05$) thus the output / worker in the industrial sector partially had a significant effect on the Gini ratio. The further test conducted was determination coefficient test to find out how the variety of variables namely the agricultural sector, industrial

sector, trade sector, and output / workers in the industrial sector contribute to determining the variation of the Gini ratio variable with the R2 results of 0.192 or 19.2%. Meanwhile, the remaining 80.8 percent was influenced by other variables. For further discussion, the influence of each variable of the industrial sector, agricultural sector, sector trade, and output / workers in the industrial sector would be analyzed by the following equation model:

$$Y = 0.654673 + -0.006486 LNIND + \\ + -0.029576 LNAGR + -0.019833 LNTRD + \\ + 0.000620 LNPRIND$$

The estimation results showed that the coefficient value of the industrial sector variable was negative indicating the industrial sector had a negative and statistically insignificant effect. These results illustrated that any increase in the output of the industrial sector in the Bangka Belitung islands would increase the income distribution. This condition proved that theoretically it could be explained in the model of economic transformation from the traditional sector to industrialization. The economic transformation from traditional to modern was a change in the economy related to the composition of demand, trade, production and other factors needed continuously to increase income and social welfare through increasing per capita income (Chenery 1960). This was in line with the economic situation in the industrial sector which experienced an increase in output every year. Furthermore, this positive trend had significant impact on declining the Gini ratio or structural transformation from traditional to modern, the growth of industrialization impacted on the better income distribution.

In contrast, Gollin et. al. (2002) found that the structural change model, especially in the industrialization process, created the inequality of income distribution to the country. The research concluded that the output of the agricultural sector increased equity more than industrialization which had negative impact on income distribution. It could be assumed that the industrialization process provided bigger gap in terms of the wage gap and the labor gap because the process of transforming the agricultural sector into industry caused a large number of unskilled workers unemployed.

In addition, Baymul & Sen's (2020) discovered that the industrialization process had positive impact on income distribution. On the other hand, Simaimi & Darren's (2019) research showing that structural changes from the agricultural sector to the industrial sector provided lower income distribution elasticity. However, if there were no permanent structural changes in the agricultural sector, the impact on income distribution was higher since the agricultural sector growth would encourage income distribution more elastically than the growth in the industrial sector.

Alternatively, the transition from an agricultural economic structure to an industrialized economy in country development, which was modeled by Lewis (1954) and Kuznets (1955), should lead to a general increase in the share of income of the modern sector, with unequal increase to the point where the majority of the generation was employed in a modern, high-productivity sector. According to Lindert & Williamson (2001), the process of economic transformation was a shift in the orientation of agricultural markets from within the country to export, and not (as argued by Kuznets) a shift from agriculture to manufacturing and services that caused an increase in inequality. Additionally, Wan et al., (2017) was in contrast to Kuznets' (1955) hypothesis which focused on the growth-inequality relationship, which was not formalized. This situation was also different from the convergence or catch-up literature, including Caselli et al. (2012).

The model stated that structural change was driven by technology (for example, the emergence of information and communication technology and e-commerce), culture (for example, the increase demand of health food), institutions (e.g., reform and transparency), or policies (e.g., the privatization movement) caused a shock reallocation of resources across sectors and locations leading to an imbalance in supply and demand factors. Thus it caused changes in income distribution (Wan et al., 2017; Yue et al., 2011).

The study of van Leeuwen & Földvári (2016) was in line with Lindert & Williamson's (2001) model which found that the changes from agriculture to manufacturing and services must be accelerated with the increase of labor productivity in agriculture expected to promote income distribution. Moreover, Yue et al. (2011) opined that the economic reforms in industrialization had two sides, namely monopoly and competitive industries. It was found that these subsectors accounted for 8.2% of the total income gap among workers, and the differences in education level solely led to inequality.

The economic transformation did not have a direct impact on income distribution, according to Zhou & Song (2016), it required government policies, including regional development, rural development, and social welfare systems for low-income people, taxation and education and bureaucratic structuring. In addition to policy responses, the cause of unequal income in the industrial sector was the resource-oriented manufacturing industry. Akita et al. (2011) stated that spatial distribution of resource-oriented manufacturing industries (eg wood processing, plantation-based and mineral resource-based industries) required high transportation and accommodation costs for raw material inputs since the output must be placed in where input raw materials were available. It created a relatively uneven spatial distribution to the income distribution per population.

The coefficient value on the output of the agricultural sector showed negative direction indicating that any increase in agricultural output would give decrease impacts on the value of the Gini ratio. This relationship could empirically be explained by the role of the agricultural sector in increasing income distribution or reducing inequality. Theoretically, the role of the agricultural sector in reducing inequality was explained in the role of the agricultural sector in the transformation of development. Kuznet (1961) explained that (1) the contribution of agricultural sector products as providers of industrial raw materials; (2) The contribution of the household market in the agricultural sector was as the main target of industrial sector consumptions, whether as direct consumption or used as input in agricultural production activities; (3). Contribution of foreign exchange, the agricultural sector played a role in contributing foreign exchange to the results of its exported production activities.

This condition was in contrast to the transformation of economic development formulated by Lewis and Kuznet (1954) and Kuznets (1955), it was believed that economic development transformation should lead to a general increase in income distribution of the modern sector, while inequality influenced an increase to the point where the majority of the workforce was employed in the modern sector with high productivity. It was in line with the findings of Lindert & Williamson (2001) showing that process of economic development transformation was the change of agricultural markets orientation from within the country to export, and not (as suggested by Kuznets) a shift from agriculture to manufacturing and services causing increased inequality. Furthermore, Wan et al. (2017) was in contrast to Kuznets' (1955) hypothesis which focused on the inequality growth relationship, which was not formalized.

The role of the trade sector had significant negative effect on the value of the Gini ratio. It was implied that an increase in the output of the trade sector played a major role in increasing income in the province of Bangka Belitung islands. It was evident that the output of the trade sector during the period of 2007 – 2018 had the highest value compared to other sectors. This phenomenon was quite interesting because the trade sector played an important role in the economy of the province. In addition, the Gini ratio value was periodically constant at 0.34, the lowest in national scale. Further evidence was based on the literature results of several studies supporting the research result. Pal, Chakraborty and Ghose (2019) found that the growth of the trade sector would directly reduce income inequality. Similarly, study (Khan and Nawaz 2019) found that the output of the trade sector had a significant effect on the Gini ratio. This was in line with the inverted U curve theory. In such case, it was accordance with the trade theory which discussed the effects of trade components in developing countries

such as exports and imports which would determine the level of the gini ratio.

There were some interesting findings on worker productivity in the industrial sector showing a phenomenon that was in contrary to Lewis and Kuznet's development models. It implied that labor productivity in the industrial sector had positive impact on the increase Gini ratio value meaning that labor productivity in the industrial sector expanded the inequality of income distribution. Specifically, there were several studies that were in accordance with the research that discussed the economic transformation towards industrialization causing several economic issues, one of which was income inequality and wage inequality. Based on the findings of Haraguchi et al. (2017), the situation was caused by a decrease in the added value of manufacturing and the share of manufacturing employment in many developing countries, not due to changes in the development potential of the sector because of a shift in manufacturing activities to a country with a relatively small population. Thus it was resulted in a concentration of manufacturing activities centered only on certain areas. In addition, the conditions of industrialization had an impact on inequality of wages and job opportunities, the shift in the economic structure towards industry encouraged a change in the manufacturing sector from traditional to modern which adopted capital-intensive use. Consequently, the use of technology and skilled labor was needed. if this change occurred then it would encourage inequality in both income and wages (Martorano and Sanfilippo 2015).

Conclusion and Relevance

This research focused on analyzing the determinants of income equalization across districts/cities in Bangka Belitung Province in 2007–2018 using the regression analysis tool data panel. The results showed that the determinant of income equalization in Bangka Belitung Province was the agricultural sector. The influence proved that the industrial sector, agriculture sector and trade sector had a negative influence on the Gini coefficient. Thus, the increase in the three sectors would have a significant increase in revenue. On the other hand, the increase in industrial sector output had a positive and significant impact on Gini coefficient. This condition indicated that the increase in industrial sector output was proven to decrease inequality. The related implications proved that the role of the agricultural sector in increasing income equalization in Bangka Belitung Province was statistically proven. Therefore increasing the agricultural market orientation towards higher productivity was necessary. In contrast, the output of workers in the industrial sector that was proven to lower the revenue charts. Thus, the structural reforms towards industrialization should be reevaluated and focus solely on the market orientation of the agricultural sector.

References

1. Akita T., Kurniawan P.A., Miyata S. Structural Changes and Regional Income Inequality in Indonesia: A Bidimensional Decomposition Analysis. *Asian Economic Journal*. 2011; 25(1):55–77. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8381.2011.02053.x> (In Eng.)
2. Basu P., Guariglia A. Foreign Direct Investment, inequality, and growth. *Journal of Macroeconomics*. 2007; 29(4):824–839. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2006.02.004> (In Eng.)
3. Baymul C., Sen K. Was Kuznets Right? New Evidence on the Relationship between Structural Transformation and Inequality. *Journal of Development Studies*. 2020; 56(9):1643–1662. DOI: <https://doi.org/10.1080/00222038.2019.1702161> (In Eng.)
4. Bouincha M., Karim M. Income Inequality and Economic Growth: An Analysis Using a Panel Data. *International Journal of Economics and Finance*. 2018; 10(5):242. DOI: <https://doi.org/10.5539/ijef.v10n5p242> (In Eng.)
5. BPS Provinsi Bangka Belitung. Berita Resmi Statistik. Bps. Go.Id. 2019; 27:1–16 (In Eng.)
6. Caselli F., Wilbur J.C.II. The U. S. Structural Transformation and Regional Convergence: A Reinterpretation. *Journal of Political Economy*. 2001; 109(3):584–616. DOI: <https://doi.org/10.1086/321015> (In Eng.)
7. Du Y. Human Capital, Fertility and Economic Growth. *The Population Science of China*. 2001; 1(1):73–76 (In Eng.)
8. Haraguchi N., Cheng C.F.C., Smeets E. The Importance of Manufacturing in Economic Development: Has This Changed? *World Development*. 2017; 93:293–315. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.12.013> (In Eng.)
9. Khan I., Nawaz Z. Trade, FDI and income inequality: empirical evidence from CIS. *International Journal of Development Issues*. 2019; 18(1):88–108. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJDI-07-2018-0107> (In Eng.)
10. Lindert P., Williamson J. Does Globalization Make the World More Unequal? Globalization in Historical Perspective. *National Bureau of Economic Research*. 2001; (3):227–275. URL: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c9590/c9590.pdf> (In Eng.)
11. Mankiw N. Macroeconomics (7th Editio). Worth Publishers. 2010 (In Eng.)
12. Martorano B., Sanfilippo M. Structural Change and Wage Inequality in the Manufacturing Sector: Long Run Evidence from East Asia. *Oxford Development Studies*. 2015; 43(2):212–231. DOI: <https://doi.org/10.1080/13600818.2015.1028914> (In Eng.)
13. Pal D., Chakraborty C., Ghose A. Joint estimation of fiscal policy, income inequality, trade and economic growth: Evidence from emerging market economy. *The Gains and Pains of Financial Integration and Trade Liberalization: Lessons from Emerging Economies*. 2019; 89–100. DOI: <https://doi.org/10.1108/978-1-78973-999-220191014> (In Eng.)
14. Sima, S.-N., Darren H. The impacts of sector growth and monetary policy on income inequality in developing countries. *Journal of Economic Studies*. 2019; 34(1):1–5 (In Eng.)
15. Todaro M.P., Smith S.C. Economic Development 12th Edition. 2015 (In Eng.)
16. Van Leeuwen B., Földvári P. The Development of Inequality and Poverty in Indonesia, 1932–2008. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*. 2016; 52(3):379–402. DOI: <https://doi.org/10.1080/00074918.2016.1184226> (In Eng.)
17. Wan G., Wang C., Zhang X. Structural Change and Income Distribution: Accounting for Regional Inequality in the People's Republic of China and its Changes During 1952–2012 (October 28, 2016). ADBI Working Paper. 2017; 608. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2892926> (In Eng.)
18. Yue X., Shi L., Terry S. High incomes in monopoly industries: A discussion. *Social Sciences in China*. 2011; 32(2):178–196. DOI: <https://doi.org/10.1080/02529203.2011.573359> (In Eng.)
19. Zhou Y., Song L. Income inequality in China: causes and policy responses. *China Economic Journal*. 2016; 9(2):186–208. DOI: <https://doi.org/10.1080/17538963.2016.116> (In Eng.)

Submitted 01.01.2021; revised 06.03.2021; published online 31.03.2021

About the authors:

Nesha Redita, Postgraduate Student, Faculty of Economy, Sriwijaya University, Palembang, Indonesia (Ilir Barat 1, Palembang, South Sumatera, 30128), e-mail: nesharedita@gmail.com

Bernadette Robiani, Professor (Economics), Lecturer at the Faculty of Economy, Sriwijaya University, Palembang, Indonesia (Ilir Barat 1, Palembang, South Sumatera, 30128), e-mail: robiani64@yahoo.com

Yulianita Anna, Doctor (Economics), Lecturer at the Faculty of Economy, Sriwijaya University, Palembang, Indonesia (Ilir Barat 1, Palembang, South Sumatera, 30128), e-mail: annayulia@unsri.ac.id

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию: 01.01.2021; одобрена: 06.03.2021; опубликована онлайн: 31.03.2021

Об авторах:

Неша Редита, аспирант, Экономический факультет, Университет Шривиджая (UNSRI), Палембанг, Индонезия (30128, Южная Суматра, Палембанг, Илир Барат 1), e-mail: nesharedita@gmail.com

Бернадетт Робини, профессор экономики, преподаватель, Экономический факультет, Университет Шривиджая (UNSRI), Палембанг, Индонезия (30128, Южная Суматра, Палембанг, Илир Барат 1), e-mail: robiani64@yahoo.com

Юлианита Анна, доктор экономики, преподаватель, Экономический факультет, Университет Шривиджая (UNSRI), Палембанг, Индонезия (30128, Южная Суматра, Палембанг, Илир Барат 1), e-mail: annayulia@unsri.ac.id

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Правила для авторов журнала **МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)** составлены на основе «Белой книги Совета научных редакторов о соблюдении принципов целостности публикаций в научных журналах. Обновленная версия 2012 г.» (CSE's White Paper on Promotion Integrity in Scientific Journal Publications, 2012 Update), представленной на ресурсах Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Все статьи журнала «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» находятся в открытом доступе – на сайте издания (<http://www.mir-nayka.com>), в Научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru>) и прочих наукометрических ресурсах. Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных или культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций», принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ). Требования соблюдения публикационной этики при подготовке и издании Журнала касаются всех участников редакционно-издательского процесса – авторов, редакторов, рецензентов, членов редколлегии, учредителя и издателя.

Все статьи проверяются на плагиат. В случае обнаружения заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Рукописи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное двустороннее анонимное («двойное слепое») рецензирование (рецензент и автор не знают имен друг друга). При принятии решения о публикации единственным критерием является качество работы – оригинальность, важность и обоснованность результатов, ясность изложения. На основании анализа статьи принимается решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой), либо об отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензентов его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Статьи в журнале публикуются после получения положительных рецензий.

Стоимость возмещения редакционно-издательских затрат (редакторской обработки) составляет от пятнадцати тысяч рублей, в зависимости от необходимого объема работы с конкретной статьей. Без возмещения затрат за редакционно-издательские услуги (за счет средств редакции) публикуются материалы авторов, специально приглашенных редакционной коллегией (главным редактором).

Общие правила публикации (подробнее см. <http://www.mir-nayka.com>):

Авторы гарантируют, что статья является оригинальным произведением, и они обладают исключительными авторскими правами на нее. Все Авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе.

При подаче статьи Авторы соглашаются с положениями предоставляемого редакцией Авторского договора.

Для публикации научной статьи Авторы должны надлежащим образом оформить и представить в электронном виде необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней. Рукописи должны быть оформлены строго в соответствии с «Правилами оформления рукописи научной статьи», представленными на сайте журнала, тщательно структурированы, выверены и отредактированы Авторами.

Структура статьи (подробнее см. <http://www.mir-nayka.com>):

1. Коды УДК и международного классификатора JEL.
2. ФИО авторов и аффилиация *(на русском и английском языках)*.
3. Название статьи – не более 10-ти слов *(на русском и английском языках)*.
4. Аннотация – не менее 200–250 слов; должны быть четко обозначены следующие составные части *(на русском и английском языках)*:
  - 1) Цель (Purpose);
  - 2) Метод или методология проведения работы (Methods);
  - 3) Результаты работы (Results);
  - 4) Выводы (Conclusions and Relevance).
5. Ключевые слова – 5–10 слов *(на русском и английском языках)*.
6. Благодарности / Признательность *(на русском и английском языках)*.
7. Конфликт интересов *(на русском и английском языках)*.
8. Основной текст статьи – излагается в определенной последовательности с соответствующими подзаголовками *(на русском и английском языках)*:
  - 1) Введение (Introduction) – 1–2 стр.;
  - 2) Обзор литературы и исследований (Literature Review) – 1–2 стр.;
  - 3) Материалы и методы (Materials and Methods) – 1–2 стр.;
  - 4) Результаты исследования (Results) – основной раздел, сопровождается иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками);
  - 5) Выводы (Conclusions and Relevance).
9. Список литературы – для оригинальной научной статьи не менее 25–30 источников, для научного обзора не менее 50–80 источников *(на русском и английском языках)*.
10. Вклад соавторов *(на русском и английском языках)*.

Более подробная информация о журнале для авторов и читателей:

<http://www.mir-nayka.com>

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Rules for the authors of the journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)" are based on the "Cases White Paper on Promotion Integrity in Scientific Journal Publications, 2012 Update", presented on the resources of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

All articles of the journal are publicly available – on the websites of the journal and the Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>). A free reproduction of material of the journal for personal use and a free using of material of the journal for information, research, educational or cultural purposes are permitted in accordance with Art. 1273–1274 of Ch. 70 of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. Other variants of using are only possible after the signing of appropriate agreements with the copyright holders (the management of the journal and the authors of the articles of the journal).

The Journal's Editorial Board policy is based on modern legal requirements for copyright, supports the Code of Publication Ethics, formulated by the Committee on Publication Ethics (COPE), and is based on the Sarajevo Declaration on Integrity and Visibility of Scholarly Publications and the Declaration on the Ethical Principles of Scientific Publications, adopted by the Association of Scientific Editors and Publishers. The requirements of compliance with publication ethics in the preparation and publication of the Journal concern all participants of the editorial and publishing process – authors, editors, reviewers, members of the Editorial Board, Founder and Publisher.

All articles are checked for plagiarism. If plagiarism is identified, the COPE guidelines on plagiarism will be followed.

Decisions on the publication of articles are made on the basis of the "double-blind peer-review". This means that during the process of reviewing, personal data of reviewers and authors shall be withheld. Each article is reviewed by two acknowledged specialists in the subject matter. The criteria of quality of manuscript are originality, significance of the results and its validity, clarity of text. If the author is a supporter of any socio-political movement or adherent of any religion and this fact is reflected in his / her article, it has no effect on the results of reviewing of the article. The Editorial Board informs an author about accept the article for publication. The Editorial Board sends to author comments from reviewers and editors. In accordance with the remarks author should edit the article. In case of rejection, the editorial Board sends the author a reasoned refusal.

Articles are published in the journal after being approved by the reviewers. The journal has Article Processing Charges (APC) which start at 15 000 rubles, depending on the necessary amount of labor for the particular article. Exempt of APC are the materials of the authors specially invited by the editorial Board (editor-in-chief).

General Publishing Rules (<http://www.mir-nayka.com>):

To publish a scientific article, the author(s) should submit a manuscript and other needed documents in exact accordance with the following requirements. The Editorial Board reserves the right to reject works that do not conform to the journal's publishing rules.

The authors shall guarantee that the submitted manuscript is the original work and all copyrights on it belong to him / her. The author transfers the rights on using the manuscript the publisher. All authors should disclose in their manuscript any financial or other substantive conflict of interest that might be construed to influence the results or interpretation of their manuscript. All sources of financial support for the project should be disclosed.

The author agrees to the terms of the enclosed Authors Agreement by submission of the article.

The Editorial Board does request authors of manuscripts submit them only after carefully editing. All authors' ideas should be clearly and consistently structured.

The structure of article (<http://www.mir-nayka.com>):

1. A code of UDC and a code of JEL classification system.
2. A full name of author, ORCID, ResearcherID, Scopus ID; academic degrees and titles; a place of work(s) / study with indication of the position(s) / course and specialization(s); an address and a telephone of organization.
3. A heading of the article.
4. An abstract (not less than 250 words): it should be correctly structured and include the following sections:
  - 1) Purpose;
  - 2) Methods of research;
  - 3) Results;
  - 4) Conclusions and Relevance.
5. Keywords (up to 10 words).
6. Acknowledgements.
7. Conflict of Interest.
8. A text of article: it must contain sections with such headings as:
  - 1) Introduction;
  - 2) Literature Review;
  - 3) Materials and Methods;
  - 4) Results;
  - 5) Conclusions and Relevance.
9. A list of references. We recommend using of not less than 25–30 sources in an original research article, and not less than 50–80 in scientific review.
10. Contribution of Authors.

Detailed information about the journal for authors and readers:

see <http://www.mir-nayka.com>

